ХУАРЕС

И. Лаврецкий

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности Хуареса Бенито Пабло (1806–1872), мексиканскому государственному и политическому деятелю, национальному герою Мексики.

- И. Лаврецкий
  -
  - КЛИЧ В ДОЛОРЕС
  - ТРУДНОЕ НАЧАЛО
  - ЯНКИ ВТОРГАЮТСЯ В МЕКСИКУ
  - ИЗГНАННИК
  - ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ
  - ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
  - НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ
  - «ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»
  - ПЕРЕД ГРОЗОЙ
  - РАСПАД ТРОЙСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ
  - ГЕРОИЧЕСКАЯ ПУЭБЛА
  - РЕВАНШ
  - МАКСИМИЛИАН БРОСАЕТ ЖРЕБИИ
  - КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ
  - ВОЗМЕЗДИЕ
  - ВИВА ХУАРЕС!
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕНИТО ХУАРЕСА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

И. Лаврецкий
ХУАРЕС

КЛИЧ В ДОЛОРЕС

15 сентября 1810 года по запыленной дороге, ведущей из города Керетаро в селение Долорес, мчался всадник. Это был капитан королевских войск Игнасио Альенде. Час тому назад он узнал, что испанские власти напали на след заговорщиков, готовившихся провозгласить независимость Мексики, и отдали приказ об их аресте. Теперь Альенде, активный участник тайной патриотической организации, спешил с этой тревожной вестью к своему другу и единомышленнику Мигелю Идальго-и-Костилья, приходскому священнику в Долорес.

Альенде прибыл в Долорес поздно ночью. Почти одновременно с ним прискакал туда и другой участник заговора, капитан Альдама. В доме у Идальго патриоты — их собралось одиннадцать человек — держали совет.

— Хотя наше выступление было намечено на декабрь, — сказал Идальго, — раскрытие испанцами наших планов заставляет нас взяться за оружие немедленно. В противном случае нас всех переловят, и мы погибнем в застенках инквизиции, а с нами погибнет и святое дело независимости. Призовем же народ к восстанию против испанских угнетателей, он нас поддержит…

Под утро 16 сентября тревожно загудел церковный колокол в Долорес. Оповещенные патриотами жители селения и индейцы-пеоны окрестных асьенд быстро заполнили площадь перед церквушкой.

— Друзья мои и соотечественники! — сказал им Идальго. — Для нас нет больше ни короля, ни податей. Эта позорная дань, которая подобает лишь рабам, выплачивалась нами в течение трех веков и была символом тирании и порабощения. Настало время освобождения, пробил час нашей свободы. Согласны ли вы попытаться вернуть себе земли, украденные триста лет назад у наших предков ненавистными испанцами?

Толпа зашумела, закричала:

— Согласны! Долой дурное правительство! Смерть гачупинам![1]

— Да здравствует Мексика! Независимость или смерть! К оружию! — закончил свою краткую речь Идальго.

В тот же день 600 повстанцев, вооруженных большими ножами — мачете, пиками и дубинами, двинулись на юг и заняли городок Сан-Мигель-Эль-Гранде. Оттуда они направились к крупному провинциальному центру Селае, из которого в панике бежали местный испанский гарнизон и власти.

Клич, раздавшийся в Долорес, мощным эхом отозвался по всей стране. К повстанцам стали стекаться крестьяне — индейцы, горняки и ремесленники. Силы патриотов росли не по дням, а по часам. В конце сентября войско Идальго насчитывало уже 20 тысяч человек. Вскоре оно освободило города Гуанахуато и Вальядолид, где к повстанцам присоединился местный гарнизон. Месяц спустя Идальго уже во главе 80-тысячной армии подошел к столице вице-королевства Новой Испании — Мехико. К тому времени Идальго был провозглашен генералиссимусом повстанческой армии, а Альенде был назначен генерал-капитаном — командующим.

На подступах к столице колониальные власти сосредоточили крупные военные силы. Идальго не смог преодолеть их сопротивления и вынужден был повернуть обратно на северо-запад.

В течение последующих месяцев патриоты продолжали с переменным успехом сражаться с испанскими властями. Им удалось освободить несколько крупных провинциальных центров, поднять на борьбу широкие крестьянские массы. Идальго отменил рабство, распорядился возвратить индейским общинам захваченные у них помещиками земли. И все же Идальго потерпел поражение. Против него объединились испанские власти, церковники, богатые негоцианты, креолы — обладатели огромных асьенд. Все они боялись потерять с победой патриотов свою власть, земли и привилегии.

Католическая церковь, верный пособник колонизаторов, владела в Мексике почти третью всех обрабатываемых земель. Большинство церковников составляли испанцы, меньшинство — креолы, уроженцы колоний испанского происхождения. Среди последних были широко распространены патриотические настроения. Многие из священников-креолов находились под влиянием освободительных идей французской революции 1789 года, с увлечением читали энциклопедистов, с надеждой взирали на молодую, соседствующую с Мексикой республику — Соединенные Штаты, победа которых в войне за независимость служила им вдохновляющим примером. Именно из этой среды вышел священник Мигель Идальго, за действиями которого давно уже следила колониальная инквизиция. Инквизиторы обвиняли Идальго в том, что он превратил свой приход в Долорес в «маленькую Францию» — рассадник «подрывных» идей французской революции. Этот скромный и мужественный человек был отлучен от церкви. Священники — сторонники испанцев ежедневно предавали его с амвонов анафеме, угрожая верующим за поддержку патриотов всеми муками ада.

Но не угрозы церковников и даже не мощь испанцев, располагавших в Мексике крупными военными силами и поддержкой богатых креолов, были причиной поражения патриотов, а их неорганизованность, недостаток военного опыта, отсутствие четкой политической программы. Первые же поражения породили уныние и растерянность в рядах повстанцев, началось дезертирство, появились предатели. Один из них, полковник Элисондо, переметнулся на сторону врага и 21 марта 1811 года захватил в плен Идальго и его ближайших сподвижников. Испанцы расстреляли руководителей восстания — Идальго, Альенде, Альдаму и Хименеса, а затем отрубили им головы и выставили их в железных клетках для устрашения народа в городе Гуанахуато.

После гибели вождей повстанческая армия распалась на небольшие партизанские отряды, продолжавшие сражаться с испанцами.

Приблизительно такая же картина наблюдалась и в других испанских колониях Америки, где в 1810 году местное население, воспользовавшись оккупацией Испании французами и пленением испанской королевской семьи Наполеоном, поднялось на борьбу с колонизаторами. Так же как и в Мексике, после начального успеха патриоты, за исключением Буэнос-Айреса, повсеместно терпели поражения. Они переходили к партизанской войне, в горниле которой рождались новые вожди, накапливался военный и политический опыт…

Было, однако, существенное отличие между движением за независимость в Мексике и в остальных испанских колониях Америки. Оно заключалось в том, что в Мексике это движение, опиравшееся на широкие крестьянские массы, носило ярко выраженный социальный характер. Особенно рельефно это проявилось в действиях Хосе-Марии Морелоса, возглавившего борьбу за независимость после гибели Идальго. Морелос тоже был приходским священником, на которого освободительные идеи французской революции оказали свое животворное влияние. Сын бедного плотника, в жилах которого текла кровь испанцев, индейцев и негров, Морелос закончил духовную семинарию, где преподавал Идальго. Убежденный республиканец, Морелос считал народ носителем суверенных прав нации. Он призывал патриотов к борьбе со знатью, с крупными чиновниками, будь то испанцы или креолы. Их имущество, по распоряжению Морелоса, подлежало немедленной конфискации. Одна его половина шла на военные нужды патриотов, а другая — распределялась среди неимущего населения. Морелос высказывался за конфискацию церковной собственности и за ликвидацию латифундий.

Деятельность Морелоса обеспечила ему поддержку широких масс населения, в первую очередь крестьянства, что позволило патриотам на протяжении четырех лет успешно сражаться с испанцами.

24 ноября 1812 года войска Морелоса с боем вошли в Оахаку, столицу одноименной провинции. В Оахаке, как и повсюду в Мексике, жители разделились на два враждебных лагеря. Высшие церковные иерархи, испанские чиновники, помещики-креолы поддерживали колониальный порядок, а священники местного происхождения, ремесленники, трудовой люд мечтали о свержении испанского ига и провозглашении независимости.

Когда раздался клич в Долорес, епископ Оахаки объявил Идальго «слугой Сатаны». Вскоре в городе были схвачены посланцы патриотов Армента и Лопес, явившиеся с поручением генералиссимуса Америки поднять население на борьбу с испанцами. По распоряжению испанского командующего местным гарнизоном генерала Регулеса их казнили в центре города, на улице, которая была впоследствии названа их именами. С освобождением Оахаки войсками Морелоса на том же месте патриоты казнили схваченного ими генерала Регулеса.

Провинция Оахака была населена индейцами народности сапотеков, достигшими еще до завоевания Мексики испанцами весьма высокого уровня развития. Под владычеством испанцев древняя самобытная культура сапотеков пришла в упадок. Сапотеки, как и другие индейские племена, населявшие Мексику, были порабощены европейскими колонизаторами. Движение за независимость породило в них надежду на избавление от гнета завоевателей. Сапотеки приветствовали освободительную армию Морелоса. Многие из них вступили в ее ряды и сражались за общее дело.

Среди сапотеков, присоединившихся к армии Морелоса, были и жители горного индейского селения Сан-Пабло-Гелатао, расположенного в горах на востоке от Оахаки. Здесь, 21 марта 1806 года, родился герой нашей книги Бенито-Пабло Хуарес, третий ребенок Марселино Хуареса и Бригиды Гарсии.

Сан-Пабло-Гелатао было убогим селением, в нем не имелось даже церквушки. Жили в нем в то время всего лишь двадцать индейских семейств. Как и их предки, сапотеки выращивали кукурузу, занимались овцеводством. Из шерсти овец ткали пряжу, которая шла на выделку знаменитых саране — плащей-накидок, спасавших индейцев от дождя и холода. Мясо возили на продажу в Оахаку.

Мать Бенито умерла при очередных родах, когда ему едва исполнилось три года. Еще раньше скончался отец. Осиротевшего

мальчика взяли на воспитание родители отца, а его сестер распределили среди других родственников. Две из них некоторое время спустя умерли, а третья, Мария-Хосефа, отправилась в Оахаку, где поступила в кухарки в семью одного купца. Через пару лет умер дедушка, а потом и бабушка Бенито, и он перешел в дом своего дяди по отцу — Бернардино Хуареса.

Сан-Пабло-Гелатао. Здесь родился Хуарес.

Как и все жители селения, Бернардино трудился на своем клочке земли, выращивая маис. У него было несколько овец и коз, пасти которых помогал ему Бенито. Бернардино был знаком с грамотой, по крайней мере умел читать по-испански. Свои скудные знания он пытался передать племяннику, настойчиво доказывая, что, только овладев грамотой, человек может добиться чего-либо в жизни.

В автобиографии («Заметки для моих детей»), написанной в пятидесятилетием возрасте, Хуарес сообщает следующее об этом периоде своей жизни: «Так как мои родители не оставили мне состояния, а дядя добывал пропитание себе трудом, с тех пор как я помню себя, я трудился, насколько позволял мне мой юношеский возраст, в поле. В небольших перерывах в работе дядя учил меня грамоте. Он доказывал мне, насколько было бы полезным и ценным для меня изучить испанский язык. В то время было исключительно трудно для бедных людей, в особенности индейцев, получить образование. Тогда этого можно было достигнуть, только посвятив себя духовной карьере. Дядя убеждал меня учиться на священника. Его желание и пример тех из моих одноплеменников, которые умели читать, писать и говорить на испанском языке, а также пример священников (а ведь ими являлись Идальго и Морелос. — *И. Л.*), пробудили во мне такое страстное желание учиться, что когда дядя спрашивал меня урок, я сам подавал ему розгу и просил наказать меня, если

не знал заданного назубок».

Несмотря на жажду знаний, учеба с трудом давалась молодому Бенито. Ведь он не понимал по-испански. В селении школы не было. Сапотеки отсылали своих детей в Оахаку служить в богатые семьи. Там хозяева вместо платы учили их читать и писать.

Поселиться в Оахаке, поступить в услужение в дом богатого сеньора и научиться там грамоте — стало мечтой молодого Бенито. Дядя хотя и не возражал против таких проектов, но племянника в город не отпускал. Мальчик тоже привязался к своему опекуну и без его согласия не решался покинуть родное селение. «Однако, — вспоминает Хуарес, — моя страсть к учению пересилила мои чувства, и 17 декабря 1818 года, когда мне было 12 лет, я бежал из дядиного дома и направился пешком в Оахаку, куда прибыл ночью того же самого дня».

Между Сан-Пабло-Гелатао и Оахакой почти 60 километров пути. Нельзя не удивляться упорству и выносливости маленького индейца, преодолевшего это расстояние за неполные сутки.

Мы не знаем, какое впечатление произвела на мальчика Оахака. В противоположность экспансивным испанцам индейцы замкнуты, сдержанны, молчаливы. Это вовсе не означает, что коренные жители этих земель лишены воображения или бесчувственны, они только не афишируют свои переживания, не выставляют их напоказ. Эти черты были присущи и характеру Хуареса. В его автобиографических заметках, в многочисленных письмах и выступлениях личные эмоции занимают скромное место. Предельно деловитый и целеустремленный в жизни, Хуарес оставался таким же, когда брался за перо, выступал публично или беседовал с друзьями и родными. Но это не был холодный и бесстрастный человек, ничто человеческое ему не было чуждо, хотя говорить об этом он считал излишним. Теперь же, спустившись с гор в этот город, хозяевами которого были покорившие его родину испанцы, он был одержим только одной страстью — овладеть грамотой, во всепобеждающую силу которой он будет верить всю свою жизнь.

Живописный колониальный городок, расположенный в плодородной долине, где до испанского завоевания находились религиозные и культурные центры индейцев мицтеков и сапотеков, — Оахака еще до завоевания испанцами славилась добычей золота и чудесными изделиями из этого металла. Древние золотые поделки по сей день находят на соседней горе Албан и в районе Митли, где некогда возвышались храмы индейцев, разрушенные конкистадорами.

Испанский король отдал весь этот богатейший район Эрнану

Кортесу в награду за завоевание Мексики, присовокупив к этому царскому подарку еще и титул маркиза Долины Оахаки.

Здания здесь воздвигались из толстых стен, хотя и приземистые из-за частых землетрясений, в испано-мавританском стиле, с веселыми андалузскими патио — двориками, разукрашенными разноцветными асулехами — керамическими плитками, с вечно журчащими фонтанами в центре, с шумливыми попугаями и певучими канарейками в клетках.

В центре Оахаки на главной площади — Пласа Майор — высился кафедральный собор, уменьшенная копия столичного. Он строился около двухсот лет. Рядом — резиденция испанского губернатора, а в четырех кварталах — один из богатейших монастырей Мексики — монастырь св. Доминика, основателя доминиканского ордена. Монастырь в стиле барокко славился многочисленными скульптурными изображениями святых, обильно покрытых позолотой. Говорят, что строительство этого монастыря обошлось «нищенствующим» монахам в 12 миллионов старых колониальных песо, сумма фантастическая по тем временам.

Вблизи монастыря св. Доминика в просторном доме с живописным патио проживал со своей женой негоциант кошенилем — карминовой краской — дон Антонио Маса. В Дверь этого дома поздней декабрьской ночью 1818 года несмело постучал смуглый худощавый мальчик в запыленной убогой одежонке. Ему открыла кухарка сеньора Масы Мария-Хосефа. Велико было ее удивление, когда в ночном визитере она узнала своего родного брата Бенито.

Дон Антонио и его жена весьма благосклонно приняли 12-летнего горца. Ему предложили работать на складе кошениля, пока он не присмотрит себе более подходящего занятия. Кормиться ему разрешили на кухне вместе с сестрой Марией-Хосефой.

Политическое положение в Мексике в то время было весьма неопределенным. Движение за независимость, возглавляемое Морелосом, не смогло преодолеть объединенные силы испанцев и богатых креолов. Получив подкрепление из Испании, где после свержения Наполеона был восстановлен на престоле тиран и мракобес Фердинанд VII и была отменена демократическая кадисская конституция 1812 года, колониальные власти нанесли ряд серьезных поражений патриотам. Морелоса постигла участь Идальго. Он был пленен, инквизиция предала его анафеме, а военно-полевой суд приговорил к смертной казни. 22 декабря 1815 года испанские солдаты под покровом ночи расстреляли Морелоса близ города Мехико.

С гибелью Морелоса движение за независимость лишилось своего самого талантливого руководителя. Теперь в далеких от крупных населенных пунктов и труднодоступных местах сражались против испанцев только небольшие партизанские отряды. И все же положение испанцев было далеко не таким прочным, как могло показаться на первый взгляд. Идальго и Морелос пробудили страну к борьбе, и население только ждало удобного случая, чтобы вновь взяться за оружие. К тому времени в Южной Америке патриоты одержали ряд значительных побед и знамя независимости уже гордо реяло над Буэнос-Айресом и Сантьяго. Испанская колониальная империя разваливалась под мощными ударами войск Боливара и Сан-Мартина, успехи которых вселяли уверенность в мексиканских патриотов, что и их дело увенчается в конечном итоге победой.

В Оахаке, где в течение двух лет власть находилась в руках сторонников Морелоса, большинство креолов и индейцев враждебно относилось к испанцам. Но террор испанских властей здесь, как и в других местностях Мексики, был столь велик, что патриоты не решались открыто высказывать свои взгляды. Особенно отличались в преследовании патриотов церковники. Они шпионили за населением, выдавая властям заподозренных в сочувствии делу независимости. В церквах денно и нощно отслуживались молебны в честь испанского короля Фердинанда VII и за победу его оружия над мятежниками. Ежедневно с этой целью устраивались уличные шествия с хоругвями и образами. Оахака походила на огромный монастырь, в котором, казалось, люди занимаются только замаливанием своих грехов.

Некоторые испанцы не одобряли расправ над патриотами, опасаясь, что в случае победы сторонников независимости им придется расплачиваться за зверства властей. Были среди испанцев и сочувствующие республиканской форме правления, сторонники демократической кадисской конституции 1812 года, были и противники церковного засилия, зачитывавшиеся Вольтером и другими просветителями.

Дон Антонио Маса, сам родом из Генуи, весьма критически относился к действиям колониальных властей, не одобрял тиранического режима Фердинанда VII, осуждал религиозный фанатизм.

Нельзя считать случайным, что когда сеньор Маса более внимательно пригляделся к юному индейцу и внял его настойчивым просьбам учиться грамоте, то определил его в ученики к известному в городе своими либеральными взглядами переплетчику Антонио Салануэве.

Учитель Хуареса состоял членом францисканского ордена

терциариев. Третий орден св. Франциска отличался от первых двух тем, что его члены жили в миру, зарабатывая себе на пропитание физическим трудом. Члены ордена пользовались различными привилегиями: не платили налогов, свободно передвигались по стране, могли читать запрещенные церковью книги. Для Салануэвы последнее представляло особую важность: ведь он работал переплетчиком, его скромное жилище всегда было забито книгами, его услугами пользовались все книголюбы Оахаки, многие из которых были сторонниками патриотов. Салануэва был поклонником испанского просветителя Фейхоо (1676–1764), который, как впоследствии писал о нем в своих автобиографических заметках Хуарес, «вел войну против предрассудков и невежества своих сограждан» и был «инициатором реформы просвещения в Испании». По счастливому совпадению, кумира Салануэвы — Фейхоо, как и Хуареса, звали Бенито, что сразу расположило переплетчика к своему ученику.

7 января 1819 года, то есть двадцать дней спустя после своего появления в Оахаке, страстное желание молодого Хуареса обучаться грамоте осуществилось. В этот день он поселился у Салануэвы, где стал помогать своему новому хозяину переплетать книги взамен за кров, еду и уроки испанского языка.

Не прошло и года, как он уже писал и читал по-испански, поглощая запоем и без разбора книги, которыми был заполнен дом Салануэвы. Переплетчик с гордостью сообщал об успехах своего ученика клиентам, местным книголюбам и поклонникам народного просвещения. Для них этот молодой индеец-сапотек, влюбленный в грамоту, как бы олицетворял пробуждающуюся к новой жизни Мексику. Друзья Салануэвы уговорили его послать Хуареса в местную начальную школу, где он, как они считали, мог пополнить свои знания по испанской грамматике. Но в школе учитель принял индейца-сапотека враждебно. Он высмеивал «деревенское» произношение Хуареса, ругал за ошибки в диктанте, не объясняя, в чем они заключаются.

«Эти несправедливости глубоко меня оскорбляли, — писал Хуарес в «Заметках», — в равной степени как и отсутствие равенства в преподавании, ибо если учитель в другом помещении старательно учил детей из так называемых «порядочных» семейств, то юноши бедного происхождения, подобно мне, перепоручались его помощнику, который совсем не был подготовлен к этой работе, зато по жестокости был равен своему патрону».

Хуарес с согласия Салануэвы прекратил посещения начальной школы. Он не слишком об этом жалел, в доме переплетчика ему не приходилось скучать. Переплетчик любил

поговорить со своими заказчиками о редких книгах, о знаменитых произведениях испанской и мировой литературы, об именитых писателях. Нередко заходил разговор о древней Мексике, о конкисте и жестокостях конкистадоров, о французской революции, падении Бастилии и Наполеоне. А некоторые посетители Салануэвы вспоминали героические подвиги Идальго и Морелоса, передавали все новые и новые подробности их гибели.

Внимательно прислушивался к этим разговорам молодой сапотек. Многое из слышанного было ему непонятно, но это только побуждало его с еще большим рвением выполнять поручения своего учителя, который неустанно повторял ему, что знания откроют ему все секреты жизни, все тайны окружающего его мира, широко распахнут перед ним дверь в грядущее и наградят славой, уважением и любовью сограждан.

В конце 1819 года переплетчик стал поговаривать, что было бы неплохо его подопечному поступить в местную церковную семинарию — единственное среднее учебное заведение в Оахаке, где индеец мог рассчитывать на бесплатное образование. Можно было бы впоследствии стать священником, ведь это обеспечило бы Хуареса верным куском хлеба, дало бы ему известную независимость и положение в обществе. Тогда он смог бы успешно служить своей родине, следуя примеру Идальго, Морелоса или того же Фейхоо, этого неутомимого пропагандиста научных знаний в Испании, пера которого боялись даже инквизиторы.

В колониальной Мексике индеец имел только одну-единственную возможность выбиться в люди, овладеть грамотой, знаниями — надев рясу священника. Все другие пути «наверх» — дворянство, торговля, государственная служба, офицерские звания — были для него наглухо закрыты. Или оставайся навсегда слугой креолов и испанцев, или надевай рясу. Таков был выбор, стоявший перед Хуаресом. Хотя он чувствовал естественную неприязнь к церковной карьере, главным образом из-за связанного с нею обета безбрачия и целомудрия, страсть к знаниям взяла верх, и Хуарес согласился поступить в семинарию.

Салануэва принялся усиленно готовить юношу к экзаменам. Уроки следовали за уроками, но в конце года ученик стал наблюдать в своем учителе некоторые странности. Переплетчик проявлял беспокойство, рассеянность. В городе чувствовалось какое-то напряжение, нервозность, точно перед грозой. Жители передавали друг другу под большим секретом ошеломляющие новости. Говорили, что Чили, Буэнос-Айрес, Венесуэла добились, наконец, независимости. В феврале 1820 года по городу

разнеслась весть, что в Испании, в Кадисе, восстал ожидавший отправки в колонии карательный корпус. Восставших поддержал народ. Опасаясь лишиться трона, Фердинанд VII согласился на созыв кортесов (парламента), восстановил демократическую конституцию 1812 года и распространил ее действие на колонии.

Эти известия породили новые надежды у патриотов на избавление от испанского гнета и вызвали настоящую панику среди церковников, колониальных чиновников и помещиков-креолов. Ведь возрождение конституции 1812 года грозило духовенству упразднением его традиционных привилегий, могло привести к отмене инквизиции и предоставлению демократических свобод населению колоний. В этих условиях движение за независимость одержало бы, несомненно, победу и к власти пришли бы радикалы, сторонники передовых идей Идальго и Морелоса. Тогда индейцы получили бы равные с богатыми креолами права, помещики же лишились бы своих огромных поместий.

Пытаясь во что бы то ни стало спасти старый порядок, колониальные власти вкупе с богатыми креолами, церковными иерархами и высшими армейскими чинами решили порвать с метрополией и самим провозгласить независимость Мексики. Заговор возглавил Агустин де Итурбиде вместе с инквизиторами Монтенегро и Тирадо и прелатом Пиментелем. Сын богатого помещика, Итурбиде, как Идальго и Морелос, учился на священника. Однако в отличие от них примкнул к лагерю испанцев, стал профессиональным военным. Он преданно служил колонизаторам, участвуя в подавлении освободительного движения, за что был отмечен высшими испанскими наградами. Самолюбивый и жестокий, Итурбиде мнил себя креольским Наполеоном. Он рвался к власти, мечтая возложить на себя корону императора Мексики.

24 февраля 1821 года Итурбиде, руководивший на юге операциями по подавлению партизанского движения, опубликовал в городе Игуала манифест, в котором призывал население выступить в поддержку религии и независимости, гарантировал испанцам и церковникам сохранение всех их привилегий и прав и обещал установить в Мексике конституционную монархию во главе с Фердинандом VII или другим представителем династии Бурбонов. «План Игуалы», такое название получил манифест Итурбиде, охотно поддержали испанцы и духовенство.

Несмотря на явно реакционный характер программы Игуалы, цель которой заключалась в сохранении старого колониального режима, Итурбиде удалось обещанием провозгласить

независимость и привлечь на свою сторону руководителей патриотического повстанческого движения Висенте Герреро, Гуадалупе Викторию[2], Николаса Браво и некоторых других. Их отряды присоединились к войскам Итурбиде, который направился в Мехико, легко преодолевая на пути крайне нерешительное сопротивление испанских гарнизонов.

24 августа Итурбиде подписал в городе Кордобе с испанцами соглашение, согласно которому Испания признала независимость Мексики, корона которой сохранялась за Фердинандом VII. Соглашение гарантировало испанцам и церкви их прежние права и привилегии.

23 сентября испанские войска оставили Мехико, куда вступила армия Итурбиде, а 28 сентября 1821 года образованная под его председательством правительственная хунта провозгласила независимость страны.

Дело мексиканской независимости восторжествовало. Но власть продолжала оставаться в руках тех самых сил, тиранию которых одиннадцать лет тому назад призвал свергнуть Мигель Идальго-и-Костилья…

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Какое впечатление произвело на воспитанника Салануэвы победоносное шествие армии Итурбиде на Мехико и провозглашение независимости страны? В своих воспоминаниях Хуарес посвящает этому периоду всего лишь один небольшой абзац, в котором вкратце излагает «великие события, происходившие в то время в Мексике». Он даже не упоминает о том, что войска Итурбиде на пути в столицу вошли в Оахаку и низложили здесь испанские власти.

Да, независимость была провозглашена, но стоило ли по этому поводу трубить победу? Ведь она не принесла освобождения народу от гнета помещиков, миллионные массы индейцев продолжали оставаться париями на своей собственной земле. Висенте Герреро, Гуадалупе Виктория, Николас Браво и другие патриоты, храбро сражавшиеся с испанцами, подчинились Итурбиде, упустив из виду, что Идальго и Морелос боролись не только против испанского владычества, но и против всевластия помещиков и церковников, за землю крестьянам, за свободу труженикам. Совершив роковую ошибку, они уже но смогут вернуться к живительным потокам движения за независимость.

Возродить первоначальную программу Идальго и Морелоса, сражаться за нее выпадет на долю борцов других поколений. Может быть, именно в этом обстоятельстве и следует искать объяснение той сдержанности, которой отмечены высказывания Хуареса о событиях 1821 года.

Как бы там ни было, триумф Итурбиде не внес каких-либо изменений в жизненные планы молодого Бенито. Двадцать дней спустя после провозглашения в Мехико независимости, 18 октября 1821 года, шестнадцатилетний Хуарес поступает в духовную семинарию в Оахаке, где со свойственным ему прилежанием и упорством принимается за изучение латинского языка. Его будущее неопределенно. Возможно, он станет священником, но не священником «супной миски», как презрительно называли выпускников семинарии, служивших мессу в обмен на тарелку супа, а богословом-эрудитом, сеятелем просвещения в стиле бенедиктинца Фейхоо, а может быть, пойдет по стопам еретиков Идальго и Морелоса, сражавшихся с крестом в одной руке и с саблей в другой за лучшую долю своего народа. Quien sabe? Кто знает? — как говорят индейцы, когда не хотят высказать то, что думают.

Между тем политическая обстановка в стране меняется с калейдоскопической быстротой. Вскоре после изгнания испанских

властей в столице собрался учредительный конгресс. Он провозгласил создание Мексиканской империи и передал исполнительную власть регентскому совету во главе с Итурбиде, который ввиду отказа Испании признать кордобское соглашение не замедлил провозгласить самого себя императором под именем Агустина I. Его приветствовали высший офицерский состав, богатые испанцы и креолы, церковь.

Императорский трон оказался весьма шатким сооружением. Против Итурбиде объединились республиканцы, выступавшие за ограничение прав помещиков, отмену рабства, демократические реформы. К ним примкнули всякого рода карьеристы, ранее поддерживавшие Итурбиде и быстро разуверившиеся в долговечности его империи. Среди них был 25-летний генерал с очень длинной даже для родовитого испанца фамилией — Антонио Лопес-де-Санта-Анна-Перес-де-Лебрун, более известный как Санта-Анна. На протяжении следующих 30 лет ни один крупный мятеж, ни одно «пронунсиаменто» не проходили без его участия. О нем говорили, что он всю свою жизнь предавал людей, женщин, идеалы. Посетивший Мексику в начале 30-х годов XIX века русский мореплаватель Ф. П. Врангель писал в своем дневнике, что Санта-Анна — «самый большой вор, бесстыднейший хвастун и совершенно невежественный человек». Но он был также хитер, смел, обладал неукротимой энергией, внешностью опереточного героя, любил сорить деньгами и потворствовать низменным инстинктам толпы.

Этот креол, сын богатого испанского торговца, еще 17-летним юношей принимал участие в подавлении восстания Идальго. С тех пор Санта-Анна сражался против патриотов. В 1821 году он в течение одного дня ухитрился, преследуя отряд патриотов, трижды получить повышение в чине. Утром он проснулся капитаном, а к вечеру был уже полковником. На следующий день он примкнул к Итурбиде, за что получил чин бригадного генерала. Но и этого ему было мало. Санта-Анна стал усиленно ухаживать за 60-летней сестрой Итурбиде, собирался на ней жениться, надеясь таким образом стать наследником Агустина I. Когда же 60-летняя сеньорита отказала ему в руке, этот претендент на мексиканский трон моментально перекрасился в республиканца.

2 декабря 1822 года Санта-Анна поднял в Веракрусе восстание против Итурбиде, требуя установления республиканского строя. Его поддержали Висенте Герреро, Гуадалупе Виктория и другие республиканцы. Страну охватила кровопролитная гражданская война, длившаяся четыре месяца. В конце марта 1823 года восставшие заняли столицу, низложили

Итурбиде и выслали его из Мексики. Год спустя он тайно возвратился в страну, стремясь вернуть себе трон, но был пойман и расстрелян.

Со свержением Итурбиде власть перешла к республиканскому триумвирату, который аннулировал все декреты Итурбиде. Созванный им новый учредительный конгресс одобрил конституцию, установившую в Мексике «республиканскую, федеративную, народную, представительную форму правления». На состоявшихся вскоре выборах президентом страны был избран Гуадалупе Виктория.

Хотя установление республиканской формы правления нанесло существенный удар по реакционному лагерю, положение в стране продолжало оставаться сумбурным и запутанным. В результате дебатов в учредительном конгрессе вокруг государственного устройства наметились два лагеря — централистов и федералистов, или консерваторов и либералов. Первые, выражавшие интересы реакции, выступали за создание крепкого центрального правительства в надежде, что оно воспрепятствует реализации демократических реформ. Вторые требовали установления федеративной формы правления, надеясь таким образом покончить с остатками колониального режима и осуществить различного рода буржуазно-демократические преобразования. Либералов поддерживали передовая интеллигенция, представители молодой буржуазии, прогрессивно настроенные офицеры и помещики.

Либералы, в свою очередь, делились на два крыла: модерадос — умеренные, склонявшиеся к компромиссу с Консерваторами, и пурос — «чистые», или радикалы, требовавшие проведения более глубоких реформ: отделения церкви от государства, введения всеобщего избирательного права, осуществления демократических свобод, что укрепило бы независимость страны и создало бы условия для ее самостоятельного экономического развития. Лидером и кумиром «чистых» стал врач Валентин Гомес Фариас.

Партий, в современном понятии этого термина, тогда в Мексике не существовало, зато процветали тайные масонские ложи, игравшие роль политических клубов. Консерваторы принадлежали, как правило, к масонским ложам шотландского ритуала, поэтому их называли так же «шотландцами», либералы предпочитали Йоркский ритуал, за что их называли «йорксистами».

Многие политические деятели, в особенности из военных, одержимые жаждой власти и прибыльных постов, с невероятной легкостью перебегали из одного лагеря в другой, прикрывая свое

предательство безудержной демагогией. Таким типично беспринципным политиканом был уже упомянутый генерал Санта-Анна. В правящих сферах процветали коррупция, взяточничество. Жалованье чиновникам и военным выплачивалось с большими перебоями. Никто не хотел платить налогов. Казна, как правило, Пустовала. Правительства клянчили у иностранных банков займы, за которые приходилось платить грабительские проценты. В стране росла дороговизна.

Международное положение молодой республики также было крайне неопределенным и чреватым серьезными осложнениями. Изгнанные из Мексики и других колоний Америки, испанцы отнюдь не отказались от надежды вернуть себе утраченные владения. Пользуясь поддержкой Священного союза, они сосредоточили войска на Кубе и Пуэрто-Рико, надеясь возвратиться на континент и восстановить там прежний колониальный порядок. К тому же испанцы удерживали в своих руках важную крепость Сан-Хуан-де-Улуа — у входа в порт Веракрус. Опасность возвращения колонизаторов стала особенно реальной после того, как в 1823 году в Испании при поддержке французских войск было свергнуто либеральное правительство, отменена кадисская конституция и деспот Фердинанд VII вновь обрел всю полноту власти.

В 1829 году Испания высадила на восточном побережье Мексики крупные военные силы, которым удалось захватить город Тампико. И хотя мексиканцы разгромили испанский десант, опасность новых вторжений продолжала существовать.

Лицемерной и коварной была политика Соединенных Штатов по отношению к независимой Мексике. Правда, в 1823 году США провозгласили свою пресловутую доктрину Монро, угрожая воспрепятствовать возвращению колониальных держав в Америку. Однако когда испанцы захватили шесть лет спустя Тампико, Соединенные Штаты палец о палец не ударили, чтобы осуществить свою угрозу. И это не случайно, ибо не о национальных интересах и независимости своих южных соседей пеклись США, провозглашая доктрину Монро, а о своих собственных. Американское правительство лелеяло надежду присвоить себе львиную долю испанского наследства. Провозглашенный Монро лозунг «Америка для американцев!» превратился на деле в лозунг: «Америка для североамериканцев!», а более точно: «Мексика для североамериканцев!» Да, именно на Мексику, своего непосредственного соседа, в первую очередь с вожделением взирали правители Соединенных Штатов, надеясь если не захватить всю древнюю страну ацтеков, то, во всяком случае,

«округлить» свою территорию за ее счет.

Алчные взоры правителей Вашингтона были направлены на богатейшие, но малонаселенные пограничные с США районы Мексики, расположенные к северу от Рио-Гранде-дель-Норте[3] в первую очередь на мексиканскую провинцию Техас. Сюда, воспользовавшись царившей в Мексике после провозглашения независимости сумятицей, беспрепятственно хлынули сотни американцев-авантюристов, искателей легкой жизни, охотников до чужого добра. Не прошло и десяти лет после провозглашения независимости Мексики, как в Техасе уже обосновалось 20 тысяч американцев, тогда как ранее там проживало всего 3500 человек. Вооруженные до зубов, действуя силой и подкупом, они захватывали земли, объединялись в банды, занимались контрабандой и грабежами. Отдаленное сотнями километров бездорожья от Техаса центральное правительство Мексики было бессильно совладать с этими «инфильтрантами» и тем более наглухо закрыть для них свою северную границу, на охрану которой у него не имелось необходимых войск.

Не удивительно, что в этой обстановке политическая жизнь страны отличалась хаотичностью и неустойчивостью. Достаточно отметить, что за 24 года (с 1824 по 1848 год) в стране произошло более 250 восстаний и мятежей и сменился 31 президент.

О том, как развивались события в этот период в Оахаке, Хуарес в своих воспоминаниях пишет:

«В штате Оахака, где я жил в то время, также происходили события, аналогичные тем, которые наблюдались в стране, хотя и более ограниченные по своему значению. Здесь тоже был созван провинциальный учредительный конгресс, принявший конституцию штата.

Либеральная и реакционная партии получили клички «Уксус» и «Кислота». Обе партии активно участвовали в избирательной кампании в учредительный конгресс. Либеральная партия одержала победу, проведя в него большинство своих депутатов и сенаторов, что позволило принять ряд законов, способствующих свободе и прогрессу общества, которое до тех пор находилось под властью невежества, религиозного фанатизма и предрассудков.

Важнейшим мероприятием но своим полезным последствиям, которым всегда смогут гордиться одобрившие его члены конгресса, было учреждение гражданского колледжа под названием Института наук и искусств. Этот институт стал полностью независим от духовенства. В нем молодые люди впервые в штате смогли изучать гражданские науки. До тех пор единственным высшим учебным заведением в Оахаке была духовная семинария, где учили только латинской грамматике,

философии, богословию и начальным элементам физики. У нас можно было только стать священником; те же, кто желал получить не церковную, а гражданскую профессию и научиться какому-либо ремеслу или наукам, должны были ехать в Мехико пли за границу. Но для этого нужно было располагать большими средствами. Для таких же бедняков, как я, никакой надежды достичь этого не имелось».

Хуарес восторженно приветствовал создание нового учебного заведения. Он без сожаления покинул семинарию, затхлая атмосфера которой давно уже была ему невмоготу, и в 1827 году поступил в Институт наук и искусств.

Для Хуареса это был смелый шаг, ибо институт, его преподаватели и студенты с момента своего создания стали объектом ненависти и травли со стороны церковников и их покровителей — местных реакционеров.

«Они, — пишет Хуарес, — обзывали институт публичным домом, его профессоров и студентов — еретиками и развратниками. Родители отказывались посылать своих детей в такое учреждение, а немногие студенты, посещавшие курсы, преследовались и бойкотировались невеждами и фанатиками, составлявшими, к несчастью, подавляющее большинство местного населения. Многие из моих товарищей покинули институт под натиском могущественного врага, преследовавшего нас. И лишь единицы продолжали поддерживать это учебное заведение, посещая ежедневно занятия».

Одобрял ли образ мыслей своего воспитанника францисканец Антонио Салануэва? Не казалось ли ему слишком радикальными партия «Уксуса» и ее пока что единственное детище — Институт науки и искусств? Скорее всего именно так и было. В 1829 году Хуарес покидает гостеприимный дом Салануэвы, чтобы никогда уже в него не возвращаться. В воспоминаниях Хуареса сразу же после этого теряется след францисканца…

Теперь Хуарес стал самостоятельным человеком, он зарабатывает себе на жизнь уроками, не гнушается и самой простой работы. И разумеется, учится. Но чему, каким дисциплинам? В институте преподают географию, математику, медицину, языки — английский, французский, право. Хуарес избирает право. Ведь молодая республика нуждается в новых законах и судебной системе, нуждается в конституции, нуждается в международных связях, а все это требует глубокого и всестороннего знания юриспруденции. В период испанского господства главным законодателем был король. Тогда законы устанавливались в интересах касты колонизаторов, церкви, помещиков. Законы республики должны вырабатываться

народными представителями — парламентом — в интересах народа. Хуарес, как и большинство демократов своего времени, верил в магическую силу справедливых законов. Но у кого учиться этому великому и благородному искусству мудрого законодательства? Конечно, у французов, у народа, совершившего грандиозную революцию, без которой был бы немыслим наполеоновский кодекс — подлинный шедевр современного законодательства.

Хуарес со свойственным ему упорством принимается за изучение различных правовых дисциплин и попутно французского языка, на котором он будет со временем свободно говорить. Живется ему не легко. Ведь он, кроме учебы, должен еще трудиться, чтобы обеспечить себе кров и кусок хлеба. Много времени отнимает к тому же политика. Республику сотрясают внутренние конфликты, ей угрожают вторжением испанцы.

В 1829 году все студенты Института наук и искусств вступают добровольцами в народное ополчение, образованное для отражения ожидавшейся высадки испанцев в районе перешейка Теуантепек. В этом ополчении Хуарес получает чин лейтенанта. Но молодым ополченцам не пришлось сразиться с испанцами, которые высадились значительно севернее перешейка, где захватили город Тампико.

Генерал Санта-Анна, командовавший в то время войсками в Веракрусе, выступил по направлению к Тампико, но прибыл туда, когда испанцев уже разгромили. Это не помешало ему именовать себя «освободителем» Тампико.

В том же 1829 году Санта-Анна примкнул к Висенте Герреро, поднявшему восстание против правительства консерваторов. В ноябре войска Санта-Анны вступили в Оахаку, приветствуемые местными либералами. На банкете в его честь присутствовал и студент права Бенито Хуарес. Впоследствии, когда выявится подлинное реакционное лицо Санта-Анны и Хуарес объявит ему беспощадную борьбу, «освободитель» Тампико будет объяснять это тем, что во время банкета в Оахаке Бенито прислуживал ему «босиком и в полотняных портках» и якобы с тех пор не мог простить ему своего унижения…

В 1831 году Хуарес заканчивает Институт наук и искусств и в том же году избирается от партии либералов советником муниципалитета в Оахаке. Ему исполнилось 25 лет, и эта его первая общественная должность, У либералов много планов, но осуществить их не позволяет быстро меняющаяся политическая обстановка.

Восстание увенчалось успехом. Президентское кресло занял Висенте Герреро, но год спустя консерваторы, в свою очередь,

подняли против него мятеж. В стране вновь началась гражданская война.

Герреро, покинув столицу, направился в Акапулько, где за 50 тысяч песо его выдал врагам один предатель. Консерваторы доставили его в Оахаку, где устроили над ним расправу: заставили на коленях выслушивать смертный приговор, а затем расстреляли. Его убили те же реакционеры, которые покончили с Идальго, Морелосом. Они не могли простить Висенте Герреро его участия в войне за независимость.

Вскоре либералам вновь удалось вернуть себе власть. В 1833 году президентом стал Санта-Анна, а вице-президентом лидер «чистых» — Гомес Фариас. Укрепились либералы и в Оахаке. В том же году Хуарес избирается депутатом провинциального конгресса. По его предложению предаются торжественному захоронению останки Висенте Герреро. Он один из лидеров местных «чистых», и, когда к Оахаке приближается во главе большого отряда мятежный генерал Каналисо, Хуарес в чине капитана принимает непосредственное участие в разгроме ворвавшихся в город мятежников. После этого его назначают членом окружного суда в Оахаке.

По настоянию Гомеса Фариаса правительство Мексики стало осуществлять некоторые реформы, ограничивающие власть церкви. Была отменена церковная десятина, введена светская регистрация актов гражданского состояния, изъято из-под контроля церковников образование, национализированы церковные ценности на сумму в 15 миллионов песо. Эти далеко не революционные преобразования вызвали отчаянное сопротивление церковников и других реакционеров. К ним присоединился Санта-Анна, отстранивший Гомеса Фариаса от власти и отменивший все антиклерикальные законы. Санта-Анна разогнал национальный и провинциальные конгрессы. Был распущен и провинциальный конгресс в Оахаке.

По всей стране начинаются преследования либералов. Хуареса лишили депутатского мандата, должности судьи и сослали в далекое селение Теуакан. Вернувшись некоторое время спустя в Оахаку, он решает заняться адвокатской практикой. Но первое же его дело закончилось тем, что он сам очутился в тюрьме. Жители городка Лохичи обратились в суд с жалобой на местного священника, взимавшего с них незаконные поборы. Хуарес взялся защищать их дело в суде. Местные власти, шедшие на поводу церковников, пытались заставить Хуареса отказаться от защиты интересов его клиентов, а когда этого им добиться не удалось, они упрятали его в тюрьму, обвинив в «подстрекательстве населения к бунту». Протесты жителей

вернули ему свободу, но дело в суде он все же проиграл.

Столь же неудачно кончились и другие выступления адвоката Хуареса в защиту граждан, терпевших притеснения от властей и церковников.

«Удары, которые падали на меня, — читаем мы в его воспоминаниях, — и которые почти ежедневно, как я видел, сыпались на терпящих притеснения и жаловавшихся на произвол привилегированных классов, тесно связанных с гражданской властью, убедительно показали мне, что общество никогда не обретет счастья, пока будут существовать эти классы и их союз с гражданской властью. Мой печальный адвокатский опыт укрепил во мне решимость неустанно бороться за разрушение власти привилегированных классов. Этого добивались в силу своих возможностей я и либеральная партия. К несчастью для общества, лекарства, применяемые тогда, не лечили корень зла. Хотя правительства неоднократно свергались, менялись только лица, законы же и конституции продолжали гарантировать духовенству и военным особые привилегии. В стране продолжала господствовать религиозная нетерпимость, государственной религией продолжала оставаться католическая, а клир продолжал использовать свои огромные богатства для мятежей, добиваясь укрепления своего пагубного могущества. В результате не успевали либералы прийти к власти, как их свергали и вновь начинали преследовать».

У мексиканского народа были не только внутренние враги. Ему угрожал и не менее могущественный внешний враг — Соединенные Штаты, выжидавшие только оказии, чтобы подобно коршуну броситься на своего южного соседа и захватить его северные области, в первую очередь Техас. Воспользовавшись тем, что правительство Санта-Анны разогнало провинциальные законодательные органы и муниципалитеты, американские поселенцы Техаса при поддержке влиятельных кругов США, вооружавших и финансировавших их, подняли мятеж, создали «временное правительство» и даже свою собственную армию во главе с бывшим губернатором штата Теннесси Хьюстоном по прозвищу Большой пьяница.

Узнав об этих событиях, Санта-Анна направился с мексиканской армией в Техас, куда вступил в феврале 1836 года. Вначале Санта-Анне удалось нанести ряд поражений мятежникам, которые поспешили объявить о создании «независимой республики Техас». Вслед за тем войска США перешли границу Мексики и вступили на территорию опереточной «республики». Это была прямая агрессия против Мексики. Опираясь на войска США, мятежники разгромили солдат Санта-Анны, а его самого,

пытавшегося бежать переодетым в женское платье, взяли в плен. Большой пьяница без труда договорился со своим пленником. Санта-Анна позорно предал свою родину. Он не только приказал всем своим войскам капитулировать перед мятежниками, но и подписал договор, признававший независимость Техасской республики. В благодарность американцы доставили его в Вашингтон, где он из рук президента Джексона получил награду за свое предательство — 3 миллиона долларов. После чего американский корвет «Непобедимый» доставил его в Веракрус.

Хотя подробностей о предательстве Санта-Анны тогда не было известно, вернуть себе власть авантюрист на этот раз не смог, его место занял консерватор Бустаманте. Конгресс аннулировал все акты и соглашения Санта-Анны с американцами и категорически отказался признать независимость Техаса. Однако мексиканское правительство не располагало ни войсками, ни другими средствами, с помощью которых оно могло бы заставить подчиниться техасских сепаратистов. Словесные же протесты ни на мятежников, ни на правительство США не производили ни малейшего впечатления.

Приходит беда, открывай ворота! Вслед за США Мексику схватила за горло Франция, потребовав уплаты 600 тысяч песо в качестве компенсации за понесенные якобы ее подданными убытки во время сотрясавших страну мятежей и восстаний. Правительство Бустаманте отклонило это разбойничье требование. В ответ Париж направил к берегам Мексики эскадру, которая бомбардировала Веракрус и захватила крепость Сан-Хуан-де-Улуа, охранявшую подступы к вышеназванному городу. Чтобы избавиться от французских захватчиков, Бустаманте пришлось признать за Мексикой требуемый Францией долг.

Французские ядра, упавшие на Веракрус, вновь вытолкнули на политическую арену предателя Санта-Анну. Он вызвался сражаться с французами, во время обстрела города был ранен в ногу, которую пришлось ампутировать. Свою «историческую» ногу авантюрист торжественно захоронил в имении в Халапе и выстроил на ее «могиле» памятник. Нога была потеряна, зато честь восстановлена. Теперь Санта-Анна вновь мог распинаться в своем патриотизме и претендовать на власть. Не прошло и двух лет, как этот «патриот», поддерживаемый церковниками и офицерской верхушкой, свергнул Бустаманте и во второй раз сел в президентское кресло. Теперь он точно знал, что требуется его хозяевам и покровителям. Он разогнал конгресс, стал преследовать демократов, занялся истреблением индейцев, восставших против церковных и помещичьих поборов.

Действия Санта-Анны вызвали волну возмущения в стране. В

1844 году в результате восстания он был свергнут и бежал в Гавану под крылышко испанцев. Они все еще удерживали под своим контролем Кубу. В Мехико к власти пришли умеренные либералы.

Хуарес все эти годы безвыездно проживал в Оахаке, занимаясь адвокатской практикой. В 1843 году в его жизни произошло знаменательное событие. Он женился на Маргарите, дочери Антонио Масы, того самого торговца кошенилем, который некогда приютил его и у которого в кухарках все еще работала его сестра Мария-Хосефа. Маргарита родилась в 1826 году и росла на глазах своего будущего мужа. В год замужества ей исполнилось 17 лет. Хуаресу же было 37 лет. Такая разница в годах между новобрачными считалась тогда вполне естественной. Судя по всему, родители Маргариты не только не чинили препятствий к браку, но даже всячески ему способствовали, хотя брак дочери богатых да к тому же белых родителей с индейцем и мог шокировать кое-кого из местных аристократов. Не смутило их и то обстоятельство, что будущий зять был активным политиком — занятие весьма опасное в тогдашней Мексике. В семье Масы любили и уважали Хуареса за его честность, искренность, передовые идеи, патриотизм. Такое же чувство уважения и привязанности испытывала к нему Маргарита. Она стала его верной и надежной спутницей жизни и безропотно разделяла с ним все опасности и трудности. Хуарес, в свою очередь, платил ей безграничной преданностью. У них было 12 человек детей. Из них шесть дочерей и сын Бенито пережили своих родителей, три дочери и два сына умерли при их жизни.

В 1844 году губернатором штата Оахака стал генерал Антонио Леон, старый участник войны за независимость, соратник Морелоса. Он назначил Хуареса секретарем своего правительства. Однако вскоре Хуарес подает в отставку с этого поста в знак протеста против преследования властями демократов. Его избирают заместителем депутата от либеральной партии в провинциальный конгресс и назначают заместителем прокурора при верховном суде штата.

Хуарес уже давно является признанным лидером «крайних» либералов в Оахаке. Но как и во всей стране, так и здесь силы «крайних» ограниченны. Против них церковь, помещики, «умеренные». Их ахиллесова пята — отсутствие влияния в армии. А без поддержки армии не только взять, но и удержать власть в Мексике невозможно. За поддержку же военных следовало платить разного рода уступками и отступлениями от намеченной программы национального возрождения.

И все же внутренние проблемы не представлялись столь

сложными, как внешние. Мексике продолжали угрожать всевозможными карами могучие европейские державы, которым она задолжала и теперь была не в состоянии оплачивать долги. Но больше всего вызвало опасений и пугала позиция ее северного соседа — Соединенных Штатов, стремившихся расширить свою территорию за счет Мексики. Там, в США, господствовали работорговцы и фабриканты. Их богом был золотой телец, они обожали силу, были коварны и жестоки, высокомерны и эгоистичны. Они презирали мексиканцев, считая их «низшей расой», господствовать над которой они якобы призваны самим всевышним. Правящие круги Соединенных Штатов прикрывали свои коварные планы лицемерными разглагольствованиями о соблюдении мирового правопорядка, о законности, гуманности и справедливости. Они рядились в тогу друзей и благодетелей Мексики, думая только об одном: как бы половчее обобрать своего соседа и превратить его в бессловесного покорного раба. От таких «благодетелей» мексиканский народ мог ожидать только худшего…

ЯНКИ ВТОРГАЮТСЯ В МЕКСИКУ

1 марта 1845 года американский конгресс принял резолюцию, уполномочивающую правительство США аннексировать Техасскую республику. Это провокационное решение было явно рассчитано на разрыв отношений с Мексикой, которая считала Техас своей законной территорией и, естественно, не могла хладнокровно взирать, как ее могущественный северный сосед эту территорию поглощал.

Но почему Соединенные Штаты выжидали 9 лет, прежде чем отважились принять в материнское лоно свое детище, каким являлась Техасская республика, возникшая при прямой поддержке Вашингтона? На то имелись веские причины как внутреннего, так и внешнего порядка. Техасские мятежники в своем большинстве примыкали к рабовладельцам-южанам. Отделившись от Мексики, они немедленно ввели в своей «республике» рабство. Северяне считали, что включение Техаса в Союз[4] приведет к укреплению позиций рабовладельческого Юга. Они без энтузиазма относились к аннексии Техасской республики. Их мнение было вынуждено учитывать правительство Соединенных Штатов.

Европейские державы также выступали против аннексии Техаса. Они уже успели завоевать экономические позиции в странах Латинской Америки и не без оснований опасались, что поглощение Техаса откроет Соединенным Штатам дорогу для захвата всей Мексики, а возможно, и других бывших испанских колоний. Поэтому Англия, Франция, Бельгия, Голландия среди прочих европейских держав поспешили признать «независимость» Техаса и даже установить с ним дипломатические отношения в надежде, что марионеточная республика превратится под их влиянием в своего рода буфер, преграду, препятствующую дальнейшему проникновению США на юг.

Позиция европейских держав в известной степени сдерживала пыл североамериканского агрессора: ведь в случае прямого конфликта с США Мексика могла рассчитывать на их поддержку.

Известная осторожность, проявлявшаяся в вопросе о присоединении Техаса в правящих кругах США, сменилась жаждой к немедленным решительным действиям, когда в 1844 году президентом стал Джеймс Полк, ставленник южан. Полк выступал не только за оккупацию Техаса, но и за захват других северных территорий Мексики, включая Калифорнию. Это по инициативе Полка конгресс принял упомянутую выше резолюцию об аннексии Техаса.

Агрессивный акт Соединенных Штатов вызвал резкий протест Мексики. Она порвала дипломатические отношения с Вашингтоном. Президент Полк как будто только и ждал этого. Не теряя времени, он отдал американской армии приказ занять Техас и, выйдя к границам Мексики, приготовиться к вторжению в эту страну.

Одновременно американский флот получил задание захватить атлантические порты Мексики — Тампико и Веракрус, а на тихоокеанском побережье — Лос-Анхелес. Это означало войну с Мексикой.

Считая, что за деньги можно купить все и вся, Вашингтон предложил мексиканцам продать ему Калифорнию и Новую Мексику. С таким предложением к мексиканскому правительству по поручению Вашингтона обратился член конгресса от Луизианы Джон Слайделл, ставший в период гражданской войны в США одним из лидеров южан. Однако, несмотря на то, что Слайделл, как потом писал о нем в одной из своих статей К. Маркс, был завзятым интриганом и отличался бессовестностью и бесцеремонностью, осуществить такую сделку ему не удалось.

Мексиканцы решили воевать за свою землю, хотя положение их было отчаянным. Их армия была плохо вооружена, плохо обучена, плохо дисциплинирована. На двадцать тысяч солдат имелось 500 генералов. Генералы больше мечтали о президентском кресле, чем о защите национальной территории от посягательств США. В стране царил климат гражданской войны. Именно на внутренние междоусобицы рассчитывали США, провоцируя вооруженный конфликт со своим беззащитным южным соседом.

В начале этих событий власть в Мексике находилась в руках умеренных либералов. Получив сведения, что войска США, вступив в Техас, движутся по направлению к мексиканской границе, президент Эррера отправил на север шеститысячную армию под командованием генерала Паредеса, профессионального мятежника. Паредес в 1841 году помог Санта-Анне захватить власть, а в 1844 году помог его свергнуть. С тех пор он выжидал удобного момента, чтобы самому захватить власть.

Получив командование армией, Паредес поднял мятеж, вернулся в столицу, где свергнул Эрреру и сам себя провозгласил президентом.

Паредес, реакционер и монархист, вместо того чтобы мобилизовать народ на борьбу с иностранными захватчиками, все свои силы направил на преследование либералов. Он распустил конгресс и установил режим жестокой диктатуры, опираясь на

церковников и латифундистов.

Следует ли удивляться, что в этих условиях американская армия смогла, начав военные действия в марте 1845 года, к сентябрю не только захватить Новую Мексику, Калифорнию с Лос-Анхелесом, но и продвинуться на сотни километров к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, оккупировав города Монтеррей и Сальтильо. Успехи американской армии объясняются в первую очередь предательством генерала Аристы, командовавшего мексиканскими войсками на севере страны и подкупленного генералом Тэйлором, возглавлявшим американскую армию вторжения. Мексиканские реакционеры, мечтавшие о «добрых» старых колониальных временах, готовы были пожертвовать независимостью Мексики в угоду американским или любым другим захватчикам, лишь бы обеспечить свои привилегии и латифундии.

Чтобы избежать худшего, следовало свергнуть Паредеса и создать правительство из настоящих патриотов. Движение против Паредеса возглавил лидер «чистых» либералов Гомес Фариас. Его сторонники в провинциях готовились к захвату власти. В Оахаке патриотов поднял на борьбу Хуарес. Но «чистые» были безоружны. Они могли рассчитывать на успех, только заручившись поддержкой части офицерства. А помочь им в этом мог все тот же Санта-Анна, имевший своих сторонников в армии. Гомес Фариас решил в интересах дела принять услуги Санта-Анны, поверив его заверениям, что он будет послушно выполнять указания «чистых». Разумеется, Гомес Фариас тогда не знал, что еще в период отделения Техаса Санта-Анна запродался американцам.

Договорившись с Гомесом Фариасом о совместных действиях, Санта-Анна поспешил вновь предложить свои услуги американцам. Из Гаваны, где он тогда находился, Санта-Анна известил президента США Полка, что, придя к власти, уступит американцам за 30 миллионов долларов любую часть мексиканской территории. Предложение Санта-Анны явилось для Полка сущей находкой, тем более что в США противники рабовладельцев резко осуждали грабительскую войну против Мексики и даже призывали американцев — сторонников свободы — сражаться на стороне мексиканцев.

Выступал против войны и Линкольн. В конгрессе, депутатом которого он являлся, Линкольн заявил, что «кровь, пролитая в этой войне, обличает Полка, подобно крови Авеля». Затяжная война в Мексике угрожала Полку не только серьезными внутренними, но и внешними осложнениями: Англия решительно выступала против территориальной экспансии США.

Президент Полк охотно пошел на сделку с предателем Санта-Анной, приказав американскому флоту, блокировавшему побережье со стороны Мексиканского залива, не чинить препятствий для его возвращения в Мексику из Гаваны.

В августе 1846 года либералам при содействии Санта-Анны удалось свергнуть Паредеса и захватить власть. Вскоре состоялись выборы в конгресс, который избрал президентом Санта-Анну, а вице-президентом — Гомеса Фариаса. Санта-Анна возглавил армию, заверяя население, что не только приостановит продвижение американских войск к столице, но и изгонит их из пределов страны, освободит Техас и чуть ли не завоюет Вашингтон.

В Оахаке с падением диктатуры Паредеса власть перешла к триумвирату в составе генерала Диаса — участника войны за независимость, Артеаги — сторонника Санта-Анны — и Хуареса, представлявшего левое крыло либералов. Некоторое время спустя временным губернатором штата Оахака был назначен Артеага, а исполняющим обязанности председателя верховного суда штата — Хуарес. На состоявшихся в том же году выборах в национальный конгресс левые либералы одержали победу, Хуарес был избран депутатом от Оахаки.

В декабре 1846 года Хуарес впервые прибывает в Мехико, где активно включается в работу конгресса.

Положение республики в то время было катастрофическим. Пользуясь предательством главнокомандующего мексиканской армии Санта-Анны, американцы одерживали одну победу за другой и медленно, но неуклонно приближались к столице. Правительство во главе с Гомесом Фариасом создало для борьбы с захватчиками народное ополчение — Национальную гвардию, однако во главе ее оказались сынки аристократов и богатеев, прозванных в народе «полькос» из-за их увлечения танцами, в особенности модной тогда в Мексике полькой.

Полькос, увешанные иконками — эскапуляриос и крестами, воинственные патриоты на словах, на деле и не помышляли сражаться с американцами. Они прожигали жизнь в столице, устраивая дебоши и понося «нечестивых» либералов.

Защита страны от американских агрессоров требовала все больших и больших расходов, но казна, как обычно, была пуста. Помещики и церковники, располагавшие огромными средствами, не несли никакого бремени по защите родины, они даже отказывались платить налоги. Гомес Фариас был вынужден на одну четверть сократить жалованье чиновников. Он обратился к спекулянтам — в Мексике их называли ажиотистами — за займом, но те потребовали соответствующих гарантий

обеспечения. Дать такое обеспечение правительство попросило церковь, в «мертвых руках» которой находились поместья и недвижимое имущество стоимостью в сотни миллионов песо. Церковь, оказывавшая в период войны за независимость не только моральную, но и существенную материальную помощь испанским колонизаторам, категорически отказалась гарантировать правительственный заем и тем более предоставить его сама.

Напрасно власти взывали к патриотизму церковников, напоминая, что победа американцев-протестантов гибельно скажется на интересах католической религии в Мексике. Духовенство оставалось глухим к такого рода призывам. Привыкнув служить колонизаторам и люто ненавидя идею независимости, которая подорвала ее влияние на массы, духовенство явно симпатизировало американским захватчикам, встречая их повсеместно колокольным звоном.

Убедившись, что просьбами и призывами к патриотической сознательности у церковников не заполучить ни гроша, Гомес Фариас вновь предложил конгрессу конфисковать церковную собственность на сумму в 15 миллионов песо и использовать ее на нужды обороны. Хуарес и другие пурос энергично поддержали это предложение, и конгресс его одобрил, однако осуществить конфискацию и на этот раз не удалось. Церковники и прочие предательские элементы в ответ подняли очередной мятеж во главе с полькос.

Гомес Фариас смог при поддержке населения нанести поражение мятежникам, когда в столицу явился с лаврами победителя Санта-Анна. Незадолго до этого его войска неожиданно для него самого в сражении при Ангостуре отбросили американские части, взяв пленных, знамена и другие трофеи. Такой исход сражения не входил в расчеты ни американцев, ни их агента и невольного победителя Санта-Анны. Последний «великодушно» отказался от плодов победы, отпустил 400 пленных американских солдат и, вместо того чтобы продолжать наступление, повернулся к врагу спиной.

Когда сведения о мятеже полькос дошли до Санта-Анны, он бросил на произвол судьбы своих солдат и поспешил в столицу «спасать родину». Здесь, используя симпатии населения, приветствовавшего в его лице победителя американцев, Санта-Анна возглавил мятежников, отстранил Гомеса Фариаса от власти и изгнал его из страны. Вслед за тем Санта-Анна отменил закон о продаже церковного имущества. Сделал это он не бескорыстно. Церковники в знак благодарности преподнесли своему спасителю королевский подарок — 2 миллиона песо наличными. Санта-Анне, несомненно, везло. В его услугах нуждались американцы и

местные реакционеры, причем и те и другие готовы были щедро за них платить.

С падением Гомеса Фариаса в Мексике вновь начались гонения на левых либералов. Хуареса и его единомышленников изгнали из конгресса. Реакционеры во главе с предателем Санта-Анной делали все возможное, чтобы открыть дорогу американским войскам в столицу. По приказу Санта-Анны был без боя сдан американцам порт Тампико. В марте 1847 года американцы после жестоких боев захватили Веракрус, откуда предприняли наступление на столицу Мексики. По дороге при Серро-Гордо американцы нанесли тяжелое поражение мексиканской армии, брошенной на произвол судьбы все тем же Санта-Анной. Почти вся мексиканская артиллерия попала в руки американцев. В мае американцы заняли Пуэблу, важный центр на полпути к столице, где церковники встретили их как избавителей от «тирании» либералов благодарственными молебнами.

Мстя мексиканским патриотам, оказывавшим вопреки предательству Санта-Анны и церковников ожесточенное сопротивление агрессору, американские войска совершали чудовищные жестокости, грабили и насиловали гражданское население. Американский офицер Отто Циркель, участник этого похода, в своем дневнике, выдержки из которого опубликовал в 1851 году журнал «Отечественные записки», так описывает поведение захватчиков, вступивших в город Хуамантлю: «Пехота, артиллерия, кавалерия — все с остервенением бросились в дома; после тяжелых дней марша, трудов и лишений солдаты уже не знали никакой меры. Напившись допьяна, они начали разбойничать; множество невинных жертв было поднято на штыки. В отвратительных оргиях и зверском буйстве застала их ночь; медленно, поодиночке собирались всю эту ночь усталые и обремененные добычею солдаты к своим бивакам, и до самого утра вокруг бивачных огней не умолкали рассказы о совершенных преступлениях. С рассветом следующего дня начали приходить на бивак остальные солдаты со множеством одежды, шалей, кусков материи, домашнею утварью, лошадьми, ослами и проч. и проч., по всему лагерю открылся рынок, мена, брань и драки».

В июне Санта-Анна предложил командующему американской армией Скотту за 1 миллион долларов заключить перемирие, потребовав в качестве аванса 10 тысяч долларов. Скотт — его К. Маркс в одном из писем Ф. Энгельсу называет совершенно заурядным негодяем — выслал 10 тысяч долларов предателю, который обязался во время перемирия снабжать войска противника продовольствием. Скотт использовал перемирие для реорганизации своих сил. 8 сентября он возобновил военные

действия и двинул свою армию на штурм Мехико. Американцам потребовалась целая неделя, чтобы преодолеть героическое сопротивление мексиканцев, защищавших свою столицу. Бессмертный подвиг совершили шесть юношей — курсантов военной школы, оборонявших дворец Чапультепек. Расстреляв все патроны, шесть героев предпочли смерть позорному плену: они погибли, бросившись в пропасть…

14 сентября 1847 года американские войска вступили в Мехико, покинутый его защитниками.

Вот как описывает это событие и поведение захватчиков в столице в своих воспоминаниях друг Хуареса, мексиканский поэт и патриот Гильермо Прието: «Эти дьяволы с огненными, почти красного цвета волосами, с опухшими от пьянства лицами, с носами словно раскаленные уголья шли как стадо — бежали, толкали друг друга, как попало несли ружья. За войсками двигались повозки, напоминавшие галеры на колесах, с крытым парусиной верхом, битком набитые припасами и пьяными маркитантками, являвшими собой самое отвратительное зрелище в мире.

Камни и кирпичи дождем сыпались с крыш на оккупантов… Считают, что число безоружных и неорганизованных людей, яростно бросавшихся на борьбу с захватчиками, достигало 15 тысяч.

Янки бродили по городу, точно стаи хищников. Они стреляли куда попало и по первой прихоти.

Едят они очень странно. Варят груши в кофе, намазывают на ломти арбуза масло, смешивают вместе помидоры, зерна маиса и мед, жуют и чавкают, словно животные.

Когда церкви открывались, янки заходили туда, не снимая с головы шляпы, выбирая по преимуществу исповедальни, и дрыхли как сурки…

Эти янки оккупировали Мексику как завоеванную страну, как поселок дикарей, они едят и отправляют естественные надобности прямо на улицах, превращенных ими в конюшни, и подкладывают фугасы под внутренние стены Национального дворца и стены храмов…

Но есть одна вещь, которая приводит меня прямо-таки в бешенство, — телесные наказания. 8 ноября состоялась экзекуция… Улицы, выходящие на площадь Монтерилья-Платерос, были перекрыты войсками численностью около тысячи пятисот человек… В центре площади поставили три железных столба высотой около трех вар[5] с перекладинами, так что получилось три креста. К ним привязали приговоренных к наказанию людей, раздетых до пояса; ноги их касались земли, а

руки были привязаны к перекладине, как у распятых. Удары яростно наносил палач геркулесовского сложения.

При первых же ударах раздался душераздирающий вопль Флореса (так звали жертву), затем крики сменились глухими хрипами, и, наконец, спина его превратилась в бесформенную кровавую массу… Двух других мучали так же, как и Флореса. Подобным зверским истязаниям подвергали многих мексиканцев…

Янки, который хотел водрузить флаг в день вступления в город американцев, сняли пулей, но все старания полиции найти того, кто это сделал, были безуспешны».

Несмотря на террор, народ столицы продолжал борьбу с оккупантами. Янки публично вешали патриотов, заставили население уплатить контрибуцию в 3 миллиона песо, но сломить его сопротивление им не удалось.

После захвата американцами столицы предательство Санта-Анны стало столь очевидным, что он был смещен со всех постов и бежал за границу. Правительство возглавил председатель верховного суда консерватор Мануэль Пенья-и-Пенья.

Теперь, стремясь деморализовать патриотов, американцы публично хвастались, что своими победами обязаны предательству Санта-Анны и его сообщников. Газета оккупантов «Норс Американ», издававшаяся в столице, цинично писала 26 ноября 1847 года: «Предательство Санта-Анны и членов его правительства войдет в историю как самая гнусная махинация, когда-либо использовавшаяся для того, чтобы продать народ и разорить государство… На некогда блестящем щите Мексики следовало бы написать следующую эпитафию: «Эта страна пала, ибо сыны ее были неверны своей родине и остальному миру».

Нет, не сыны Мексики предали свою родину, а ее пасынки типа Санта-Анны и ему подобных элементов, представлявших эксплуататорские классы, выступавшие со времен войны за независимость на стороне врагов мексиканского народа. Республике эти классы достались в наследство от колонии. Больше всего их влияние сказывалось в церковной и армейской среде. Страх перед собственным народом, страх потерять свои поместья, баснословные доходы и привилегии толкали власть имущих в объятия иностранных держав, перед которыми они раболепствовали и пресмыкались. Этим классам, выросшим под крылышком испанских колонизаторов, были чужды национальная гордость, патриотизм, чувство любви и привязанности к родине.

Подлинные же сыны Мексики были верны делу независимости и мужественно боролись против интервентов, защищая каждую пядь своей земли. В своем большинстве это

были простые труженики — крестьяне — ранчерос, ремесленники, солдаты, индейцы. Именно из их среды вышел Хуарес, именно их интересами и мыслями жил он. Трагические события 1847 года еще раз убедили его, что Мексику можно спасти, только ограничив политическую и экономическую власть эксплуататорских классов.

Потеряв надежду принести какую-нибудь пользу в столице, Хуарес в начале августа возвращается в Оахаку, где вместе с другими левыми либералами стремится сместить губернатора Артеагу, ставленника Санта-Анны, и подготовить родной штат к борьбе с интервентами. С падением Санта-Анны народ прогнал Артеагу. Провинциальный конгресс назначил исполняющим обязанности губернатора Бенито Хуареса. Год спустя Хуарес был избран на этот пост и занимал его до августа 1852 года. Таким образом на посту губернатора Оахаки Хуарес всего находился пять лет, рекордный срок для того времени, когда правительства менялись чуть ли не каждый год, если не чаще.

24 октября 1847 года Хуарес официально вступил в должность губернатора Оахаки. Время было тревожное. Американские оккупанты захватили почти половину территории страны. Их войска бесчинствовали в столице. Вашингтон требовал от безвольного правительства Пенья-и-Пеньи, находившегося в городе Керетаро, согласия на отход к США всех северных районов Мексики, угрожая в противном случае вообще стереть Мексику с карты, заменив ее опереточной республикой Сьерра-Мадры, которой управлял бы американский проконсул.

События наложили свой отпечаток на речь Хуареса, которую он произнес при вступлении на пост губернатора Оахаки. Это первое большое известное нам публичное выступление Хуареса. В отличие от других современных ему политических деятелей, блиставших своим красноречием, часто бессодержательным и пустопорожним, Хуарес, как и большинство индейцев, был чрезвычайно скуп на слова и редко выступал с публичными речами. В национальном конгрессе депутаты за такую молчаливость даже прозвали его сфинксом.

О чем же говорил Хуарес, вступая на должность губернатора Оахаки? В первую очередь об ответственности государственного деятеля за судьбы его страны: — «Когда жестокий захватчик оккупирует столицу республики и угрожает нам завоеванием всей нашей страны, первая должность в штате является не чем иным, как тяжким бременем. Тот, кто его несет, находится в непосредственной опасности. Оно не сулит ничего, кроме забот, изнурительного труда и страданий. Учитывая это, я не колеблясь предстаю перед вами, готовый выполнить свой долг и встретить

все испытания, уготовленные мне судьбой».

Хуарес обещал стоять на страже демократических свобод, однако реакционеров-мятежников он пригрозил наказывать со всей строгостью закона.

«Мы, — говорил Хуарес, — являемся свидетелями страданий нашей родины, которой грозит гибель. Родина взывает к нашей помощи. Напряжем же все наши силы, мы еще можем ее спасти. Может, однако, случиться так, что по неисповедимой воле божественного провидения наша родина будет вычеркнута из списка свободных наций. Тогда давайте работать так, чтобы в случае нашей гибели под ее руинами будущие поколения с гордостью вспоминали нас».

Это были искренние, лишенные ложного пафоса слова патриота, верившего в правоту своего дела и готового погибнуть за него, но не сдаться врагу, не склонить перед ним колени.

Назначение, а потом избрание Хуареса губернатором штата Оахака не могли не привлечь к себе внимания мексиканской общественности. Впервые чистокровный индеец занимал столь высокий пост в республике. Консерваторы, унаследовавшие от испанских колонизаторов чувство презрения к закабаленным ими индейцам, которых они считали низшими существами, были возмущены. Но зато в лагере левых либералов назначение Хуареса было встречено с одобрением и вызвало большой подъем. Хуарес зарекомендовал себя, участвуя в работе парламента в столице, как стойкий патриот, демократ и противник церковного засилия. А то, что он был индейцем, только радовало левых. Ведь индейцы составляли подавляющее большинство населения Мексики, и левые пытались приобщить их к политической борьбе с реакцией. Хуарес выступал как бы символом политического пробуждения индейцев. Сам Хуарес никогда не противопоставлял себя метисам, креолам или европейцам. Он считал себя мексиканцем и делил людей не по цвету кожи или национальному признаку, а по их политическим взглядам, по их отношению к насущным проблемам Мексики.

Вступление Хуареса на пост губернатора вызвало радостное оживление в его родном селении Сан-Пабло-Гелатао. Здесь все его хорошо помнили и внимательно следили за его успехами. Неоднократно жители Гелатао обращались к нему за советом и помощью и всегда находили поддержку. На церемонию вступления Хуареса в должность губернатора прибыла большая делегация его односельчан — сапотеков из Гелатао. Они, соблюдая древнюю традицию, привезли ему в дар скромные продукты своего труда — кукурузу, фрукты, овощи, цыплят. Хуарес их принял как братьев, разместил у себя дома, обещал

выстроить школу в Гелатао, что он вскоре выполнил.

Отвечая на приветствия индейцев, Хуарес сказал: «Я сын народа, и я не забуду этого. Более того, я намерен защищать его права и буду стремиться к тому, чтобы народ получил просвещение, чтобы он пробудился к сознательной жизни, завоевал себе счастливое будущее. Простые люди должны бороться с преступностью и нищетой, в которые их ввергли недостойные политиканы, провозглашающие себя на словах их друзьями и освободителями, но на деле являющиеся их самыми жестокими тиранами».

Кто же были эти жестокие тираны? Хотя Хуарес не назвал их по имени, все знали, что он имел в виду в первую очередь Санта-Анну и ему подобных предателей.

Первой заботой Хуареса-губернатора было поднять население на борьбу с американскими захватчиками, укрепить оборону штата на случай, если бы им вздумалось расширить военные действия на южную часть Мексики.

В отличие от умеренных либералов и консерваторов, жаждавших во что бы то ни стало на любых условиях подписать мир с агрессором, Хуарес был сторонником продолжения войны. В одном из своих выступлений перед ополченцами, шедшими на фронт, Хуарес говорил:

— Идите же в бой! Стойкость и мужество победят любого врага. Будем думать только о войне, если не хотим стать рабами захватчиков… Пусть весь наш гнев обратится против янки и предателей.

Хуарес организовал производство ружей в Оахаке. Учрежденный им арсенал даже смастерил пушку. По его указанию было издано и распространено среди населения руководство по партизанской войне, в котором давались указания, как создавать партизанские отряды и какой тактики придерживаться в борьбе с американскими захватчиками. Немаловажное значение имел и военный госпиталь, созданный заботами неутомимого губернатора.

Чтобы добыть средства на вооружение ополченцев, Хуарес заложил губернаторский дворец. Даже те, кто не разделял его либеральных взглядов, но выступал против оккупантов, признавали его огромный вклад в дело защиты родины в период войны с США. Один из них, консерватор Хосе Фернандо Рамирес, писал: «В условиях всеобщего уныния только штат Оахака держался стойко, последовательно и героически, представляя все фронту — войска и деньги».

Мексиканский народ хотел сражаться и сражался против янки, грабивших и терзавших его землю, как это некогда делали

испанские завоеватели во главе с конкистадором Эрнаном Кортесом. В тылу американских войск действовали многочисленные партизанские отряды. В страхе сообщал в Вашингтон командующий оккупационными войсками в Новой Мексике полковник Прайс: «Кажется, что повстанцы поставили себе целью убивать каждого американца, находящегося в их стране, и каждого мексиканца, подчинившегося власти американского правительства».

Партизаны действовали не только в сельской местности, они устраивали смелые налеты на города. В октябре 1847 года они проникли в Пуэблу, где разгромили американский гарнизон и убили военного губернатора Томаса Чайлда. Такая же участь постигла и губернатора Новой Мексики полковника Чарлза Бента. Партизаны освободили от оккупантов Вилья-Эрмосу — столицу штата Тамаулипас, изгнали захватчиков из Калифорнии, заставили капитулировать американский гарнизон форта Саттера, перерезали дорогу между Веракрусом и Мехико, по которой снабжались войска американцев в столице, совершили тысячу других подвигов. Да и сама мексиканская армия сражалась упорно и отважно, и если бы не предательство Санта-Анны и имущих классов Мексики, американцам пришлось бы за свою победу заплатить во много раз дороже. Земля в буквальном смысле горела под ногами у интервентов.

Однако в Керетаро, где заседало мексиканское правительство, царили растерянность я уныние. Консерваторы больше опасались роста партизанского движения, возглавляемого крестьянскими вожаками, чем действий американских оккупантов. Умеренные либералы боялись, что продолжение войны может привести к полной утрате независимости, к захвату всей страны Соединенными Штатами. Поэтому, когда Вашингтон предложил прекратить войну в обмен на отторжение всех северных провинций Мексики — Техаса, Новой Мексики, Калифорнии и частично территории Тамаулипаса, Коауили и Соноры — вплоть до русла реки Рио-Гранде-дель-Норте, мексиканское правительство, недолго думая, приняло это предложение. 2 февраля 1848 года в селении Гуадалупе-Идальго, где хранилась икона покровительницы Мексики св. Гуадалупе, был подписан договор о прекращении войны. Американцы нарочно настояли на его подписании в указанном выше селении, чтобы связать с сим два почитаемых мексиканцами имени — св. Гуадалупе и Мигеля Идальго.

Согласно договору более половины мексиканской территории, размером в 2 300 ООО квадратных километров, переходило к Соединенным Штатам, которые обязались в виде

компенсации выплатить мизерную сумму в 15 миллионов долларов да отказаться от своих прежних рекламаций к Мексике в размере 3 миллионов 250 тысяч долларов, в то время как стоимость захваченных земель по самым скромным подсчетам того времени превышала 380 миллионов долларов. Теперь на этих мексиканских землях расположены богатейшие американские штаты — Техас, Калифорния, Аризона, Юта, Нью-Мексико, Колорадо и часть Вайоминга.

Кроме огромных территориальных приобретений, США получили по договору «право» вторгаться в Мексику под предлогом преследования непокорных индейских племен. В последней статье договора североамериканский волк призывал свою жертву вести себя впредь миролюбиво, не питать к нему вражды, относиться к нему как к доброму соседу. Вряд ли существует в истории международных отношений более вероломный и лицемерный документ, чем навязанный Вашингтоном Мексике мирный договор, завершивший войну 1846–1848 годов.

Впрочем, сами американцы — участники войны признавали ее разбойничий характер. Один из них, будущий командующий армией северян и президент США генерал У. С. Грант, писал, что «эта война явилась одной из самых несправедливых войн, которую когда-либо вела сильная нация против слабой». Не менее сурово характеризовал ее и выдающийся деятель американского коммунистического движения Уильям З. Фостер: «Из всех бандитских войн, которые вели в прошлом капиталистические страны, самый циничный и самый разорительный характер носила война 1846–1848 годов между Соединенными Штатами и Мексикой. Соединенные Штаты отняли у Мексики богатейшие районы земледелия, скотоводства и садоводства, огромные залежи нефти, меди и другие неисчислимые природные богатства. Все это подорвало экономическое развитие Мексики в прошлом веке и продолжает подрывать его в настоящее время».

Мирный договор был ратифицирован американским сенатом 10 марта 1848 года. В мексиканском же конгрессе дебаты по договору затянулись до второй половины мая. Левые либералы, находившиеся в меньшинстве, призывали отвергнуть договор и продолжать борьбу. Обращаясь к депутатам конгресса, их представитель Мануэль Кресенсио Рехон говорил:

— Когда я вижу эту колоссальную потерю, эту ужасную жертву, это величайшее преимущество, какое мы собираемся предоставить народу, который неизбежно вновь на нас нападет, чтобы захватить нашу страну, завладеть всем американским континентом с прилегающими к нему островами и заставить трепетать Европу, я не могу по меньшей мере не удивляться и спрашиваю себя, какого рода помешательство овладело нами, а также и всем миром, который спокойно взирает на угрожающую ему опасность?

Но подобные выступления не находили поддержки среди большинства членов конгресса, заседавшего в Керетаро. Мексика сражалась один на один с северным колоссом. Англия, хотя и без восторга, только наблюдала, как Соединенные Штаты перекраивают карту Северной Америки. Обеспокоенная нарастающим революционным движением в Европе, она никакой существенной помощи Мексике не оказывала. Более того, коварный Альбион был бы сам не прочь, будь у него такая возможность, присвоить себе баснословное наследство ацтекского правителя Монтесумы. Никакой поддержки и помощи не могла ожидать тогда Мексика и от своих латиноамериканских сестер. Разделенные огромными расстояниями, раздираемые внутренними междоусобицами, опутанные иностранными займами, латиноамериканские республики были как никогда в

прошлом далеки друг от друга. На что же было надеяться патриотам? Только на мужество и волю к борьбе мексиканского народа. Но те, кто правил тогда Мексикой, или боялись народа, или считали его темным, отсталым, неспособным выстоять и победить в единоборстве с янки, во много раз превосходивших мексиканцев силой, богатством, организованностью и упорством.

19 мая конгресс в Керетаро 57 голосами против 35 одобрил мирный договор, подписанный в Гуадалупе-Идальго. Американские оккупанты стали отводить свои войска за реку Рио-Гранде-дель-Норте, ставшую новой границей между Мексикой и Соединенными Штатами.

Война с Соединенными Штатами закончилась. Мексика, потерявшая более половины своей территории, разоренная интервентами, лишенная авторитетных политических вождей, могущих ее сплотить, находилась в состоянии прострации. Ее дальнейшее существование как независимого государства многим казалось призрачным. И только небольшая горстка патриотов верила в ее будущее и продолжала трудиться, сплачивая народные силы для грядущих схваток с внутренними и внешними врагами. Среди этих патриотов выделялась своей стойкостью бронзовая фигура индейца из горного селения Гелатао, энергичного губернатора штата Оахака дона Бенито Хуареса.

ИЗГНАННИК

После заключения мирного договора американские войска покинули мексиканскую землю, оставляя после себя разрушенные и разграбленные города и селения. Историки отмечают: поражение в войне, предательство генералов, бесчинства и чудовищные преступления оккупантов, бесстыдные спекуляции ажиотистов, подобно гигантскому шоку, обессилили и обезволили все слон населения страны до такой степени, что последующие пять лет оказались самыми «мирными» в истории молодой республики: в стране в этот период не произошло ни одного пронунсиаменто.

Но Мексика только внешне казалась такой умиротворенной. Подспудно продолжали обостряться противоречия, накапливаться страсти. Всех интересовало будущее страны. Люди задавали вопрос: может ли Мексика после столь тяжелых испытаний выжить как самостоятельное и независимое государство? Церковники, помещики и спекулянты, нажившиеся на войне, отвечали на этот вопрос отрицательно. Они не верили в будущее своей родины и были озабочены только одним, как бы сохранить свою власть и приумножить свое состояние.

Иначе рассуждали патриоты — левые либералы. Они считали, что Мексика может и должна выжить, должна стать на ноги, должна добиться процветания. Каким путем? Лишив экономической и политической власти в первую очередь церковь, этот оплот реакции, предававший национальные интересы страны в угоду иностранным поработителям. Но прежде чем можно было вступить в единоборство с этим мощным и коварным врагом, патриотам следовало упорным трудом по восстановлению разрушенной страны сплотить вокруг себя все те силы, которые были готовы встать на путь обновления и прогресса.

К такому выводу пришли Хуарес и другие видные левые либералы, которых под влиянием французской революции 1848 года противники называли мексиканскими социалистами. В течение пяти лет, находясь на посту губернатора Оахаки, Хуарес неутомимо трудился, развивая экономику штата, школьную сеть, улучшая санитарные условия, строя дороги и мосты, искореняя взяточничество среди чиновников, укрепляя оборону.

Чуть ниже среднего роста, всегда чисто выбритый и одетый в скромный черный костюм, в сшитой его женой белой батистовой рубашке, повязанной черным галстуком, дон Бенито ежедневно в 9 часов утра приходил в свой кабинет в губернаторском дворце, откуда до глубокой ночи руководил делами штата, принимал

многочисленных посетителей, в числе которых часто попадались ходоки от индейцев. Пунктуальность и работоспособность его вызывали насмешки местных аристократов, которые говорили, что губернатор трудится подобно простому рабочему. Всегда уравновешенный, спокойный, неизменно вежливый с подчиненными и посетителями, немногословный, предельно честный и неподкупный, Хуарес вызывал к себе доверие и уважение окружающих. Исключительно скромный в своих личных потребностях, преданный семьянин, он в то же самое время никогда и ни с кем не говорил о своих семейных делах или заботах. Казалось, что для этого человека, кроме общественной работы и политики, не существует более святого дела. В то же самое время он никак и ничем не проявлял своих личных амбиций. Его политические интересы в этот период не выходили за границы его родного штата, он не старался выдвинуться в качестве деятеля общенационального масштаба, и посторонний наблюдатель, даже очень проницательный, не смог бы тогда предположить, что несколько лет спустя именно он превратится в центральную фигуру политической жизни Мексики…

За четырехлетний период Хуарес построил в родном штате около 300 начальных школ и 8 учительских колледжей, всемерно способствуя распространению образования среди детей индейцев. В одном из своих выступлений Хуарес говорил: «Дети не ходят в школу из-за ужасающей нищеты, в которой живут их родители и с которой можно бороться, только развивая экономику страны. Стремление к знанию и просвещению присуще людям. Освободите их от ярма нищеты и деспотизма, и они сами себя просветят, даже без посторонней помощи… Воспитать женщину соответственно требованиям ее высокой и полезной миссии — значит взрастить плодотворное семя, способствующее возрождению и социальному прогрессу. Поэтому никогда не следует пренебрегать просвещением женщин».

Хуарес строго следил за тем, чтобы торговцы, домовладельцы, помещики платили положенные им налоги, что позволило ему не только исправно выплачивать жалованье чиновникам и располагать средствами на школьное и дорожное строительство, но и почти выплатить долг штата, который в 1847 году составлял 124500 песо, а четыре года спустя снизился до 8710 песо. Хуарес не только расплачивался с долгами штата, но и отчислял положенную часть доходов Оахаки в национальную казну, что до него да и долго после него по доброй воле делали считанные губернаторы.

Оздоровление финансов штата Оахака, осуществленное Хуаресом, казалось в тогдашних условиях Мексики настоящим

чудом. Ведь национальный долг страны продолжал расти как на дрожжах. Бюджет национального правительства всецело зависел от местных ростовщиков и иностранных займов.

Эти успехи были достигнуты Хуаресом, несмотря на постигшее в 1850 году Оахаку бедствие — эпидемию холеры, в результате которой погибло 10698 жителей из 525-тысячного населения штата. Жертвы эпидемии были бы значительно большими, если бы Хуарес не мобилизовал все местные ресурсы для оказания медицинской помощи населению, для чего следовало преодолеть бытовавшие среди жителей под влиянием церкви предрассудки против прививок. Немало способствовал распространению эпидемии обычай захоронения умерших в церквах и прицерковных участках. Еще в 1829 году после очередной эпидемии холеры в Оахаке было открыто гражданское кладбище, но оно продолжало пустовать, хотя закон запрещал хоронить в церквах. Духовенство цепко держалось за столь доходную статью, как предоставление права захоронения на «освященной» земле церковных участков. Когда его собственная дочь Гуадалупе умерла от холеры, Хуарес демонстративно захоронил ее на гражданском кладбище. «Я лично, — пишет он в своих воспоминаниях, — свез тело моей дочери на кладбище Сан-Мигель, расположенное за городской чертой, с тем чтобы подать пример подчинения закону, который был аннулирован предрассудками, что приносило большой вред здоровью населения. С того времени и благодаря этому примеру, а также настойчивости, с которой я препятствовал захоронению в церквах, укоренилась практика захоронения умерших за городской чертой Оахаки».

Охраняя национальные интересы Мексики, Хуарес, будучи губернатором, самым решительным образом воспротивился передаче Соединенным Штатам права на строительство железной дороги через перешеек Теуантепек, западная часть которого проходит по территории штата Оахака. Мексиканское правительство уже было согласилось не только предоставить такое право США, но и разрешить им послать свои войска для охраны строительства, однако твердая позиция Хуареса, угрожавшего оказать вооруженное сопротивление ненавистным янки, и протесты других патриотов заставили правительство аннулировать ранее достигнутое с Вашингтоном соглашение по этому вопросу.

Патриотическая деятельность Хуареса на посту губернатора Оахаки вызвала недовольство местных реакционеров, которые неоднократно пытались его свергнуть, устраивая с этой целью мятежи в разных местах штата. Реакционеры не сдавались. Они

рвались к власти и не только в Оахаке, но и в Мехико, надеясь вновь посадить в президентское кресло своего кумира предателя Санта-Анну.

Хуаресу удалось при поддержке населения усмирить мятежников в своем родном штате и сохранить губернаторский пост в течение всего положенного законом четырехлетнего периода. В 1852 году новым губернатором Оахаки был избран единомышленник Хуареса — Игнасио Мехия, который назначил своего предшественника директором Института наук и искусств. В этой же своей излюбленной альма матер он преподавал гражданское право и ему было присвоено звание профессора. Судя по всему, Хуарес намеревался в ближайшие годы всецело посвятить себя преподавательской деятельности. Однако развитие политических событий в стране внесло существенные изменения в мирные планы бывшего губернатора Оахаки.

В 1851 году президентом Мексики стал уже известный генерал Ариста, как и Санта-Анна игравший в период войны на руку американским интервентам. Правительство Аристы, опиравшееся на умеренных либералов, дискредитировало себя пресмыкательством перед Соединенными Штатами, финансовыми аферами, коррупцией. В начале 1853 года Ариста без особого труда был свергнут, и его место занял Санта-Анна, который провозгласил себя покровителем церкви и защитником помещичьей собственности. Старый авантюрист, выдавая себя за патриота, пообещал модернизировать армию, обучить ее современному искусству ведения войны, пригласив с этой целью офицеров-инструкторов из Испании и Пруссии. В действительности же Санта-Анна стремился превратить армию в свою преторианскую гвардию.

Захват власти предателем Санта-Анной вызвал в ряде районов Мексики восстания и активное партизанское движение, справиться с которым диктатору было не под силу. Преследование партизан стоило денег, между тем казна Санта-Анны была пуста. Церковники хотя и восхваляли диктатора, но проявляли характерную для них скупость в отношении предоставления ему денежных средств. От банкротства его спасли Соединенные Штаты, отхватив от Мексики за свою «щедрость» новый кусок территории.

Ссылаясь на одну из статей договора Гуадалупе-Идальго, предоставлявшую им право переходить границу в целях преследования воинствующих индейских племен, американские войска вторглись в пределы Мексики и заняли обширную долину Ла-Месилья, размером в 140 тысяч квадратных километров. Американцы через своего посла Гадсдена предложили Санта-Анне

уступить им захваченную область за «щедрое вознаграждение». Вот как сам Санта-Анна описывает в своих воспоминаниях последовавший за этим предложением торг:

«Я, сделав вид, будто бы ничего не слышал, сказал послу:

— Мистер Гадсден, я слышу, вы говорите: «щедрое вознаграждение» и, любопытства ради, хотел бы знать, сколько же это составит. Думаю, что это больше той ничтожной суммы, которую мы получили за половину мексиканской территории.

Посол с повеселевшим лицом спросил:

— А во сколько правительство оценивает участок Ла-Месилья?

— Я оцениваю его в пятьдесят миллионов песо наличными.

Мистер Гадсден подпрыгнул в кресле и с удивлением воскликнул:

— О! Пятьдесят миллионов песо — это большая сумма!

— Дорогой сеньор, когда богач хочет что-то приобрести, он хорошо платит.

— Завтра я дам ответ, — сказал он и вышел».

На следующий день Гадсден предложил уплатить диктатору 20 миллионов песо, на что тот немедленно согласился. Санта-Анна не возражал даже, когда американский сенат снизил эту сумму наполовину. «Мое правительство, — писал не без удовлетворения этот предатель, — обсуждая решение сената снизить цену, пришло к выводу, что, хотя и не следовало оправдывать такой поступок, нельзя было не считать удачным, что за участок необработанной земли получено почти столько же, сколько и за половину территории страны».

Но американцы не только заполучили долину Ла-Месилья за столь ничтожную сумму, они по «грязной сделке Гадсдена», как стали именовать мексиканцы договор, заключенный Санта-Анной с этим дипломатом, добились права свободного передвижения по перешейку Теуантепек, перевода через него войск, товаров и пассажиров, то есть того, против чего столь решительно возражал два года назад Хуарес и другие патриоты.

Полученные от американцев 10 миллионов Санта-Анна истратил на подавление партизанского движения и на пиры и попойки, которые он чуть ли не каждый день устраивал в обществе публичных женщин в президентском дворце, походившем при нем больше на публичный дом, чем на резиденцию главы государства. Дело дошло до того, что одна из приглашенных с улицы «дам», проведя с ним ночь, ухитрилась прихватить с собой все ордена и медали любвеобильного диктатора, в которых она потом разгуливала, вызывая восхищение и зависть своих товарок по самой древней профессии.

Но Санта-Анну, торговавшего страной оптом и в розницу, не могли смутить такие житейские «мелочи». Будучи уверенным в поддержке Вашингтона и местной реакции, он мечтал короноваться императором Мексики. Правда, печальный конец его предшественника в этом амплуа несколько его смущал, но зато его вдохновляла карьера другого авантюриста — Наполеона III, следуя примеру которого он провозгласил себя принцем-президентом, пожизненным диктатором и приказал именовать себя «светлейшим высочеством»… Не забыл Санта-Анна и о своей «знаменитой» ноге, которую он на этот раз торжественно захоронил в столичном соборе рядом с гробницами испанских вице-королей и архиепископов Мексики.

Между тем в провинциях, в том числе в Оахаке, местную власть захватили ставленники его «светлейшего высочества». Одним из первых актов нового губернатора Оахаки генерала Мартинеса было удаление Хуареса с поста директора Института наук и искусств и с должности профессора. Но этого самозванному губернатору показалось недостаточно, и он поручил некоему Максимо Ортису убить Хуареса. Ортис, в прошлом один из единомышленников Хуареса, перебежавший затем в стан реакции, нанял напротив резиденции дона Бенито дом и 9 марта 1853 года, когда Хуарес сидел со своей супругой Маргаритой на балконе, выстрелил в него, но промахнулся. Хуарес встал, ушел в комнаты, откуда вернулся с пистолетом и крикнул Ортису: «Если ты хочешь убить меня, то сделай это лицом к лицу». Ортис отказался от предложенной дуэли и поспешил скрыться из города.

По приказу Санта-Анны левых либералов смещали с постов, подвергали различным гонениям, арестовывали, высылали из страны. Такой же участи подвергся вскоре и Хуарес. 27 мая по приказу губернатора он был арестован и выслан, сопровождаемый кавалерийским эскортом, в город Халапу, штат Веракрус, причем по дороге один из солдат выстрелил в него, пытаясь убить. К счастью Хуареса, и этот убийца промахнулся.

В Халапе Хуарес был отпущен на свободу и некоторое время жил под наблюдением местных властей. В начале сентября он был вновь арестован лично сыном диктатора Хосе Санта-Анной и заточен в крепость Сан-Хуан-де-Улуа. Там он содержался в сыром каземате вплоть до 9 октября, когда ему было объявлено, что по приказу «светлейшего высочества» его высылают в Европу. Хуареса препроводили на английский корабль «Авон», который в тот же день отплыл из Веракруса в Гавану. Здесь Хуаресу удалось покинуть корабль. Он надеялся, что из Гаваны сможет переправиться в Новый Орлеан, являвшийся в то время центром

мексиканской политической эмиграции в Соединенных Штатах.

Между тем донья Маргарита после ареста мужа уехала в провинциальный городок Эглу, где при помощи друзей открыла лавчонку, что позволило ей содержать семью. Узнав, что Хуарес находится в заточении в крепости Сан-Хуан-де-Улуа, она направила к нему своего брата Хосе-Марию Масу с небольшой суммой денег. Маса, не застав Хуареса в Улуа, последовал за ним в Гавану, где они оба нанялись матросами на корабль, отходивший в Новый Орлеан, куда прибыли в начале 1854 года.

В Новом Орлеане Хуареса и Масу радушно встретили проживавшие в городе мексиканские изгнанники. Они создали здесь Революционный комитет с целью свержения режима Санта-Анны и установления в Мексике демократического правительства. Президентом этой организации состоял Мельчор Окампо, левый либерал, бывший губернатор штата Мичоакан, секретарем — Хосе-Мария Мата, стойкий демократ из города Халапы.

Мельчор Окампо был весьма колоритной фигурой в либеральной партии. Приемный сын богатой помещицы из штата Мичоакан, он по тем временам получил блестящее образование. Как и Хуарес, Мельчор Окампо вначале учился в духовной семинарии, после же провозглашения независимости закончил юридический факультет в Мехико и стал адвокатом. В 1831 году его приемная мать умерла, оставив ему в наследство обширное поместье в Мичоакане. Одно время молодой Окампо управлял поместьем, применяя наиболее современные методы ведения сельского хозяйства. В 1840 году Окампо направляется во Францию, где в течение двух лет изучает естественные науки. В Париже он познакомился с трудами великих утопистов, произведениями Гюго, Бальзака и других знаменитых французских писателей, стал сторонником Прудона, ряд работ которого перевел и издал на испанском языке. Поклонник французской революции 1789 года, антиклерикал, сторонник демократических преобразований, Окампо по возвращении на родину примкнул к левому крылу либералов, одним из вождей которого он вскоре стал. Блестящий оратор и полемист, пылкий патриот Окампо верил в общественный прогресс и мечтал о счастливом будущем для мексиканского народа.

Окампо несколько раз избирался депутатом национального конгресса, а вскоре после начала американской агрессии становится губернатором Мичоакана. На этом посту он, подобно Хуаресу в Оахаке, мобилизует все средства для защиты страны от американских захватчиков. Местное духовенство ведет против него ожесточенную борьбу. Церковники и в Мичоакане откровенно сочувствовали американским захватчикам.

Окампо, как и Хуарес, являлся сторонником продолжения войны против США. Он выступил против заключения мирного договора с агрессором и в знак протеста против его подписания ушел в отставку с поста губернатора. Затем он несколько месяцев являлся министром финансов в правительстве президента Эрреры, фигурировал кандидатом в президенты от левых либералов. В 1852 году Окампо был вновь избран губернатором Мичоакана, но переворот Санта-Анны заставил его вскоре уйти в отставку. На его жизнь, как и на Хуареса, неудачно покушались агенты Санта-Анны. Потом власти арестовали Окампо и выслали в США.

Хуарес впервые познакомился с Окампо еще в столице, когда они оба участвовали в работе конгресса. Теперь они вновь встретились на чужбине. Окампо, экспансивный, вспыльчивый, быстро переходящий от энтузиазма к унынию, был прямой противоположностью Хуаресу, отличавшемуся сдержанностью и выдержкой. Эти столь различные по своему характеру люди тем не менее быстро нашли общий язык. Хуареса привлекали в Окампо его эрудиция, начитанность, бескорыстность. Окампо считал Хуареса воплощением лучших качеств мексиканского народа — стойкости, скромности, упорства. Оба они стремились превратить Мексику в передовую страну, поднять благосостояние народа, ограничить власть церковников и помещиков. Общие идеалы сблизили их. В изгнании они будут вместе трудиться, подготавливая падение его «светлейшего высочества» президента Санта-Анны.

В Новом Орлеане Хуарес вместе с молодым Масой прожил 18 месяцев. Жили они в нищете, впроголодь. Хотя Окампо располагал некоторыми средствами и настойчиво предлагал Хуаресу помощь, гордый сапотек вежливо благодарил своего друга и столь же вежливо и категорически отказывался принять ее.

Новый Орлеан в то время был одним из рабовладельческих центров Юга. Негров здесь не любили, всячески унижали, преследовали. Им запрещалось выходить на улицу после 8 часов вечера. Хуарес был вынужден соблюдать это правило. Ведь своим темным лицом кожи он напоминал негра. Полиция могла арестовать его и выдать Санта-Анне. Жил он вместе с Масой в лачуге у одной бедной негритянки на окраине города. В Новом Орлеане Хуарес заболел желтой лихорадкой. Вряд ли он выжил бы, если бы не самоотверженный уход за ним молодого Масы.

На какие же средства существовали эти два изгнанника из Оахаки, очутившиеся в чужом и огромном городе, расположенном на земле заклятых врагов их родины? Здесь Хуарес познакомился

с молодым кубинским эмигрантом испанского происхождения — поэтом и журналистом Педро Сантесилией, мечтавшим об освобождении Кубы от испанского господства. Молодой кубинец привязался к немногословному Хуаресу. Зная хорошо город, он знакомил Хуареса с его достопримечательностями, обычаями и порядками, учил английскому языку, доставал книги по конституционному праву, которое продолжал изучать дон Бенито. Сантесилия помог Хуаресу и Масе наладить кустарное производство дешевых сигар. Сигары сбывал в третьеразрядных пивных и барах Маса. Хуарес не решался входить в эти злачные места, где его, приняв за негра, могли унизить, оскорбить. Временами Хуарес работал в типографии.

Хуарес глубоко переживал разлуку с Маргаритой и детьми. Письма от них приходили редко и, конечно, не по их вине, а из-за хаотического положения в стране. Иногда Хуарес днями выстаивал в порту, всматриваясь в даль в ожидании корабля из Веракруса, доставлявшего почту. Но главное, что его беспокоило и волновало, чем он жил, касалось не столько его лично и даже не его любимой семьи, а положения Мексики, ее будущего.

В Мексике не утихала партизанская борьба против режима Санта-Анны. Еще в марте 1854 года противники его «светлейшего высочества», собравшись в селении Аютля, штат Герреро, опубликовали манифест (так называемый «план Аютли»), призывая к свержению узурпатора и созыву учредительного собрания для выработки новой конституции. Командующим партизанскими отрядами, образовавшими Армию восстановления свободы, был назначен генерал Хуан Альварес, старый патриот — участник войны за независимость, индеец как и Хуарес, но в отличие от него почти не владевший грамотой. Политическим лидером движения стал полковник Игнасио Комонфорт, умеренный либерал по своим взглядам, бывший начальник таможни в порту Акапулько, уволенный с этого поста Санта-Анной. К ним примкнули влиятельные местные касики — «князьки» — Мануэль Добладо в штате Гуанахуато и Сантьяго Видаурри в Нуэво-Леоне. Касики стремились удержать власть в штатах, считая их своими удельными вотчинами. Вокруг этих людей объединились все противники Санта-Анны.

Революционный комитет в Новом Орлеане оказывал всяческое содействие повстанцам: закупал и переправлял им оружие, собирал деньги, вел пропаганду в их пользу в американских газетах, придерживавшихся аболиционистских взглядов и поэтому выступавших против Санта-Анны, игравшего на руку рабовладельцам Юга. Окампо, Хуарес и другие изгнанники резко протестовали против заключения грязной

сделки Гадсдена. Они опубликовали протест и призвали местного консула Мексики присоединиться к нему.

В середине 1854 года Окампо и Мата перебазировались в пограничный с Мексикой город Броунсвилл, откуда они могли легко поддерживать связь со сторонниками «плана Аютли», действовавшими внутри страны. С их отъездом мексиканских изгнанников в Новом Орлеане возглавил Хуарес.

Все усилия Санта-Анны и его приспешников подавить восстание ни к чему не привели. К весне 1855 года значительная часть северной Мексики высказалась в поддержку восставших. Узурпатор с каждым днем терял все больше почву под ногами. В поисках средств он вновь обратился к своим североамериканским покровителям, предлагая им продать новые куски мексиканской территории. Но осуществить этого нового предательства он уже не успел. Дни его власти были сочтены.

Сведения о событиях в Мексике поступали в Новый Орлеан с большим запозданием. В марте 1855 года Санта-Анна объявил амнистию мексиканским изгнанникам, если они признают его режим. Одновременно Комонфорт призвал Хуареса приехать в Акапулько и включиться в борьбу против тирана. Дон Бенито немедленно предложил Окампо вместе вернуться на родину. Окампо медлил с ответом. Было и другое обстоятельство, тормозившее возвращение Хуареса на родину: у него не было для этого средств, а сказать кому-нибудь об этом он стеснялся. Только получив повторное приглашение Комонфорта, Хуарес решил поведать о своих затруднениях Окампо, который собрал необходимые деньги на возвращение его и других, проживавших в Соединенных Штатах изгнанников в Мексику. В своих автобиографических заметках Хуарес со свойственной ему сдержанностью так рассказывает об обстоятельствах своего отъезда:

«Я жил в Новом Орлеане до 20 июня 1855 года, когда направился в Акапулько, чтобы предложить мои услуги в военных действиях, которые вели дон Хуан Альварес и дон Игнасио Комонфорт против тиранического правительства дона Антонио Лопес-де-Санта-Анны. Я совершил мое путешествие через Гавану и Панамский перешеек и прибыл в порт Акапулько в конце июля. Мое решение было принято в связи с заявлением Санта-Анны, согласно которому изгнанники могли вернуться на родину только при условии, если они заявят под присягой, что подчиняются и признают его тиранический режим. Как только это заявление дошло до моего сведения, я обратился к моим товарищам по изгнанию, а тем, кто жил за пределами Нового Орлеана, я написал письмо с призывом вернуться на родину, но не на

унизительных условиях тирана, а для участия в революции против него с целью установления правительства, которое обеспечило бы нации справедливость, свободу и равенство. Мое предложение приняли дон Мельчор Окампо, дон Хосе-Мария Мата, дон Гуадалупе Монтенегро, дон Понсиано Арриага и все остальные. Все они решили перейти границу в районе штата Тамаулипас, я же направился в Акапулько».

Так закончилась эмигрантская жизнь Хуареса в Новом Орлеане. Это был, пожалуй, самый тяжелый и безрадостный период в его жизни. Находясь вдали от родины и семьи, во враждебном окружении рабовладельцев, люто ненавидевших Мексику, Хуарес не терял веры в будущее своей страны. Теперь, наконец, он снова на родной земле и снова может включиться в борьбу против темных сил, властвовавших над Мексикой…

ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ

Акапулько Хуарес не застал Комонфорта, который находился на севере страны. Не теряя времени, дон Бенито направился в штаб-квартиру армии генерала Хуана Альвареса, расположенную в нескольких десятках километров от Акапулько, в селении Текста. В пути он попал под ливень, что заставило его сменить промокшую одежду на белые полотняные штаты и накидку-пончо. В этом типично индейском одеянии Хуарес прибыл в Тексту, где его встретил сын главнокомандующего Армии восстановления свободы полковник Дьего Альварес. Хуарес назвался, но его фамилия, весьма распространенная в Мексике, не произвела на полковника впечатления. Приняв Хуареса за простого индейца, дон Дьего спросил:

— Что вам угодно?

— Здесь сражаются за свободу, я явился к вам, чтобы предложить свои услуги.

Вид 49-летнего Хуареса, выглядевшего значительно старше своих лет после голодных дней в Новом Орлеане и утомительного пути, явно не вызвал энтузиазма у полковника. Таких индейцев являлось множество к Альваресу, но стариков, да к тому же без оружия, в партизаны не принимали.

— Что вы умеете делать?

— Я знаю грамоту, умею писать.

— Тогда другое дело, я доложу о вас главнокомандующему.

Генерал Альварес поручил пришельцу готовить ответы на письма, поступавшие в штаб-квартиру.

Генерал и его сын были несказанно удивлены, когда некоторое время спустя к ним поступил пакет от Окампо, адресованный «лисенсиату дону Бенито Хуаресу»- Неужели этот старательный индеец и есть тот самый знаменитый дон Бенито Хуарес, бывший губернатор Оахаки, которого так ненавидел Санта-Анна?

Последовала новая беседа полковника с Хуаресом.

— Здесь имеется пакет, адресованный, судя по всему, вам. Разве вы лисенсиат?

— Да, сеньор.

— Значит, вы бывший губернатор Оахаки?

— Да, сеньор.

— Почему же вы мне не сообщили об этом сразу?

— Зачем? Мое прошлое в данном случае не имеет никакого значения.

Этот эпизод, рассказанный впоследствии самим полковником

Дьего Альваресом в своих воспоминаниях, весьма типичен для Хуареса. Но в данном случае Хуаресом двигало не только характерное для него чувство скромности, но и опасение, что его ученый титул лисенсиата и слава бывшего губернатора могут в какой-то степени стеснить главнокомандующего, старого партизана, не особенно доверявшего профессиональным политикам. Опасения Хуареса оказались напрасными. Хуан Альварес, узнав подлинное лицо своего писца, не преминул его назначить своим секретарем и политическим советником.

Назначение было весьма своевременным, ибо Альварес действительно нуждался в толковых советах при сложности политических событий в Мексике. Пятнадцать дней спустя после прибытия Хуареса в штаб Альвареса его «светлейшее высочество» Санта-Анна бежал из столицы в Веракрус. По дороге он отрекся от своего титула, назначив преемником одного из своих дружков, генерала Карреру. Вскоре он покинул Мексику, направившись в Венесуэлу, где приобрел заблаговременно крупное поместье. Каррера же высказался в поддержку «плана Аютли» и обратился к Альваресу с предложением о сотрудничестве. Он даже назначил Хуареса губернатором Оахаки. Но Хуарес с негодованием отверг назначение и предупредил главнокомандующего, что Каррера и другие приближенные узурпатора «решили примкнуть к революции с тем, чтобы погубить ее, спасти свои должности и избежать наказания за свои преступления. Они рассчитывают воспользоваться жертвами патриотов, которые боролись за освобождение своей родины от клерикальной и военной тирании, возглавляемой доном Антонио Лопес-де-Санта-Анной». Генерал Альварес последовал совету Хуареса, потребовав немедленной отставки Карреры и направился во главе Армии восстановления свободы, состоявшей в основном из индейских партизанских отрядов, к столице.

Против Карреры выступило и трудящееся население Мехико. Противники узурпатора напали на его дворец, сожгли кареты бежавшего диктатора, а останки его ноги изъяли из кафедрального собора и выбросили на помойную яму. Походя были разгромлены редакции консервативных газет. Каррера бросил армейские части на подавление беспорядков. Но армия уже ему не повиновалась, и он бежал из столицы вслед за своим покровителем Санта-Анной.

По мере приближения Альвареса к Мехико на его сторону переходили все новые и новые провинции. В начале октября в городе Куэрнаваке, на подступах к столице, Альварес по совету Хуареса созвал хунту представителей всех штатов, поручив ей избрать временного президента. Большинство членов хунты

принадлежало к левым либералам. Ее председателем был назначен старый либеральный каудильо Валентин Гомес Фариас, а секретарем — Хуарес, он же представлял в хунте свой родной штат Оахака. В хунту вошел также возвратившийся из США Мельчор Окампо и другие активные борцы против режима Санта-Анны. Хунта единогласно избрала временным президентом республики генерала Хуана Альвареса, который образовал правительство из четырех человек в составе: Мельчора Окампо — министра внутренних и иностранных дел, Игнасио Комонфорта — военного министра, Гильермо Прието — министра финансов, и Бенито Хуареса — министра юстиции, церковных дел и народного образования. Впервые в Мексике главой государства и министром кабинета стали индейцы.

Новое правительство созвало учредительное собрание. Избирательный закон, автором которого был Хуарес, впервые в истории республики лишал духовенство избирательных прав и представительства в выборных органах. «Печальный опыт убедил нас, — писал по этому поводу Хуарес в своих воспоминаниях, — что духовенство из-за невежества или из хитрости считало себя в конгрессах представляющим только свой собственный класс и противилось принятию любых мероприятий, направленных на искоренение несправедливостей и благоприятствующих рядовым мексиканцам. В этих условиях интересы общественного блага требовали лишить духовенство избирательных прав».

Хуарес пошел еще дальше. Он подготовил закон о судопроизводстве, носящий его имя, лишавший духовенство и офицерский корпус «фуэрос» — особых прав и привилегий, которыми они пользовались с колониальных времен. Закон упразднял специальные церковные и военные суды и обязывал духовенство и офицеров платить государственные налоги наравне со всеми гражданами. При поддержке Альвареса этот закон был одобрен правительством. 25 ноября 1855 года, пять дней спустя после своего вступления в Мехико, новое правительство устроило чистку офицерского корпуса, уволив из него 800 генералов и офицеров, наиболее отъявленных реакционеров, которые были отданы под надзор полиции. В противовес прежней преторианской армии правительство приступило к формированию Национальной гвардии из плебейских элементов во главе с деятелями левого крыла либеральной партии.

Крупная буржуазия, помещики, церковники и реакционное офицерство, не располагая силами для открытого выступления против правительства, делали ставку на его наименее стойкого члена — Игнасио Комонфорта, придерживавшегося умеренных взглядов и выступавшего против реформистских устремлений

Хуареса и других левых либералов. Реакция, в совершенстве владевшая искусством пленения колеблющихся, нестойких, тщеславных, падких на лесть и деньги элементов, стала обхаживать и превозносить до небес Комонфорта, толкая его на смещение Альвареса под предлогом, что именно он, Комонфорт, а не Альварес, неотесанный и безграмотный индеец, является подлинным лидером движения, свергнувшего Санта-Анну. Одновременно они направили свой огонь и против другого индейца — Хуареса. Церковная иерархия объявила его еретиком и пригрозила предать анафеме всех, кто подчинится закону, носившему его имя.

Маневры реакции имели успех. Комонфорт поддался влиянию врагов правительства и стал оказывать все большее сопротивление осуществлению прогрессивной программы левых либералов. Правительство было вынуждено уйти в отставку. Альварес отставки министров не принял. Однако вспыльчивый Окампо отказался вернуться в правительство, в котором остались Комонфорт, Прието и Хуарес. «Меня, — вспоминал впоследствии Хуарес, — заставила остаться на своем посту надежда, что, пребывая в правительстве, я буду иметь возможность осуществить одну из многих реформ, способствующих улучшению условий общества, оправдав таким образом жертвы, которые принес народ, свергнув угнетавшую его тиранию». Хуарес стремился, как он писал, к осуществлению реформ во всех областях общественной жизни, справедливо считая, что свержение Санта-Анны и приход к власти правительства Альвареса, не связанного какими-либо обязательствами с эксплуататорскими классами, создавали предпосылки для реализации «социальной революции».

Хуарес и его единомышленники мыслили эту «социальную революцию» как серию реформ, ограничивающих права духовенства, военной касты, латифундистов, предоставляющих демократические права мексиканскому народу, способствующих развитию просвещения и культуры. Такие реформы главным образом благоприятствовали буржуазии, ибо, порывая с феодальными пережитками, они открывали путь для капиталистического развития страны. Однако Хуарес вряд ли отдавал себе в этом отчет. Он считал, что действует в интересах всего мексиканского народа, в первую очередь его неимущих классов. В его выступлениях мы ни разу не встретим слово «буржуазия» или «капиталистический путь развития». Если бы он оперировал тогда такими терминами, то, возможно, имущие классы, в частности крупная буржуазия, не относилась *бы к* нему с таким недоверием и даже ненавистью, считая его чуть ли не разрушителем социального порядка, основанного на классовом

угнетении. Ему оказывали поддержку только наиболее просвещенная и патриотическая часть национальной буржуазии и народные массы, к солидарности которых он всегда обращался.

Надежды Хуареса на то, что, оставаясь в правительстве, он сможет продолжить свою реформаторскую деятельность, не оправдались. Враждебные правительству силы продолжали открыто выступать против него. Им удалось привлечь на свою сторону видных местных каудильо, боровшихся ранее против Санта-Анны, но вовсе не желавших лишаться своих привилегий в результате новых государственных преобразований. Среди левых либералов также нашлись предатели. Один из них, губернатор штата Гуанхуато Мануэль Добладо, выходец из народных низов, адвокат, выступавший против американских интервентов, теперь переметнулся на сторону реакции и в начале декабря поднял восстание в защиту «религии и фуэрос», требуя отставки Альвареса. Последний, чувствуя себя изолированным в столице, где бойцы его армии, родом из тропических областей, с трудом переносили высокогорный климат, утомленный интригами противников правительства, не проявил должной стойкости, подал в отставку и передал власть Комонфорту. Составив правительство из либералов правого крыла, Комонфорт объявил, что будет продолжать политику умеренных реформ.

Новый президент, не желая обострять отношения с левыми либералами, назначил Хуареса губернатором Оахаки. Хуарес принял назначение, надеясь превратить родной штат в опору прогрессивных сил страны. Революции в Мексике, как правило, начинались в штатах, а в Оахаке у власти все еще оставались агенты Санта-Анны, в их числе Максимо Ортис, некогда покушавшийся на дона Бенито. К тому же Хуарес вот уже три года как не виделся с семьей. Маргарита с детьми все еще находилась в Эгле, ведя очень скромную жизнь и стараясь никому не бросаться в глаза. Ведь все эти годы политические страсти были накалены и близкие Хуареса могли в любой момент оказаться жертвами распоясавшихся реакционеров.

В декабре 1855 года Хуарес в сопровождении небольшого отряда вооруженных сторонников перешел границу штата Оахаки. Весть об этом вызвала всеобщее ликование среди местного населения. В мгновение ока санта-аннисты были сметены со своих постов, бежали, попрятались или были убиты, как, например, тот же Максимо Ортис. Из Эгли, где он встретился с женой и детьми, Хуарес направился в город Оахаку, куда прибыл 10 января 1856 года, в тот же день приступив к выполнению обязанностей губернатора.

Задача стояла перед ним не из легких, но теперь он ясно себе

представлял, какие вопросы предстоит решить в первую очередь. В штате Оахака, как, впрочем, и других провинциях Мексики, постоянно дислоцировались армейские части местного военного округа, командующий которыми подчинялся не губернатору, а непосредственно президенту республики. По приказу из столицы командующий этими войсками мог в любой момент направить их против местных властей, снять губернатора, разогнать провинциальную палату представителей. Эти армейские части состояли из солдат-наемников, недисциплинированных, всегда охочих к грабежу, к мародерству и, как правило, послушно выполнявших волю своих командиров. «Губернаторы, хотя и считались главами свободных, суверенных и независимых штатов, — отмечал Хуарес, — в действительности таковыми являлись только в теории. На практике они были пленниками местных командующих. Эта пагубная система государственного устройства, установленная в республике конституцией 1824 года, была одной из причин военных мятежей, которые столь часто вспыхивали после завоевания независимости».

Чтобы нейтрализовать эту враждебную силу, Хуарес приступил к организации Национальной гвардии, бойцы которой рекрутировались среди бедняцких слоев населения, ремесленников, крестьян — сторонников левых либералов. Оружием и амуницией их снабжал местный арсенал. В Институте наук и искусств Хуарес открыл специальные офицерские курсы для командного состава Национальной гвардии. На них учились студенты права и адвокаты, сторонники левых либералов, многие из которых впоследствии дослужились до генеральского чина. Запомним фамилию — Порфирио Диас. Метис, родом из микстекского племени, сын мелкого торговца, осиротевший в 12-летнем возрасте, Порфирио, как и Хуарес, вначале учился в духовной семинарии, а затем закончил юридический факультет Института наук и искусств. Участник войны против американских интервентов и сражений против Санта-Анны, в которых он заслужил чин лейтенанта, Диас по совету Хуареса закончил офицерские курсы, был произведен в капитаны и стал одним из командиров Национальной гвардии. Решительный, храбрый, хитрый, Диас, как и его брат Феликс, также вступивший в Национальную гвардию, стал одним из надежных сотрудников дона Бенито, которому тог полностью доверял.

Укрепив Национальную гвардию, Хуарес потребовал от Комонфорта ликвидировать военный округ в Оахаке и распустить или отозвать за пределы штата входившие в него военные части. Комонфорт не решился на столь радикальный шаг. Вместо этого он снял командующего округом, назначив Хуареса на его место.

Теперь вся власть в штате была сосредоточена в руках Хуареса. Оахака становилась, таким образом, мощным оплотом левых либералов. Хуарес основал здесь газету «Бич тиранов». Ее читали либералы всей страны.

«Чистые», используя демократические свободы, восстановленные после свержения диктатуры Санта-Анны, укрепляли свои позиции и в других штатах. Реакция между тем не складывала оружия. Она толкала Комонфорта на разрыв с левыми, надеясь превратить его во второго Санта-Анну. Комонфорт проявлял нерешительность. Он и рад был бы повернуть вправо, но опасался, что это приведет его к такому же печальному концу, как и Санта-Анну. К тому же он, как и все предыдущие Президенты Мексики, остро нуждался в деньгах, а единственным источником, который мог ему предоставить средства, являлась все та же церковь — оплот реакции.

Считая Комонфорта неспособным на решительные действия, реакционеры, лидируемые церковниками и офицерами санта-аннистами, энергично готовились к его свержению. Они создали ряд тайных организаций (Центральная консервативная директория в Мехико, Священный союз в Пуэбле), монастыри превратили в склады оружия. В начале 1856 года они подняли в Пуэбле мятеж, подавленный Комонфортом. Хуарес настаивал на строгом наказании мятежников. «Не забывайте, — говорил он тем, кто просил снисхождения к ним, — что, когда вы милуете одного из этих людей, для которых политика — это не что иное, как анархия и военный мятеж, вы тем самым осуждаете на смерть многие сотни ни в чем не повинных людей».

Решительные действия правительства встретили широкую поддержку в стране, что побудило его принять ряд мер, ограничивающих финансовое могущество церкви. В мае 1856 года Комонфорт утвердил выработанный его министром финансов Мигелем Лердо де Техадой закон, согласно которому церковное имущество (поместья и городская недвижимость), за исключением зданий, используемых в чисто религиозных целях, переходило в собственность лиц, арендующих их, если они в трехмесячный срок заявляли о своем желании приобрести его. В таком случае арендатор должен был уплатить стоимость имущества ежегодными шестипроцентными взносами. Имущество церкви, не сданное в аренду, духовенство обязано было продать в трехмесячный срок любому лицу, в противном случае оно поступало в продажу с аукциона. Вырученные деньги передавались церкви после отчисления в государственную казну соответствующего налога.

Закон рекомендовал использовать полученные от продажи

церковного имущества средства для финансирования сельскохозяйственных, промышленных и других предприятий.

Одновременно согласно закону Лердо подлежали продаже и общинные земли индейцев. Владевшие наделами общинной земли индейцы приравнивались к арендаторам церковного имущества и должны были выкупать их на общих основаниях.

Закон Лердо преследовал цель создания класса мелких собственников, но выгоден он был только крупной буржуазии и латифундистам, в распоряжении которых имелись средства для покупки церковных имений и общинных земель индейцев. В течение 1856 года, несмотря на сопротивление духовенства, угрожавшего отлучением каждому, кто воспользуется законом Лердо, было выручено от продажи в основном церковного имущества 23 миллиона песо и появилось девять тысяч новых собственников. Осуществление закона Лердо, таким образом, способствовало капиталистическому развитию Мексики и знаменовало один из этапов буржуазной революции, начавшейся со свержения диктатуры Санта-Анны.

Церковники и связанные с ними реакционеры ответили на закон Лердо новыми заговорами и мятежами. В сентябре 1856 года власти обнаружили тайный склад оружия в крупнейшем столичном монастыре святого Франсиска. Комонфорт приказал сровнять монастырь с землей. Но заговорщики не унимались. Их душой был священник Франсиско Миранда, правая рука епископа Пуэблы и исповедник матери Комонфорта, к советам которой президент прислушивался. В августе реакционеры вновь подняли восстание в Пуэбле. Им удалось привлечь на свою сторону индейского вожака Томаса Мехию и самого молодого генерала мексиканской армии 25-летнего Мигеля Мирамона, которого прельщали лавры Санта-Анны. Мятеж охватил ряд штатов, но был подавлен правительством. Хотя Комонфорт выслал в Европу одного из вдохновителей мятежа, епископа Пелагио Антонио Лабаститида-и-Давалоса, и велел продать церковное имущество в Пуэбле для возмещения ущерба, причиненного мятежниками; другие их вожаки, в том числе Миранда, Мехия и Мирамон, были вскоре помилованы президентом.

Выли подавлены также индейские восстания, вызванные отчуждением общинных земель. Только в Оахаке закон Лердо осуществлялся под наблюдением Хуареса, без понесения ущерба индейским общинам, что же касается церковного имущества, то Хуарес стремился, чтобы оно перешло в собственность властей штата.

Еще до того, как был издан закон Лердо, в Мехико собралось учредительное собрание, в котором перевес одержали левые

либералы. Противники теперь называли их якобинцами, отпрысками Робеспьера и Марата, хотя левые в лучшем случае являлись радикальными буржуазными реформаторами и вовсе не стремились к коренной ломке существовавшего в Мексике общественного строя.

Одним из первых актов учредительного собрания было одобрение закона Хуареса подавляющим большинством голосов. Против голосовал только один депутат. Хотя Хуарес не являлся членом учредительного собрания и в его работе непосредственного участия не принимал, его идеи и взгляды, несомненно, оказывали большое влияние на деятельность депутатов. «Мы должны идти вперед и не отступать перед шантажом реакционеров, угрожающих нам мятежами, — говорил выступавший в учредительном собрании депутат Игнасио Рамирес. — Будем следовать примеру бесстрашного Хуареса, который говорит нам сегодня из Оахаки: «Осуществляйте реформы, следуйте по пути прогресса!»

Игнасио Рамирес выступал с резкими нападками на католическую церковь, которую он обвинял в поддержке испанского колониализма, в сопротивлении движению за независимость.

Многие левые либералы находились под влиянием идей французской революции. Некоторые из них, в их числе Понсиано Ариага, требовали решения аграрного вопроса, раздела крупных латифундий, защиты трудящихся от капиталистической эксплуатации, осуществления социальных реформ.

«Не страшитесь врагов прогресса, — говорил с трибуны учредительного собрания другой радикал, Франсиско Сарко, — ведь все великие реформаторы: от библейского Моисея до Петра Великого — вынуждены были преодолевать сопротивление своих противников». Со страстными речами выступали Мата, Окампо и другие друзья и единомышленники Хуареса.

Основной вопрос, обсуждавшийся учредительным собранием, касался выработки новой конституции. Дебаты продолжались около года.

6 февраля 1857 года новая конституция была одобрена. Первым принес ей присягу, стоя на коленях, почетный председатель учредительного собрания, старый либеральный каудильо Валентин Гомес Фариас. Его примеру последовали другие депутаты.

Хуарес. Конституция и реформа. Гравюра Мендеса.

Конституция 1857 года по своему содержанию являлась одной из самых прогрессивных для своего времени. Она провозглашала Мексику «представительной, демократической и федеративной республикой, состоящей из штатов, свободных и суверенных в отношении своего внутреннего режима». В конституцию были включены основные положения законов Хуареса и Лердо. Конституция отменяла и запрещала рабство и долговое рабство (пеонаж), изгоняла из страны иезуитов, обеспечивала демократические свободы, санкционировала учреждение Национальной гвардии, упраздняла внутренние таможни и пошлины, колониальную алкабалу (налог с продажи товаров), провозглашала необходимость улучшения положения

трудящихся. Законодательная власть предоставлялась палате депутатов. Президент избирался сроком на 4 года. Пост вице-президента совмещался с постом председателя верховного суда. В случае смерти президента или невозможности им выполнять свои обязанности его место автоматически занимал вице-президент.

Реакционные круги встретили новую конституцию в штыки. Церковь запретила под страхом отлучения присягать на верность ей и объявила бойкот государству.

Позицию церкви одобрил сам папа римский Пий IX, объявивший недействительными постановления мексиканского правительства, относящиеся к церкви. Все указывало на то, что реакционеры, воспользовавшись демократическими свободами, предоставленными всем гражданам конституцией, попытаются захватить власть и отменить основной закон республики.

Хуарес не испытывал иллюзий на этот счет. «Как только была опубликована политическая конституция страны, — пишет он в своих автобиографических заметках, — я немедленно поспешил провести ее в жизнь, главным образом те положения, которые касались местного самоуправления. Штаты, считал я, должны образоваться не теряя времени, ибо опасался, что из-за некоторых принципов свободы и прогресса, включенных в конституцию, в столице республики вспыхнет мятеж, который разрушит верховную власть нации. Было бы желательно, чтобы штаты к тому времени оказались в состоянии подавить мятеж и восстановить законные власти, избранные на основе конституции».

Осуществляя эти планы, Хуарес и его единомышленники созвали провинциальное учредительное собрание. Оно выработало и приняло конституцию штата, согласно которой были проведены выборы в губернаторы, на пост которого подавляющим большинством голосов был избран Хуарес. Из 112 541 голоса он получил 100 336, остальные — его противник, кандидат реакции. Теперь Хуарес вновь стал законно избранным губернатором штата.

Традиция требовала, чтобы губернатор перед вступлением *в* должность посетил в местном кафедральном соборе торжественный молебен — «те деум». На этот раз церковники объявили, что они не пустят Хуареса в собор, демонстративно закроют перед ним двери. Они надеялись, что вновь избранный губернатор силой заставит их служить молебен, и они таким образом предстанут перед верующими в ореоле мучеников. Церковники просчитались. Хуарес просто игнорировал их. При вступлении в должность он ограничился только гражданской церемонией. Объясняя свое поведение, Хуарес отмечал в

автобиографии: «Гражданские правители не должны придерживаться каких-либо религиозных взглядов, ибо они обязаны гарантировать свободу для всех культов, которые пожелают исповедовать граждане. Эти свои обязанности правители не смогут достойным образом выполнить, если они сами будут исповедовать какой-нибудь культ. Вступление в должность губернатора показалось мне оказией для изменения вредного обычая, согласно которому губернатор принимал участие в церковных актах и даже в монашеских процессиях, теряя время, нужное для дел, приносящих пользу обществу».

Осенью 1857 года состоялись выборы президента, депутатов в национальный конгресс и членов верховного суда республики. Были выдвинуты два кандидата в президенты — Комонфорт, который мог собрать голоса умеренных либералов, и Мигель Лердо де Техада, ушедший в отставку с поста министра финансов, представлявший левых. Избирательная кампания проходила в острой борьбе соперничающих группировок. Левые обвиняли Комонфорта в подкупе избирателей и других недостойных махинациях. Незадолго до выборов Лердо де Техада в знак протеста против незаконных действий сторонников своего соперника снял свою кандидатуру, и Комонфорт был избран президентом республики без оппозиции. На этих выборах Хуарес баллотировался от блока левых в депутаты конгресса и в члены верховного суда. Он был избран на оба этих поста. Вскоре он был избран председателем верховного суда, что делало его одновременно и вице-президентом республики. Заняв столь высокий пост, Хуарес становился признанным лидером всех левых либералов страны.

Вслед за этими событиями Комонфорт сделал Хуаресу совершенно неожиданное предложение: занять в его кабинете пост министра внутренних дел, в ведении которого находились полицейские власти страны. В письме к Хуаресу от 21 октября Комонфорт писал: «Приняв мое предложение, ты мне поможешь утихомирить существующее беспокойство в семье либералов, представляющее опасность в трудном кризисе, переживаемом нами; наконец, так как ты хорошо знаешь наше положение и ориентируешься в нем, это тебе поможет в твоей работе в случае, если я по состоянию здоровья или другим серьезным причинам не смогу выполнять обязанности президента, и ты, как председатель верховного суда, должен будешь принять на себя верховное руководство нацией».

Трудно объяснить, в особенности учитывая дальнейшее поведение Комонфорта, чем он руководствовался, делая подобное предложение Хуаресу. Не опасался ли он предстоящего

контрреволюционного мятежа и не рассчитывал ли справиться с ним при помощи предельно лояльного к нему Хуареса? Или, может быть, это был ловкий маневр Комонфорта, пытавшегося таким образом усыпить бдительность левых? Или он хотел перетянуть на свою сторону влиятельного сапотека из Оахаки? Или же этот шаг был следствием политического непостоянства и свойственного президенту шарахания из одной крайности в другую?

Как бы там ни было, Хуарес принял предложение Комонфорта. 24 октября он сообщил свое решение президенту, подчеркивая, что долг и убеждения обязывают его в данных обстоятельствах «сотрудничать любыми средствами в развитии славной революции, начавшейся в Аютле». А три дня спустя, передав пост губернатора своему заместителю и попрощавшись с Маргаритой и детьми — у него только что родился сын, — Хуарес поспешил в столицу, где его ждали сложные и трудные обязанности министра внутренних дел, председателя верховного суда и вице-президента республики.

Он уже больше никогда не вернется в свой родной Штат Оахака и не продолжит своих автобиографических заметок, посвященных своим детям. Для заметок у него уже не найдется свободного времени вплоть до самой смерти. Отделяют же его от последней черты еще пятнадцать лет, самых значительных в его собственной жизни и жизни его родины Мексики…

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Хуарес провел на посту министра внутренних дел всего полтора месяца. Он прибыл в столицу 2 ноября, а в ночь на 17 декабря войска столичного гарнизона под командованием генерала Сулоаги, бывшего кассира игорного дома, заняли все правительственные учреждения. Началась охота на левых либералов. Одним из первых подвергся аресту Хуарес. Очередное пронунсиаменто было налицо. Мятежники отменили конституцию, разогнали конгресс. Кто же их возглавлял? Сам президент Комонфорт. Совершив переворот, он объявил себя диктатором и пообещал вновь созвать учредительное собрание для выработки новой конституции.

Слухи о готовящемся заговоре уже давно ходили в столице. Комонфорт выражал недовольство конституцией, которая, по его словам, связывала ему руки. Он жаловался, что конгресс, наделенный большими полномочиями, лишал его возможности эффективно управлять страной. Президент опасался, что конгресс, в котором ведущую роль продолжали играть левые, навяжет ему новые радикальные реформы. Такие же опасения высказывали генерал Сулоага и некоторые члены кабинета министров. Они убедили Комонфорта возглавить переворот, обещая поддержку командующих военными округами и губернаторов штатов. Комонфорт присоединился к заговорщикам. По его собственным словам, он в одну ночь из законного президента превратился в презренного мятежника.

Перед переворотом Комонфорт вызвал Хуареса и попытался привлечь его на свою сторону. Хуарес вежливо, но категорически отказался. На следующий день о планах заговорщиков стало известно конгрессу. От кого? Возможно, от Хуареса. Конгресс потребовал объяснений от президента и министров, замешанных в подготовке пронунсиаменто. Комонфорт отказался их дать. Хуарес надеялся мобилизовать Национальную гвардию на защиту конституционного порядка, но заговорщики его опередили.

Комонфорту было легче совершить переворот, чем решить, каким путем ему следует пойти дальше. Мятежники захватили власть в столице, в большинстве же штатов они получили решительный отпор. В Оахаке единомышленники Хуареса твердо удерживали власть в своих руках. Губернаторы десяти самых влиятельных и крупных штатов высказались против переворота. Они образовали Лигу губернаторов-либералов, которая потребовала от Комонфорта ухода в отставку и передачи власти его законному преемнику Хуаресу, клерикалы же настаивали на

расправе с Хуаресом.

Комонфорт не решался ни на то, ни на другое. Видя его колебания, реакционеры 11 января 1858 года совершили новый переворот, они объявили о смещении Комонфорта и провозгласили президентом генерала Сулоагу. Комонфорт, опираясь на верные ему части, попытался было оказать сопротивление, но, покинутый левыми и правыми, бежал в Веракрус, предварительно освободив из заключения Хуареса и других демократов. В Веракрусе Комонфорт заявил, что отказывается от поста президента в пользу Хуареса. 7 февраля он покинул Мексику и направился в Соединенные Штаты.

После бегства Комонфорта Хуарес и другие левые либералы — члены разогнанного Сулоагой конгресса — тоже покинули столицу и разными путями направились в город Гуанахуато, расположенный в 300 километрах к северу от Мехико. Здесь их поддержал генерал Парроди, располагавший 8-тысячной армией.

Дои Бенито прибыл в Гуанахуато 18 января. «Сюда явился некий индеец Хуарес, выдающий себя за президента республики», — писал в те дни в письме из Гуанахуато один местный житель. На следующий день Хуарес обратился к стране с воззванием, в котором, ссылаясь на конституцию, объявлял, что вступил в должность президента. Он осудил мятежников за стремление под предлогом защиты церкви и религии разрушить законный порядок, установленный согласно воле большинства мексиканцев. Хуарес призвал народ выступить в защиту конституции 1857 года и прогрессивных законов, принятых учредительным собранием, и строго наказать мятежников.

Несколько дней спустя Хуарес создал правительство с участием виднейших левых либералов. Мельчор Окампо стал военным министром, министром иностранных и внутренних дел. Прието — министром финансов. Генерал Парроди был назначен главнокомандующим войск.

Обычно в Мексике считалось, что тот, кто правил в столице, правил в стране. После очередного переворота проигравшая сторона, по крайней мере на некоторое время, прекращала дальнейшую борьбу. Теперь же, создав свое правительство внутри страны, левые заявляли, что они отказываются подчиниться неписаным правилам игры в пронунсиаменто и будут бороться с оружием в руках против мятежников, засевших в столице, пока правое дело конституционалистов не восторжествует.

Хуарес и члены его правительства, не теряя времени, стали направлять послания и письма своим единомышленникам в других штатах, призывая к активному сопротивлению мятежникам. Телеграфа в их распоряжении не было. Ежедневно

Гуанахуато покидали курьеры Хуареса, переодетые в погонщиков мулов или крестьян, с посланиями его единомышленникам в провинциях. «Вооружайтесь, создавайте партизанские отряды, готовьтесь к длительной и беспощадной борьбе, нас ждут суровые времена, но мы победим извечных врагов мексиканского народа — реакционных церковников и продажных генералов-предателей», — писал им законный президент Мексики.

Контрреволюционеры тоже не сидели сложа руки. Они образовали в столице правительство во главе с Сулоагой. США, Англия, Франция и другие державы поспешили признать его. Иностранные державы надеялись добиться от Сулоаги новых концессий и льгот. На сторону Сулоаги перешла значительная часть армии и почти весь генералитет. Ему оказывала финансовую помощь церковь. Сулоага получил в дар от церковников только в 1858 году около 5 миллионов песо. Его политическими советниками являлись архиепископ Мехико де ла Гарса-и-Бальестерос и епископ Мичоакана Мунгия.

Действуя по их наущению, Сулоага отменил законы Хуареса и Лердо, вернул все права и привилегии духовенству, провозгласил себя верноподданным панского престола, за что удостоился личного благословения со стороны Пия IX.

Хотя в большинстве штатов, в том числе в таком важном стратегическом пункте, как Веракрус, порт которого являлся морскими воротами страны, сторонники Хуареса одержали верх, тот факт, что за Сулоагой стояла армия, что его признали иностранные державы и что он являлся хозяином столицы, давал ему значительный перевес над сторонниками конституционного правительства. Но Хуарес и его единомышленники были полны решимости продолжать начавшуюся борьбу до победного конца.

Стремясь не дать Хуаресу опомниться и мобилизовать силы левых, Сулоага направил ударную колонну верных ему войск под командованием генерала Осольо в сторону Гуанахуато. Это вынудило Хуареса и его правительство перебраться в Гуадалахару, где их настигло известие, что Осольо нанес при Саламанке поражение Парроди. Из 8 тысяч солдат у Парроди после сражения при Саламанке уцелело всего 2 тысячи, с которыми он поспешно отступил к Гуадалахаре, преследуемый победоносным Осольо.

Хуарес, получив известие о поражении Парроди, обратился с новым манифестом к народу, в котором писал: «Независимо от того, выиграем ли мы или проиграем нашу битву, погибнем ли мы в боях или падем от руки наемных убийц, священное дело, которое мы защищаем, непобедимо. Поражение при Саламанке всего лишь несчастный случай. Нас могут постигнуть и другие

поражения. Война только начинается… Но будущее принадлежит демократии, свобода — ее непобедимое оружие. Ее цель — прогресс. Я всем своим существом верю в эти идеалы. Это мое единственное достоинство, дающее мне основание претендовать на должность президента. Поражения в войне не заставят нас отказаться от наших идей, сила которых превыше пушек».

Между тем оставаться и в Гуадалахаре было небезопасно. Хуарес решил направиться в город Колиму, но ему помешал мятеж одной из рот местного гарнизона, которым командовал подполковник Ланда. Мятежникам удалось выпустить из тюрьмы уголовников и с их помощью арестовать Хуареса и членов его правительства.

Хуарес, Окампо, Прието и другие руководители левых оказались в руках пьяной солдатни. Мятежники пытались расстрелять Хуареса, но Прието прикрыл его собой и страстной речью уговорил солдат сохранить арестованным жизнь. Как всегда в моменты опасности, так и на этот раз Хуарес проявил полную невозмутимость, спокойствие и хладнокровие. Мятежники, против которых охрана Хуареса открыла огонь, потребовали от него приказать конституционалистам сдаться, обещая взамен сохранить ему жизнь. Хуарес решительно отказался выполнить их требование, более того, он убеждал мятежников сложить оружие и подчиниться законному правительству. Три дня продолжались бои в Гуадалахаре. Наконец сторонникам Хуареса удалось освободить его. Этот эпизод со свойственной ему лаконичностью *Хуарес* так записал в своем дневнике: «13-го восстала охрана дворца и по приказу Лайды, возглавлявшего мятеж, меня арестовала. 15-го я был освобожден».

В тот же день, 15 марта, президент, его министры в сопровождении отряда в 100 человек покинули Гуадалахару, преследуемые все тем же подполковником Ландой.

По дороге беглецы остановились переночевать в селении Атаклан. Здесь их настиг и окружил подполковник Ланда. Казалось, смерть снова пришла за Хуаресом и его друзьями. Хуарес предложил своим министрам оставить его и попытаться по одному бежать. Сам же он, как и полагается главнокомандующему, останется с верными ему бойцами сражаться до последнего патрона. Министры Хуареса не пожелали покинуть его. Было решено всем вместе пробиваться сквозь окружение, что им удалось сделать следующей ночью.

Теперь уже это было не отступлением, а настоящим бегством. И тем не менее Хуарес и его друзья не падали духом. На всем пути простые люди — крестьяне, индейцы, горожане — встречали

их хлебом-солью, преподносили цветы, оказывали всякого рода помощь. «Народ нас поддерживает, — говорил Хуарес своим спутникам, — а это главное. Наши враги могут нанести нам тысячу поражений, но одолеть пробудившийся к борьбе народ они все равно не смогут. Если мы проявим упорство и будем продолжать нашу политику реформ, победа будет за нами».

В Колиме, где власть удерживали левые либералы, Хуарес и его спутники смогли, наконец, передохнуть, привести себя в порядок и вновь наладить связь со своими единомышленниками в других штатах. Сведения, поступавшие в Колиму, были неутешительны. Генерал Парроди попал в окружение в Гуадалахаре и сдался противнику. В распоряжении конституционного правительства осталось всего 350 солдат и две пушки. На севере Мексики войну с войсками Сулоаги можно было продолжить только партизанскими методами. Учитывая создавшуюся обстановку, Хуарес и его друзья решили перебраться в Веракрус, где имелись хорошо вооруженные отряды Национальной гвардии и большой арсенал в крепости Сан-Хуан-де-Улуа. С суши Веракрус был защищен окружавшими его малярийными топями. Немаловажным соображением было и то, что для закупки оружия можно было воспользоваться доходами местной таможни.

Назначив на пост военного министра и главнокомандующего Сантоса Дегольядо, адвоката-самоучку, сына священника, стойкого левого, пользовавшегося большим влиянием в штате Мичоакан, где он являлся ректором университета, и поручив ему возглавить партизанские действия на севере страны, Хуарес со своим кабинетом покинул Колиму. В тихоокеанском порту Мансанильо 11 апреля беглецы сели на американский пароход «Джон Д. Стефенс», направлявшийся в Панаму. Там они пересекли железной дорогой перешеек и в Колоне, на атлантическом побережье, пересели на другой пароход, который с остановкой в Гаване доставил их в уже знакомый Хуаресу Новый Орлеан. Тут они совершили еще одну пересадку — на пароход «Теннесси», на борту которого 4 мая 1858 года прибыли в Веракрус, где местные власти приветствовали Хуареса 21 орудийным залпом. Наконец законный президент Мексики и его законное правительство обрели себе надежное убежище. Вскоре к ним присоединился Мигель Лердо де Техада, назначенный на пост министра финансов.

Веракрус считался не только морскими воротами Мексики, но и «легкими» любого правительства. Дело в том, что доходы таможни Веракруса составляли чуть ли не половину всех поступлений в государственную казну. Правительство, лишенное

этого спасительного «легкого», было осуждено на скоротечную жизнь, и наоборот: тот, кто «дышал» через Веракрус, мог рассчитывать на длительное существование.

Жители Веракруса, тесно связанные с заморской торговлей, не терпели попов и продажных генералов. Здесь Хуарес находился в безопасности и его правительство могло приступить к исполнению своих обязанностей. В первую очередь следовало укрепить оборону города, усилить Национальную гвардию, наладить связь с провинциями, сплотить воедино всех недовольных режимом Сулоаги — местных каудильо, разночинную интеллигенцию, крестьян, ремесленников, буржуазию, использовавшую закон Лердо для приобретения церковного имущества. Нужно было также приложить немало усилий, чтобы заручиться если не признанием, то по крайней мере нейтралитетом иностранных держав, в особенности Англии, через негоциантов которой можно было получить столь необходимое конституционалистам оружие. Главное же, предстояло углубить революцию путем продолжения осуществления политики реформ.

— Раз наш противник навязал нам гражданскую войну, — говорил Хуарес своим министрам, — то пусть это будет две войны в одной: война в защиту конституционного правительства и война в защиту реформ. Если мы ограничимся только свержением Сулоаги, а потом приступим к осуществлению реформ, то наши враги вновь разожгут гражданскую войну. Нам следует лишить их такой возможности. Эта война должна быть революционной войной, а не борьбой двух соперничающих группировок за власть.

В Веракрусе Хуареса волновали не только государственные дела. С ноября прошлого года, после того как он оставил Оахаку, ему ничего не было известно о судьбе его семьи. Что с Маргаритой и детьми, где они, не случилось ли с ними какого-либо несчастья? На этот вопрос никто не мог ответить толком, ибо связь с Оахакой была прервана. Оснований же для беспокойства было более чем достаточно. Хотя левые либералы продолжали удерживать власть в его родном штате, банды сторонников Сулоаги нападали на селения, врывались в города, убивали и грабили мирных жителей, не щадя ни женщин, ни детей. К счастью, в конце мая из Оахаки пришло короткое сообщение от ученика Хуареса — Хусто Бенитеса, извещавшего дона Бенито, что его семья жива и здорова и что донья Маргарита, узнав о прибытии Хуареса в Веракрус, намеревается с детьми выехать туда.

Оахака расположена от Веракруса на расстоянии 400 километров пути. Преодолеть его в условиях бушевавшей в

стране гражданской воины донье Маргарите с 8 детьми, старшей из которых, Мануэле, было 14 лет и самому маленькому, Вено, не исполнилось и года, было весьма рискованно. Путешествие предстояло совершить на мулах, обходя города, по глухим проселочным дорогам. Но донья Маргарита успешно справилась со всеми трудностями. Ей было свойственно такое же мужество и выдержка, которыми отличался и ее «обожаемый Хуарес», как она называла своего мужа. В конце июля донья Маргарита с детьми благополучно прибыла в Веракрус. Теперь, когда вся семья Хуареса была в сборе, глава ее мог всецело посвятить себя государственной деятельности.

Остаток 1858 года прошел в стычках и боях с войсками Сулоаги по всей территории республики. Консерваторы удерживали в своих руках крупные города, но для этого им нужно было содержать там крупные гарнизоны.

В сражениях консерваторы, как правило, одерживали победы. Партизанские части конституционалистов, плохо вооруженные и недисциплинированные, не могли выстоять перед натиском хорошо оснащенных оружием и вымуштрованных солдат противника, которыми командовали профессиональные военные. Осольо вскоре умер. Но противник не ощущал недостатка в опытных военачальниках. На его стороне сражались генералы Мирамон, Томас Мехия, Леонардо Маркес и другие.

Неудачи не обескураживали сторонников Хуареса. Население, в особенности в сельских местностях, их поддерживало. Постепенно и из среды партизан выдвинулись смелые и талантливые командиры — уже знакомый нам Порфирио Диас, адвокат Леандро Валье, поэт и бывший семинарист Игнасио Сарагоса, журналист Хесус Гонсалес Ортега, вокруг которых образовались сильные партизанские отряды. Несмотря на все свое материальное превосходство, войска консерваторов были не в состоянии с ними справиться.

Неспособность Сулоаги нанести решительное поражение конституционалистам вызвала против него большое недовольство в лагере реакционеров. В начале 1859 года армейская верхушка свергла Сулоагу и провозгласила президентом Мигеля Мирамона, который считался самым талантливым генералом мексиканской армии. Ему тогда исполнилось всего лишь 26 лет. В феврале Мирамон во главе большой армии предпринял наступление на Веракрус. Он обещал захватить главный оплот конституционного правительства. Но по дороге в Веракрус его армия оказалась сильно потрепанной в сражениях с партизанскими отрядами. Подступы к Веракрусу были хорошо укреплены конституционалистами. Мирамон вынужден был начать осаду

города, заняв позиции в болотистой местности, где его солдат стали косить болезни.

Конституционалисты, воспользовавшись тем, что основные силы противника застряли у стен Веракруса, собрали в один кулак свои разрозненные партизанские отряды в центре республики и под командованием Сантоса Дегольядо попытались взять штурмом Мехико. Дегольядо удалось вплотную подойти к столице и захватить ее пригород — Такубайю, но здесь он задержался в ожидании восстания либералов в городе. Задержка стоила ему победы. Мирамон, опасаясь падения столицы, снял осаду Веракруса и поспешил обратно в Мехико. Его опередил реакционный генерал Леонардо Маркес, известный своей смелостью и жестокостью, выступивший из Гуадалахары. Не дожидаясь Мирамона, он вступил в бой с Сантосом Дегольядо и разгромил его войска, захватив много пленных и обоз. Остатки армии Дегольядо вместе со своим командующим бежали в горы.

Мирамон, вернувшись в Мехико, приказал расстрелять пленных конституционалистов. Маркес расстрелял не только пленников, но также врачей, студентов-медиков, оказывавших на ратном поле помощь раненым, а также случайных лиц, схваченных реакционерами. За эту зверскую расправу он заслужил прозвище «такубайского тигра». После бойни духовенство отпраздновало победу пением церковных гимнов, Мирамон и Маркес проехали по улицам столицы в открытой карете, приветствуемые церковниками. На Маркесе красовался поднесенный ему городскими дамами шарф с надписью: «Рыцарю добродетели и доблести». Затем Маркес вернулся в Гуадалахару, где дамы из местной аристократии приняли его под триумфальной аркой и увенчали золотой короной. Там он продолжал расстрелы либералов.

Участие церковников в гражданской войне на стороне Мирамона и его сподручных, которых они финансировали и воодушевляли на кровавые расправы со сторонниками либералов, вызывало все большее негодование и возмущение среди населения. В июле 1859 года Хуарес опубликовал манифест к мексиканскому народу, в котором разоблачал преступное поведение духовенства и оповещал о намерении правительства осуществить «социальную реформу». Направляя этот документ Сантасилии в Новый Орлеан, Хуарес писал ему: «С радостью посылаю тебе только что подписанный мною манифест. Как ты увидишь, главным в его содержании является установление полной независимости светской власти от духовной и провозглашение принципа свободы совести. Для меня эти принципы имеют первостепенную важность, они должны быть в

первую очередь обеспечены нашей революцией, и, если мы добьемся победы, мы будем испытывать удовлетворение от того, что принесли некоторую пользу нашей родине и человечеству».

«Социальная реформа» мыслилась Хуаресом в первую очередь как отделение церкви от государства и конфискация в пользу государства имущества церкви. Намеченная программа была полностью осуществлена во второй половине 1859 года путем издания так называемых законов о реформе, являвшихся главным завоеванием буржуазной революции, вдохновителем и руководителем которой выступало правительство Хуареса.

Законы о реформе провозглашали безвозмездную национализацию церковного имущества, освобождали население от всяких церковных налогов и поборов, запрещали деятельность на территории Мексики монастырей, монашеских орденов, в том числе миссионерских и любых других церковных корпораций и организаций. Кроме того, правительство Хуареса порывало дипломатические отношения с Ватиканом.

Законы о реформе устанавливали систему светского народного образования. Регистрация браков и других актов гражданскою состояния передавалась в ведение государства. Как обычно, Хуарес первым подал пример к исполнению гражданских обязанностей: когда в Веракрусе родилась его дочь Франсиска, он лично зарегистрировал ее рождение в светском департаменте.

Принятие этих законов подрывало экономическое, политическое и идеологическое влияние католической церкви — главного оплота феодальных, реакционных и антинациональных сил в Мексике. По своей глубине и охвату в этом плане «реформаторское» законодательство не имело себе равных в Америке да и в европейских странах, если не считать декретов французской революции 1789 года об отделении церкви от государства.

Законы о реформе преследовали различные цели. С одной стороны, конфискация и последующая распродажа церковных поместий и недвижимого имущества должны были пополнить правительственную казну и дать возможность финансировать не только продолжавшуюся войну против реакционеров, но и другие мероприятия, в частности, развитие народного образования. С другой стороны, правительство Хуареса стремилось этим укрепить класс мелких фермеров — ранчеро, которым предоставлялись льготы при покупке церковных земель: они освобождались от налога на такого рода операции и получали возможность оплатить стоимость приобретенного участка в рассрочку до 9 лет. И все же хотя таким путем и возникло около 20–30 тысяч новых мелких земельных собственников, большая

часть церковного имущества оказалась в руках крупной буржуазии и иностранных дельцов, среди которых было немало американских.

Законами о реформе воспользовались и многие деятели либерального лагеря — генералы, политики, чиновники, скупавшие за бесценок церковные земли и обогащавшиеся различного рода спекуляциями и махинациями. Они образовали новую прослойку национальной буржуазии, отличавшуюся от старой тем, что свои интересы она отождествляла с интересами независимого мексиканского государства и исповедовала светскую* антиклерикальную идеологию, хотя и применяла прежние феодальные способы эксплуатации на своих землях. К чести Хуареса и его ближайших сотрудников следует сказать, чт® никто из них не воспользовался реформой для личного обогащения.

Хотя Мирамон и церковники во главе с архиепископом Гарсиа-и-Бальестеросом и священником Мирандой встретили законы о реформе в штыки, обзывая Хуареса и его единомышленников «коммунистической партией» и предавая их в сотый раз анафеме, — осуществление этих законов сузило социальную базу реакции, ибо поживиться за счет церковного имущества были не прочь даже многие противники конституционалистов. А совершив этот шаг, они уже волей-неволей покидали лагерь Мирамона, победа которого грозила им потерей вновь приобретенной собственности.

Кроме местных реакционеров, правительству Хуареса приходилось иметь дело еще и с другим, не менее опасным, коварным и традиционным врагом мексиканского народа — правящими кругами Соединенных Штатов, которые продолжали вынашивать планы закабаления Мексики. Выразителем этих агрессивных кругов выступал тогда президент США Джеймс Бьюкенен, избранный на этот пост в 1856 году. Бывший государственный секретарь президента Полка в период войны с Мексикой, сторонник рабовладельцев, он представлял наиболее агрессивные экспансионистские круги Соединенных Штатов. Б отличие от своих предшественников Бьюкенен предпочитал действовать не силою оружия, а силою долларов. Он намеревался купить у Испании Кубу. За деньги он думал добиться дальнейших территориальных уступок со стороны Мексики.

Сразу же после переворота Комонфорта к нему явился американский посол в Мехико Джон Форсайт и предложил по поручению Бьюкенена продать Соединенным Штатам Нижнюю Калифорнию и пограничные штаты Чиуауа и Сонору. Сперва Комонфорт с негодованием отверг предложение Форсайта, заявив

ему, что скорее выбросится из окна, чем совершит подобного рода бесчестную сделку.

Отказ Комонфорта вовсе не обескуражил американского дипломата. Форсайт сообщал в Вашингтон: Мексика находится в процессе быстрого распада, и если Комонфорту удастся сохранить власть, то можно будет добиться от него желаемого.

Действительно, не прошло и десяти дней, как Комонфорт обратился через того же Форсайта с просьбой к Соединенным Штатам предоставить Мексике заем в 600 тысяч долларов, в которых он остро нуждался, для выплаты жалованья солдатам. Форсайт пообещал поддержать его просьбу перед Вашингтоном, но дал понять, что успех дела зависит от согласия Мексики на территориальные уступки в пользу Соединенных Штатов. Комонфорт согласился рассмотреть предложение Форсайта, обещая через два дня дать ответ. Ответ был отрицательным. Комонфорт не решился на продажу американцам национальной территории, а других возможностей получить необходимые средства у него не было. Оставалось только одно — отказаться от власти, что он вскоре и сделал.

Форсайт объяснял Вашингтону свою неудачу иначе: «Я могу заверить с полным основанием, что, имей я возможность немедленно уплатить Комонфорту наличными хотя бы полмиллиона долларов и предложи я ему внушительную сумму за территории, приобрести которые было поручено мне в инструкции от июля месяца, я мог бы добиться его подписи под трактатом об уступке нам этих земель». Но такие оказии повторятся еще 50 раз в предстоящие 12 месяцев, обнадеживал Форсайт президента Бьюкенена: «Независимо от того, кто возглавит правительство Мексики в результате господствующего в столице хаоса, несомненно одно: ему потребуются деньги. Следует поэтому быть начеку и в подходящий момент вновь выдвинуть наше предложение, подкрепив его определенной суммой наличными».

С захватом власти в столице Сулоагой, казалось, что шансы Форсайта на успех значительно возросли. Режим Сулоаги всецело зависел от финансовой поддержки церкви. Форсайт не преминул использовать это обстоятельство в своих целях. Он стал доказывать церковным иерархам, что они могут спасти свои богатства, только уговорив Сулоагу продать США Нижнюю Калифорнию, Чиууа и Сонору. В противном случае церковь или израсходует все свои капиталы на поддержку Сулоаги, или их все равно отнимет от нее Хуарес. Шесть недель спустя после прихода Сулоаги к власти Форсайт победоносно сообщал в Вашингтон: «Я добился того, что мои аргументы оказали должное воздействие

на друзей и советников клира и в настоящее время настроение правящих кругов полностью соответствует моим надеждам».

Архиепископ Мехико и другие церковные иерархи да и сам Сулоага выразили согласие продать Соединенным Штатам требуемые территории. Но до оформления сделки и на этот раз не дошло. Обнадеженные разгромом армии Парроди при Саламанке, реакционеры стали тянуть с окончательным ответом Форсайту, надеясь набить себе таким образом цену.

Затяжка вызвала негодование Форсайта. Узнав, что в столице либералы готовят восстание против Сулоаги, он решает оказать им поддержку, в надежде получить от либералов то, что ему не удалось урвать у Комонфорта и Сулоаги. Когда же заговор либералов был раскрыт и его план рухнул, Форсайт предложил правительству США использовать силу для достижения своих целей. «Вы хотите Сонору? — спрашивал Форсайт Бьюкенена. — Американская кровь, пролитая на ее границах, дает вам право захватить ее. Уполномочьте меня предъявить мексиканцам ультиматум: или они заплатят несколько миллионов, которые нам должны за грабежи и покушения на наших граждан, или… Хотите свободного прохода через перешеек Теуантепек? Заявите Мексике: природа дала вам в руки кратчайший путь между двумя океанами, столь необходимый для мировой торговли. Вы отказываетесь открыть его или разрешить другим сделать это в интересах человечества. Вы не имеете права выступать в роли собаки на сене… Дайте добром то, что мы просим взамен за благодеяния, которые вам предлагаем, или мы возьмем его силой».

Бьюкенен был бы рад последовать совету Форсайта, но новая война с Мексикой угрожала вызвать мощное сопротивление внутри самих США, где назревал конфликт между южными и северными штатами из-за отношения к рабству. Северяне считали, и не без основания, что дальнейшая экспансия США в Мексике укрепит рабовладельческий Юг, и угрожали чуть ли не восстанием Бьюкенену, если он предпримет новый поход против южного соседа.

Бьюкенен продолжал лелеять надежду, что за доллары ему удастся в конце концов добиться своего. Он стал добиваться желаемой сделки с Хуаресом, считая его правительство значительно слабее режима Сулоаги и поэтому более податливым. Ведь Сулоагу признали иностранные державы, в то время как Хуарес не только был лишен такого признания, но находился в Веракрусе под угрозой пушек военных кораблей Англии и Франции, требовавших от него уплаты по долговым обязательствам Мексики. Бьюкенен, не порывая с Сулоагой, стал

через разных агентов сулить Хуаресу дипломатическое признание взамен на уступку Соединенным Штатам Нижней Калифорнии. Между тем Сулоага, опасаясь установления над Мексикой американского протектората, обратился к Франции с просьбой прислать ему на подмогу 10-тысячный корпус французских «добровольцев». Хотя эта просьба не встретила тогда поддержки в Париже, в Вашингтоне она вызвала немалое беспокойство. Поэтому когда в столицу США прибыл дипломатический агент Хуареса — Хосе-Мария Мата, американское правительство приняло его весьма благосклонно.

Мата, товарищ Хуареса по изгнанию в Новом Орлеане, гле он подписал в свое время протест против грязной сделки Гадсдена, был стойким патриотом, не питавшим каких-либо иллюзий относительно агрессивных намерений Соединенных Штатов. После первых контактов с представителями американских властей Мата сообщил Хуаресу из Вашингтона: «Здесь доминирует стремление заполучить путем покупки еще одну часть нашей территории. Именно это толкнуло Форсайта на признание режима Сулоаги. Учитывая указанную тенденцию, которая граничит с подлинной манией, считаю необходимым в наших переговорах с американцами заявить со всей решительностью, что, хотя мы готовы пойти на определенные уступки, благоприятствующие развитию и безопасности интересов США, мы никогда и ни в коем случае не уступим им и пяди нашей земли».

Хуарес и его правительство полностью разделяли позицию Маты. Чтобы сделать Хуареса более сговорчивым и уступчивым, Бьюкенен перешел к шантажу и угрозам. Он установил связь с Мирамоном, сменившим к тому времени Сулоагу, и потребовал от американского конгресса полномочий послать войска в Мексику для установления в ее провинциях Соноре и Чиуауа, граничащих с США, постоянных гарнизонов, или, как мы теперь сказали бы, военных баз, под предлогом необходимости пацифицировать Мексику и оградить ее таким образом от возможной европейской интервенции.

Хуарес не поддался на такого рода провокации. Он, его министр иностранных дел Окампо и представитель в Вашингтоне Мата продолжали в переговорах с американской стороной твердо отстаивать принцип территориальной целостности Мексики.

В начале 1859 года Бьюкенен направил в Веракрус своего агента Герчуэлла с поручением ознакомиться с положением дел конституционалистов и представить свои предложения на предмет дальнейшей экспансии Соединенных Штатов в Мексике.

22 февраля в письме президенту Бьюкенену Герчуэлл

сообщал, что Хуарес хитрый, недоверчивый и неподкупный индеец, но что в его окружении имеются влиятельные люди, опираясь на которых Соединенные Штаты могут со временем установить над Мексикой «эффективный, хотя и не прямой протекторат». В случае если конституционная партия, указывал Герчуэлл, одержит победу над Мирамоном, Соединенные Штаты смогут «регулировать ее политику путем осторожных и мудрых советов».

Возбужденный столь радужными перспективами, Бьюкенен в апреле признал правительство Хуареса и направил адвоката Роберта Миллигана МакЛейна, ярого сторонника американской экспансии и тесно связанного с компанией Луизиана — Теуантепек, в Веракрус с поручением во что бы то ни стало добиться покупки Нижней Калифорнии. Но все усилия МакЛейна в этом направлении ни к чему не привели. Хуарес, как писал впоследствии МакЛейн в своих воспоминаниях, категорически отказался уступить хоть пядь мексиканской земли. МакЛейн вынужден был довольствоваться значительно меньшим результатом. 14 декабря 1859 года он подписал с Окампо договор, согласно которому США, признавая целостность мексиканской республики, получали право беспошлинного транзита через Теуантепекский перешеек и северо-западные районы Мексики. Договор предусматривал ввод американских войск на территорию Мексики для обеспечения транзита, но с согласия мексиканского правительства.

«Мне стоило огромного труда, — сообщал МакЛейн Бьюкенену, — убедить конституционное правительство согласиться на пункт, согласно которому оно брало на себя обязательство в случае невозможности выполнять свои функции просить помощи Соединенных Штатов. Только когда я заявил, что в любом случае Соединенные Штаты будут действовать, не спрашивая разрешения мексиканского правительства или любого другого, в защиту своих законных интересов и своих граждан, если их интересы будут находиться под угрозой, мне удалось добиться благоприятного для нас решения этого вопроса».

Согласно договору МакЛейн — Окампо США обязывались выплатить Мексике 4 миллиона долларов, из которых 2 миллиона должны были пойти на уплату претензий американских граждан к мексиканскому правительству.

Договор МакЛейн — Окампо был подписан в момент, когда правительство Хуареса переживало тяжелые дни.

Войска Мирамона наносили конституционалистам одно поражение за другим и в конце 1859 года вновь осадили Веракрус. В сентябре Мирамон заключил союз с Испанией,

признав за нею все долги и финансовые рекламации взамен за обещание направить из Кубы военные суда к Веракрусу и начать его блокаду. Франция, со своей стороны, угрожала высадить свои войска в Веракрусе. Одновременно Мирамон предлагал Вашингтону возобновить переговоры о продаже Нижней Калифорнии, Чиуауа и Соноры. К тому же, «воскрес» Комонфорт: он появился на мексиканской границе и предложил себя в качестве умиротворителя Мексики, призывая Хуареса и Мирамона передать ему власть. За его спиной стояли англичане. Ходили слухи о возвращении в страну старого авантюриста и предателя Санта-Анны.

Все это крайне осложняло положение правительства Хуареса. Оно казалось безнадежным даже многим вожакам конституционалистов. Больше других заколебался Дегольядо. На свой страх и риск он выступил с предложением уступить свой пост главнокомандующего Мирамону при условии, что тот признает конституцию 1857 года. Мирамон, еще рассчитывавший победить конституционалистов, отверг предложение Дегольядо, а Хуарес, со своей стороны, тоже дезавуировал его.

Тогда Дегольядо предложил другой план умиротворения: установить с неприятелем перемирие и созвать конгресс для избрания нового президента, причем как Мирамон, так и Хуарес не должны были бы выставлять своих кандидатур на этот пост. Хуарес осудил и этот план. В письме к Дегольядо он пояснил, что озабочен не своей личной судьбой, а тем, что он, Хуарес, представляет республиканскую законность и что отказ его от поста президента означал бы уступку реакционным мятежникам, усугубил бы состояние анархии в стране и открыл бы путь для иностранной интервенции. Письмо Хуареса к Дегольядо заканчивалось словами: «Я надеюсь, что Вы пришлете мне свою отставку. Желаю Вам пребывать в добром здравии и остаюсь Вашим другом, который целует Вашу руку». Старая испанская формула вежливости, которая применялась даже к худшему врагу и которую Хуарес всегда соблюдал.

Дегольядо подал в отставку. Его дело было передано военному трибуналу. Однако правительство, учтя его прежние заслуги и раскаяние, сочло возможным суд над ним отложить до победы над врагом и разрешить ему продолжать службу в армии. Главнокомандующим был Назначен генерал Гонсалес Ортега, хотя Хуаресу было известно, что и он поддерживал компромиссные планы Дегольядо. Хуарес был вынужден лавировать, действовать осторожно — ведь в Веракрусе он был отрезан от конституционалистской армии. Любой его опрометчивый шаг, резкий жест, острое слово в адрес того или

другого командира могли толкнуть виновного в лагерь неприятеля.

С различными планами пацификации выступали также Англия, Франция, Испания. Их смысл заключался в том, чтобы лишить Хуареса власти. Но дон Бенито был тверд как скала. Он продолжал настаивать и убеждать своих сторонников: законный конституционный порядок должен быть восстановлен, а этого можно достигнуть только путем военного разгрома лагеря реакции.

В этих сложных и тяжелых для конституционалистов *условиях* заключение договора МакЛейн — Окамло, несомненно, являлось разумным шагом со стороны Хуареса. Следует отметить, что осуществление договора зависело от ратификации его американским конгрессом и правительством Мексики. В конгрессе Бьюкенен не имел большинства. Хуарес знал это и надеялся, что конгресс договора не утвердит. Так оно и получилось. Правительство Хуареса, со своей стороны, тоже его не ратифицировало. Таким образом, договор оказался клочком бумаги. Правительству Бьюкенена он не принес какой-либо выгоды, а Мексику спас от угрожавшей ей новой вооруженной интервенции со стороны Соединенных Штатов. Более того, он обеспечил Хуаресу дипломатическое признание Вашингтона, что покончило с дипломатической изоляцией правительства конституционалистов.

1860 год знаменовался кровопролитными боями хуаристов с войсками Мирамона. Все попытки последнего взять Веракрус провалились. Солдаты Мирамона грабили гражданское население, убивали ни в чем не повинных людей, жгли селения, возбуждая в народе ненависть. Спастись от их насилий можно было только перейдя в лагерь конституционалистов, партизанские армии которых, несмотря на частые поражения, продолжали неуклонно расти.

В середине 1860 года в гражданской войне наметился перелом в пользу конституционалистов. Их войска освободили большинство штатов. В августе хуаристам, которыми командовал Гонсалес Ортега, удалось окружить основные силы Мирамона в районе Силао и нанести им поражение. В этом сражении Мирамон потерял 2 тысячи солдат только пленными. Гонсалес Ортега отпустил их на свободу, что вызвало волну дезертирства в армии противника, в победу которого теперь перестали верить даже его собственные сторонники. Вновь всплыл Сулоага, потребовавший от Мирамона вернуть ему власть. Мирамон арестовал его.

Бежав после поражения при Силао с остатками своей

разбитой армии в Мехико, Мирамон занялся мародерством. Он даже ограбил английское посольство, откуда изъял 700 тысяч песо. От швейцарского банкира Жеккера он получил заем в 750 тысяч песо, уполномочив его выпустить мексиканские государственные облигации на сумму в 14 миллионов песо. Некоторое время спустя Мирамон получил от того же Жеккера еще полмиллиона песо взамен на облигации в 38 миллионов песо. Эти облигации банкир Жеккер продал за полцены различным французским спекулянтам и родственникам императора Наполеона III.

Располагая деньгами, полученными от Жеккера, Мирамон смог несколько поправить свои дела и на время вновь воодушевить своих генералов. В одном из сражений ему даже посчастливилось взять в плен Дегольядо, которого он засадил в столичную тюрьму. Но ставка его уже была бита. Гонсалес Ортега наносил ему одно поражение за другим. 22 декабря Гонсалес Ортега разбил его 8-тысячную армию при Кальпулальпаме на подступах к столице. Но сам Мирамон ускользнул. Ему предоставил убежище в Халапе отпущенный им на свободу его бывший соратник и соперник Сулоага. Мирамон поделил с ним и с Маркесом оставшиеся у него 140 тысяч песо и пробрался на побережье, где его подобрал французский военный корабль «Меркур», доставивший павшего идола мексиканской реакции во Францию.

Вечером 23 декабря Хуарес и члены его правительства слушали в театре Веракруса оперу Беллини «Пуритане». Во время спектакля Хуаресу доложили о разгроме Мирамона при Кальпулальпаме. Хуарес приказал прервать спектакль, поднялся на сцену и сообщил радостную новость присутствующим, которые приветствовали ее восторженными возгласами. Музыканты, не знавшие нот мексиканского гимна, принятого шесть лет тому назад, заиграли «Марсельезу».

1 января 1861 года Гонсалес Ортега во главе 20-тысячной конституционалистской армии вошел в Мехико. Жители столицы радостно приветствовали своих освободителей. Население радовалось концу гражданской воины, длившейся долгих три года. Конституционалистов осыпали цветами, обнимали, целовали.

На одной из улиц победителей встретил освобожденный из заключения Дегольядо. Этот генерал-адвокат, проигравший столько сражений, разжалованный Хуаресом и плененный Мирамоном, рыдал от радости: ведь дело, которому он так искренне, хотя и неудачно, служил, наконец, восторжествовало.

Вскоре крупные военные операции закончились и в других

районах Мексики, где Порфирио Диас, генерал Хуан Альварес и другие командиры конституционалистов завершили разгром основных сил противника.

11 января 1861 года Хуарес в сопровождении своей семьи и министров вернулся из Веракруса в Мехико. В черной карете, одетый в свой обычный скромный черный костюм, Хуарес въехал в город без всякой помпы. Такого еще не знала история мексиканской республики, которой управляли, начиная с Итурбиде, генералы, прибывавшие в столицу в расшитых золотом мундирах и на белых конях. Население устроило Хуаресу восторженную демонстрацию, длившуюся восемь часов. Теперь в президентском дворце впервые поселился гражданский человек — адвокат и к тому же индеец.

Новый хозяин президентского дворца в тот же день, 11 января, созвал заседание кабинета министров. Время для отдыха еще не настало…

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Враг потерпел решительное поражение, но патриотам предстояло еще выиграть не менее трудные битвы. Демократическая Мексика пока что существовала только в проекте — в виде конституции 1857 года.

За нее и во имя ее народ сражался против сил реакции в течение трех лет, сложили головы 20 тысяч бойцов конституционалистской армии. Теперь следовало показать на деле, что собой представляет это благо: обеспечить демократические свободы, создать местные власти в штатах, избрать новый конгресс и нового президента, расширить сеть образования, превратить Мексику в передовую, прогрессивную страну с высоким уровнем жизни, с грамотным, просвещенным населением. Тогда, в начале 60-х годов прошлого века, такие надежды могли показаться химерическими. Такой благодатной страны еще не существовало на карте, да и в прошлом история ее не знала.

В Соединенных Штатах, где принципы демократии были провозглашены при создании этого государства, господствовали рабство, чистоган, нищета. Правда, почти одновременно с победой либералов в Мексике в США был избран президентом Авраам Линкольн, сторонник освобождения рабов. Но все указывало на то, что этого добиться можно будет только после кровопролитной войны с южными штатами.

Во Франции в то время правили аристократы, банкиры и крупные дельцы, идолом которых был авантюрист Наполеон III, мечтавший своими завоевательными походами затмить славу своего дядюшки Бонапарта. В Англии у власти стоял Пальмерстон, хитрый и двуличный политик, стремившийся любыми средствами расширить границы Британской империи. В центре Европы поднимала голову Пруссия, угрожая территориальными захватами своим соседям. На востоке, в Российской империи, безраздельно господствовало самодержавие…

Но если нельзя было построить такого идеального порядка в США и в старых и умудренных опытом государствах Европы, какие основания имелись для его создания в стране, где в течение 50 лет царили разруха и гражданская война, где подавляющая масса населения не знала грамоты и жила в нищете, где каждый генерал — будь он консерватором или либералом — считал себя «спасителем отечества»? А главное, на какие средства осуществлять эту грандиозную программу? Теперь, когда

правительство переехало в столицу, его со всех сторон осаждали просьбами выдать те или другие суммы. Главнокомандующий Гонсалес Ортега просил деньги на уплату солдатам и офицерам, министр просвещения Игнасио Рамирес требовал деньги для учителей; министр иностранных дел Франсиско Сарко сообщал, что дипломатические представители Мексики за границей голодают, а министр финансов поэт Гилермо Прието на все просьбы отвечал, что казна пуста, денег нет, само правительство живет в долг.

Куда девались баснословные богатства церкви, конфискованные на основе реформы? Увы, только незначительная их часть попала в правительственную казну, да и та уже давно разошлась, ее поглотили нужды войны. Остальное осело в карманах ловких предпринимателей, богатеев, торговцев. Этот новый класс мексиканской буржуазии был заинтересован в сохранении правительства Хуареса, благодаря которому он завладел церковным имуществом, но из этого еще не следовало, что он был готов содержать его. Правительство, должно было содержать самое себя. Так уж повелось в Мексике со времен Итурбиде.

Чтобы изменить этот порядок, следовало заставить все слои населения подчиняться законам республики, конституции 1857 года. Этого могло добиться только сильное правительство, опирающееся на послушную ему армию, полицию. Но могло ли оно рассчитывать на них, если не платило им жалованья? Получался какой-то заколдованный круг, выход из которого отчаивались найти даже лучшие умы либералов. Мельчор Окампо был одним из них. Как только правительство Хуареса вернулось в столицу, он подал в отставку и уехал в родной штат Мичоакан, где в своем поместье занялся разведением цветов и переводом сочинений Прудона.

Хуарес, конечно, мог бы последовать примеру Окампо, сложить с себя тяжелую ношу президентского поста и удалиться на родину, в Оахаку. Но его удел был уделом борца. Целью его жизни был прогресс Мексики, служение высшим интересам родины. Такие люди, как правило, никогда не теряют веры в будущее, всегда считают осуществимыми свои идеалы. Часто их постигают неудачи, и они гибнут, но гибнут на посту, в жестоких схватках с противником, а погибая, верят, что прожили свою жизнь не напрасно. Все крупные народные движения находят себе вождей, обладающих именно такими качествами: верой в дело, которое они защищают и олицетворяют, и страстным желанием служить этому делу всеми своими силами.

Нет, Хуарес не оставил президентского поста, хотя отдавал

себе отчет в сложности стоявшей перед его правительством задачи.

В первую очередь следовало создать центральный управленческий аппарат, политически надежный, преданный правительству. Хуарес издал декрет, увольнявший чиновников, сотрудничавших с реакционными хунтами. Одновременно он пытался объявить амнистию и возвратить гражданские права тем сторонникам реакции, которые сложат оружие и признают правопорядок, установленный конституцией 1857 года. Но если первое мероприятие встретило одобрение либеральной печати, то против амнистии высказались многие газеты и сподвижники Хуареса. Они требовали устроить побежденному противнику кровавую баню в назидание на будущее. Хуарес, однако, опасался, что подобные действия только продлят гражданскую войну. Ведь следовало учитывать, что враги, хотя и были изгнаны из столицы и других крупных центров и уже не располагали крупными военными соединениями, все еще не сложили оружия. Теперь они как бы поменялись с либералами местами, перейдя к методам партизанской борьбы. Банды вооруженных до зубов реакционеров под руководством уже известных читателю вожаков — Маркеса, Мехии и других, увешанные крестами и эскапуляриями, рыскали по дорогам, убивая правительственных чиновников, учителей и вообще всех заподозренных в симпатиях к либералам. Они находили приют и помощь у местных священников и помещиков. Для того чтобы справиться с ними, нужно было бросить на их подавление армию республики. Между тем Хуарес рассчитывал сократить численность армии, чтобы хоть как-нибудь облегчить финансовое положение правительства.

Из этих разувших планов ничего не получилось. Реакционеры не желали признать свое поражение и продолжали поддерживать банды мятежников. К тому же они усиленно искали за границей покровителей, что угрожало новыми международными осложнениями правительству Хуареса.

Между тем страна была призвана избрать президента и новый состав конгресса. На должность президента было выдвинуто три кандидата — Хуарес, генерал Гонсалес Ортега и Мигель Лердо де Техада. Все они выступали с позиций конституции 1857 года. Реакция не отважилась выдвинуть своего кандидата. Хуарес представлял традиционных левых либералов, творцов «реформистских» законов. Гонсалес Ортега олицетворял старую армейскую традицию, согласно которой президентское кресло должно было принадлежать победоносному генералу, каким он и являлся. Его поддерживали многие местные каудильо и военные деятели, считавшие, что раз они проливали кровь в течение

трехлетней гражданской войны, то именно они и должны управлять страной. Вокруг же Мигеля Лердо де Техады, возглавлявшего тогда верховный суд республики, объединились мелкобуржуазные радикальные элементы, упрекавшие Хуареса в медлительности, пассивности и нерешительности в борьбе с клерикальной реакцией.

Дон Мигель, интеллектуал, блестящий оратор и публицист, слыл за подлинного создателя законов реформы, у него было много последователей среди экзальтированной либеральной молодежи. На протяжении многих лет он сотрудничал с Хуаресом, неоднократно входил в его правительства. Некоторые исследователи считают, что у него были серьезные шансы одержать победу на выборах и стать президентом.

Судьба распорядилась иначе — 22 марта 1861 года во время выборов Мигель Лердо де Техада внезапно скончался. Хуарес получил большинство голосов и был избран президентом Мексики на четырехлетний период. Однако в конгрессе сторонники Хуареса получили перевес только в несколько голосов.

Управлять страной с конгрессом, почти половина депутатов которого состояла из противников Хуареса, трудно. Но другого выхода не было. Демократия, как ее понимал Хуарес и другие либералы, олицетворялась выборами и конгрессом, который воплощал народную волю. Они сражались за эту систему и готовы были подчиниться ее вердикту даже в том случае, если он грозил лишить их власти. Ведь альтернативой парламентской системы, основанной на конституции и соблюдении определенных законодательных и правовых норм, была диктатура, пронунсиаменто, произвол, хаос, грозившие гибелью Мексике.

В начале мая собрался конгресс. Хуарес выступил перед депутатами с отчетом о деятельности правительства в период трехлетней войны. Он доложил конгрессу о законах реформы, о подвигах народной армии в борьбе с реакцией, о финансовых трудностях республики. Он заявил о намерениях правительства всемерно развивать экономику страны, предпринять строительство железной дороги Веракрус — Мехико, сократить численный состав армии и модернизировать ее, создав генеральный штаб, военную медицинскую службу и офицерское училище. Программа правительства Хуареса не встретила возражений со стороны большинства депутатов. И все же многие из них весьма резко критиковали действия правительства в период трехлетней войны, упрекая Хуареса за многочисленные поражения конституционалистских войск, особенно же за заключение договора МакЛейн — Окампо. Последний упрек

носил явно демагогический характер, ибо, как известно, этот договор, не будучи ратифицирован ни той, ни другой стороной, потерял всякое значение. Критики договора нападали не столько на Хуареса, сколько на Окампо, требуя, чтобы он дал соответствующие объяснения конгрессу по поводу злополучного договора. Защитники Хуареса отмечали, что он во время войны категорически отказывался согласиться на привлечение иностранных волонтеров или войск для борьбы с противником, чего требовали многие военные и гражданские лидеры либералов.

Что касается Окампо, то он, хотя и избранный депутатом конгресса, в его работе не участвовал, продолжая пребывать в своем поместье в Мичоакане. «Сперва соберу урожай кукурузы, а потом явлюсь в конгресс», — писал он своим друзьям, призывавшим его не медлить с приездом в столицу.

Дебаты в конгрессе закончились непредвиденным образом. 30 мая, в полночь, банда вооруженных до зубов головорезов, принадлежавших к воинству мятежников Леонардо Маркеса и Сулоаги, все еще именовавшего себя президентом Мексики, напала на поместье Окампо и увезла его в неизвестном направлении. Только 2 июня об этом стало известно Хуаресу. Были арестованы мать Маркеса и жена Сулоаги. Правительство сообщило главарям мятежников, что готово их обменять на Окампо или выплатить за него любой выкуп. Правительство не остановилось даже перед тем, чтобы прибегнуть к услугам французского посла де Салиньи, явно симпатизировавшего мятежникам, который также обратился к ним с просьбой пощадить жизнь их пленнику. Либеральная печать, со своей стороны, требовала, чтобы правительство предупредило мятежников: в случае расправы с Окампо, оно ответит массовыми репрессиями против реакционеров.

Но ни один из этих актов не произвел никакого впечатления на Маркеса и Сулоагу, по приказу которых 9 июня бандит — испанец по национальности,' а по имени Линдоро Кахига расстрелял Окампо и повесил его труп на дереве. Это преступление вызвало волну негодования и возмущения по всей стране и в столице. Конгресс наделил правительство чрезвычайными полномочиями для ликвидации реакционных банд. Перед конгрессом выступил Сантос Дегольядо, дело которого все еще находилось на рассмотрении военного трибунала. Он попросил разрешить ему участвовать простым солдатом в преследовании головорезов Маркеса и Сулоаги. Депутаты встретили овацией Дегольядо, ему давно простили его заблуждения периода трехлетней войны, никто не сомневался в

его патриотизме. Конгресс дал согласие на его просьбу, и Дегольядо вместе с отрядом в 800 человек выступил на подавление мятежных банд, бесчинствовавших на подступах к столице.

Между тем 11 июня конгресс 61 голосом против 55 утвердил в должности президента Бенито Хуареса. Вице-президентом согласно конституции был утвержден соперник Хуареса на выборах генерал Гонсалес Ортега, который был также назначен председателем верховного суда.

Хотя решение конгресса и означало победу Хуареса, он отказался следовать традиции и отметить свое избрание помпезными торжествами, подарками и наградами своим сторонникам. Населению столицы было не до фьесты. Все были взбудоражены подлым убийством Мельчора Окампо и с нетерпением ждали известий о разгроме банд Маркеса и Сулоаги. Но вместо этого пять дней спустя после провозглашения Хуареса президентом страну потрясло сообщение о новой трагедии: отряд, посланный против мятежников, попал в засаду, был разгромлен, а бывший главнокомандующий армии неудачливый Сантос Дегольядо убит.

В столице это известие вызвало новые демонстрации протеста. Борьба против мятежников требовала денег — солдат и ополченцев следовало кормить, вооружить. А средств у правительства не было. Хуарес снизил себе и министрам жалованье, сократил количество министров, чиновников, ликвидировал в целях экономии все зарубежные представительства Мексики, за исключением Вашингтона и Парижа. Но как бы ни затягивало пояс правительство, расходы росли, поступления в казну катастрофически уменьшались, таможни оставались, как и раньше, под контролем представителей Англии, Франции и Испании. Эти державы забирали три четверти их доходов в счет погашения внешних долгов Мексики.

Положение правительства было столь бедственным, что Хуарес вынужден был чуть ли не ежедневно обращаться к ростовщикам, чтобы получить несколько тысяч песо для покрытия самых срочных расходов.

После гибели Сантоса Дегольядо правительству удались с огромным усилием снарядить и вооружить новый отряд для борьбы с мятежниками. Командиром отряда был назначен самый популярный генерал конституционалистов — молодой, смелый, обаятельный и удачливый Леандро Валье. Его опеке поручил свою семью, бежав из столицы, Мирамон, с которым Валье дружил в юности.

Пять дней спустя после гибели Дегольядо Леандро Валье во главе своего отряда покинул столицу. Двадцать четыре часа спустя Маркес окружил его и после кровопролитного сражения разбил наголову. Леандро Валье был взят в плен, расстрелян и, как Окампо, повешен. Правительственные войска не смогли даже отбить его труп. Чтобы получить его, они были вынуждены уплатить бандитам 500 песо! Изуродованные останки Леандро Валье доставили в столицу и торжественно захоронили под страстные речи либеральных ораторов, требовавших мести и крови шакалов, как теперь именовали главарей мятежников — Маркеса и Сулоагу.

Эти три совершенные в течение одного месяца преступления сплотили либеральную партию вокруг Хуареса как никогда. Прежние раздоры и различия во взглядах отошли на задний план. Стойкая позиция президента, отказавшегося вопреки традиции прибегнуть в ответ на террор реакционеров к массовым репрессиям, считая, что политика «око за око, зуб за зуб» только углубит раскол нации на два непримиримых лагеря, способствовала политической изоляции мятежников, число которых не превышало 3 тысяч. Правительственным войскам при содействии местного населения хотя и не посчастливилось захватить Маркеса и его приятеля Сулоагу, удалось в течение последующих недель сильно их потрепать в нескольких сражениях и отбросить за несколько сот километров от столицы. И все же положение правительства продолжало оставаться трудным.

Власть его не столько признавали, сколько терпели провинциальные касики. В середине июля из Соединенных Штатов прибыл в штат Новый Леон генерал Игнасио Комонфорт. Хуарес приказал арестовать его и доставить в столицу для следствия и суда по обвинению в покушении на конституцию 1857 года, которую он, будучи президентом, отменил, положив начало трехлетней гражданской войне. Однако губернатор штата Сантьяго Видаурри взял под свое покровительство Комонфорта и отказался выполнить приказ президента. Хуарес, не располагая средствами, с помощью которых он мог бы заставить Видаурри подчиниться, был вынужден не настаивать на своем приказе, и Комонфорт продолжал спокойно жить в Новом Леоне.

Но основные трудности носили даже не политический, а финансовый характер. Государственная казна по-прежнему продолжала пустовать. Разумеется, можно было попытаться пополнить ее путем увеличения налогов. Но сборщики налогов не получали жалованья и поэтому отказывались собирать их. Да и конгресс вряд ли одобрил бы столь не популярный закон. Можно

было бы, конечно, конфисковать собственность реакционеров, как того требовали некоторые радикалы, но это создало бы опасный прецедент: возвратись реакционеры к власти, они отплатили бы той же монетой либералам, что внесло бы еще больший хаос в экономику страны. Обратиться к новым внешним займам? Нет, только не это. Займы, как свидетельствовал мексиканский опыт, только еще крепче затягивали петлю на горле страны. Предоставлялись они на кабальных условиях, только проценты по ним поглощали четверть всех доходов республики.

Естественно, возникла мысль: а не объявить ли временный мораторий на уплату этих процентов? Тогда правительство могло бы укрепить свои позиции, быстрее умиротворить страну, оздоровить экономику. Да и кредиторам Мексики будет выгоден такого рода мораторий, в конце концов они тоже выиграют от укрепления мексиканской экономики. Ведь они представляют Англию, Францию, Испанию — державы, в торговле с которыми Мексика была заинтересована.

Разумеется, существовала опасность, что правительства этих держав, отстаивая свой авторитет, могли прибегнуть к репрессиям против Мексики. Но находятся эти державы по ту сторону Атлантического океана и вряд ли смогут нанести серьезный ущерб стране. С севера тоже не ожидалось осложнений: в Соединенных Штатах началась кровопролитная гражданская война. Президент Линкольн заявил мексиканскому послу Ромеро, что его правительство желает поддерживать дружеские отношения с Хуаресом, политику которого приветствует и одобряет. Заверяли в своей дружбе и правители рабовладельческого Юга, опасаясь, как бы Мексика не встала на сторону северян.

Впрочем, другого выхода не было. 17 июля 1861 года правительство Хуареса внесло на рассмотрение конгресса закон, приостанавливающий на два года выплату процентов по иностранным займам. В тот же день закон был одобрен 112 голосами против 4. Сообщая об этом в письме Хуану-Антонио де ла Фуэнте, послу Мексики в Европе с резиденцией в Париже, Хуарес писал: «Я твердо уверен, что передышка, которую мы получим благодаря принятому закону, будет способствовать полному умиротворению страны, возрождению наших доходов и кредита, что быстро спасет нас от анархии и полного распада нашего общества. С этим убеждением мы приняли упомянутый закон, и мы полны решимости осуществить его, готовы стойко встретить могущие последовать опасности и угрозы, которые в любом случае менее катастрофичны, чем неизбежная гибель, угрожавшая нам».

Хуарес просил Хуана-Антонио де ла Фуэнте попытаться разъяснить правительствам Франции и Англии позицию Мексики и добиться от них согласия на провозглашенный конгрессом мораторий. Это письмо было написано на следующий день после того, как посол Франции де Салиньи порвал, а посол Англии Уайк временно прекратил дипломатические отношения с Мексикой в знак протеста против закона о моратории.

Реакционные правительства европейских держав не жаловали и до этого своими симпатиями Хуареса.

Вернувшись в Мехико, правительство Хуареса было вынуждено выслать из страны архиепископа Гарсиа-и-Бальестероса и объявить «персона нон грата» — нежелательными лицами — дипломатических представителей Ватикана и Испании, яростно и открыто поддерживавших клику Мирамона и призывавших к расправе с конституционалистами. Франция и Англия только накануне разгрома Мирамона признали правительство Хуареса и назначили при нем новых дипломатических представителей: первая — графа Пьера Элизодора Альфонса Дюбуа де Салиньи, вторая — сэра Чарлза Леннокса Уайка.

Де Салиньи в течение десяти лет до своего назначения в Мексику занимал мелкую должность в министерстве иностранных дел Франции, на которой ничем особенным себя не проявил. Получил он назначение в Мексику по рекомендации своего предшественника Габриака, с которым его связывали дружеские отношения. Крайний реакционер, вспыльчивый и неуравновешенный, честолюбец и прожектер, де Салиньи мечтал о блестящей дипломатической карьере. Он поставил перед собой задачу обогатить Наполеона III, его родственников и самого себя за счет Мексики, заставив ее признать долг Жеккеру. Швейцарский банкир обещал 30 процентов сводному брату Наполеона III герцогу де Морни, председателю законодательного корпуса, если тот обеспечит ему возврат этих капиталов. Морни, действовавший с согласия Луи Бонапарта, охотно пошел на сделку. Его доверенный лицом стал де Салиньи. Чтобы Франция получила возможность официально выступить в роли опекуна Жеккера, ему было предоставлено французское подданство.

Приступив к своим обязанностям посланника, де Салиньи угрожал: «Если мексиканцы откажутся повиноваться, я начну бить стекла!»

Мексиканцы отказались повиноваться, и де Салиньи стал вести себя весьма вызывающе и буйно, угрожая, с одной стороны, правительству Хуареса всякого рода санкциями и дипломатическим разрывом, а с другой — призывая французское

правительство применить силу — послать к берегам Мексики военный флот, обстрелять и занять ее порты, прибегнуть к другим «варварским действиям, которые должны были бы образумить» неотесанного индейца Хуареса.

У де Салиньи возник конфликт с правительством Хуареса в связи с изъятием властями ценностей, спрятанных в столичном монастыре «сестер милосердия». Де Салиньи направил резкую ноту протеста правительству Хуареса, в которой заявил, что считает обыск монастыря «прямым и сознательным оскорблением правительства императора, под покровительством которого находятся во всем мире сестры милосердия». Де Салиньи угрожал разрывом дипломатических отношений с Мексикой, если изъятые ценности не будут возвращены упомянутым «сестрам». Его угрозы не нашли тогда поддержки в Париже, и он был вынужден несколько сбавить тон в своих отношениях с правительством Хуареса.

Де Салиньи нашел в лице британского посланника Уайка единомышленника и союзника. Назначенный в Мексику еще в 1860 году, Уайк не спешил занять свой пост, пребывая около года на водах во Франции, где он лечил застарелую подагру. В Мехико он появляется только в мае 1861 года. Он быстро находит общий язык с де Салиньи, у которого черпает информацию о положении в стране. Три недели спустя после своего приезда в Мексику Уайк докладывал в Лондон: «Патриотизм в общепринятом понятии этого слова здесь не известен; ни одна из местных партий не располагает выдающимися людьми. Группировки враждуют, преследуя наживу или месть, в то время как страна падает все ниже, а ее жители становятся все более примитивными и подлыми. Таково положение в настоящее время в Мексике, и добиться справедливости или удовлетворения (имеются в виду интересы иностранных кредиторов. — *И. Л.*) от подобного народа путем убеждения и угроз имеется мало шансов, он разумеет только один язык — силу».

Такую же точку зрения высказывал британскому правительству капитан Олдхем, командовавший британским морским отрядом в Карибском море, суда которого вот уже около трех лет как маячили на виду у Веракруса. Олдхем настаивал на оккупации английскими войсками тихоокеанских и атлантических портов Мексики и захвате действовавших там таможенных постов.

Призывы французских и английских дипломатов к применению силы находили положительный отклик в правительственных кругах Парижа и Лондона, девизом которых являлись «политика канонерок», обстрел, вторжение, оккупация и

захват территорий, население которых «оскорбляло» флаг Великобритании или Франции или просто имело смелость не давать себя грабить пиратам и разбойникам, представлявшим эти державы.

Вот почему де Салиньи и Уайк сочли себя вправе, не дожидаясь инструкций своих правительств, порвать дипломатические отношения с правительством Хуареса после того, как был принят конгрессом закон о прекращении сроком на два года выплаты по внешним займам. Они были уверены, что их правительства на этот раз не только одобрят их действия, но используют спровоцированный ими конфликт для примерного наказания строптивой Мексики, чтобы нищим странам впредь было неповадно нарушать свои «священные» обязательства но отношению к финансовым магнатам великих держав — этим грозным и мстительным богам буржуазного мира.

Де Салиньи и Уайк в своих расчетах не ошиблись.

«ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»

Сведения о событиях в Мексике приходили в Европу с шестинедельным опозданием. Дипломатические депеши посылались из столицы курьерами в Веракрус, а оттуда быстроходные корабли везли их через океан в Англию, Францию. Пока сообщения де Салиньи и Уайка о намерении правительства Хуареса объявить долговой мораторий и их решении порвать с ним дипломатические отношения прибудут в Париж и Лондон, мы познакомим читателя с деятельностью в Европе некоторых мексиканских персонажей, имеющей непосредственное отношение к последующим событиям, круто изменившим судьбу Мексики.

Речь пойдет о противниках либерального лагеря, которые издавна околачивались при королевских дворах, предлагая мексиканский трон, а вместе с ним и несметные мексиканские сокровища европейским принцам, нежелающим «спасти» их родину от жестокого и безбожного тирана индейца Хуареса.

Кроме бежавших или высланных из Мексики церковников, среди которых особенно отличались своей ненавистью к Хуаресу архиепископ Гарсиа-и-Бальестерос, епископ Пелагио Антонио Лабастида-и-Давалос и известный мятежник в сутане Миранда, бывший министр юстиции в правительстве Сулоаги, в этой группке национальных предателей, провоцировавших европейские державы на вмешательство в мексиканские дела, подвизались еще три деятеля — Хосе-Мария Гутьеррес де Эстрада, Хосе Мануэль-Идальго-и-Эснауррисар и генерал Хуан Непомусено Альмонте.

Гутьеррес де Эстрада появился впервые в Европе в начале 20-х годов в составе мексиканской делегации, которая по поручению Итурбиде пыталась пригласить на мексиканский трон одного из бурбонских принцев. Когда Испания отвергла кордобское соглашение, Гутьеррес де Эстрада предложил мексиканский трон австрийскому эрцгерцогу Карлу-Людовику. Тем временем Итурбиде сам уселся на этот трон и быстро слетел с него, чем надолго отбил охоту у европейских принцев к мексиканской короне.

Но если миссия Гутьерреса де Эстрады в политическом плане потерпела фиаско, то в личном плане она увенчалась полным успехом. Не сумев всучить мексиканский трон австрийскому эрцгерцогу, он сумел продать свое сердце богатой австрийской графине, женившись на которой обеспечил себе безбедное существование до конца дней своих, а осталось ему жить еще

доброе полстолетие.

После женитьбы Гутьеррес де Эстрада поселился в Риме, где писал трактаты, манифесты и обращения к европейским монархам, призывая их «спасти» Мексику от внутренней анархии и от поглощения Соединенными Штатами. Эта его маниакальная деятельность время от времени получала официальную поддержку того или другого мексиканского диктатора. В 1854 году находившийся у власти Санта-Анна поручил ему подобрать кандидата на мексиканский трон. Хотя подобного рода проекты лопались точно мыльные пузыри, Гутьеррес де Эстрада оставался невозмутимым: он был фанатиком «великой идеи». Ей он служил верой и правдой независимо от того, имела ли она успех или терпела поражение.

Более практичным в своих действиях и намерениях был другой рыцарь монархической идеи — однофамилец отца нации Хосе Мануэль, или, как его все называли, Пене Идальго, сын бывшего офицера по службе Итурбиде, сторонник Санта-Анны, во время правительства которого он служил секретарем мексиканской дипломатической миссии в Мадриде. Уволенный с этой должности либералами, Идальго провозгласил себя монархистом, перешел на службу к Гутьерресу де Эстраде. Борец за «великую идею» весьма щедро оплачивал его услуги.

В Мадриде Идальго посещал дом аристократов Монтихо, предки которых участвовали в завоевании Мексики. Он дружил с Евгенией де Монтихо, утверждавшей, что в ее жилах течет кровь индейских властелинов Мексики. Когда Евгения вышла замуж за Наполеона III и превратилась таким образом во французскую императрицу, Идальго перекочевал из Мадрида в Париж, где благодаря покровительству своей мадридской знакомой стал вхож не только в покои самых высоких чинов империи, но даже самого императора. Еще в конце 50-х годов Идальго представил императору Гутьерреса де Эстраду, который расписывал перед жаждавшим славы и денег племянником Наполеона I несметные богатства Мексики, уверяя его, что страна ацтеков ничего другого не жаждет, как превратиться в протекторат Франции. Император с интересом выслушал полубредовую речь старого фанатика, но обещаний никаких не давал.

Идальго ввел в окружение Наполеона III и генерала Хуана Непомусено Альмонте, сделавшего политическую карьеру на том основании, что он являлся незаконнорожденным сыном Морелоса, радикального вождя войны за независимость, от которого не унаследовал ни фамилии, ни патриотических идей. Он служил Санта-Анне, Комонфорту, Мирамону, Сулоаге. Был несколько раз военным министром, посланником в Вашингтоне,

Лондоне и Париже. Будучи представителем Сулоаги в Париже, он подписал с представителем Испании Моном соглашение, обязывающее Мексику возместить ущерб, якобы понесенный испанским подданным во время гражданских войн. Это соглашение не было признано правительством Хуареса, которое объявило Альмонте предателем и лишило его всех званий и постов. В отместку Альмонте примкнул к мексиканским монархистам, прожигавшим свою жизнь в парижских салонах и увеселительных заведениях, и быстро занял среди них ведущее положение: как-никак, а он был хоть незаконным, но все-таки сыном героя освободительной борьбы Морелоса да еще генералом и бывшим военным министром. Это уже была фигура, к словам которой прислушивался император.

Выдавал себя за монархиста и старый предатель Санта-Анна. В 1857 году он предложил испанскому правительству возглавить коалицию трех держав — Испании, Франции и Англии, которая учредила бы монархию в Мексике. Санта-Анна советовал Испании с этой целью направить экспедиционный корпус в 20 тысяч солдат в Мексику, а Англии и Франции финансировать эту авантюру. Теперь неугомонный предатель предлагал возглавить подобного рода интервенцию против своей родины Луи Бонапарту. Стал монархистом и Мирамон, проживавший в Париже после бегства из Мексики.

Почему эти битые генералы и псевдоаристократические креолы тянулись именно к Луи Бонапарту, а не к другим европейским монархам, почему они надеялись именно у него получить поддержку? Потому, что они видели в нем родственную себе душу. Этот сын богемы, царственный люмпен-пролетарий, как его называет Маркс, вполне мог польститься на мифические сокровища Монтесумы и дать себя втянуть в заокеанскую авантюру. Подобного рода агрессивные войны нужны были ему как воздух. «Он — носитель имени, знаменующего собой деспотизм и кровопролитие, — он, который этим отголоском минувшей славы прельстил воображение французских масс, — он слишком хорошо знал, что для сохранения его престижа совершенно необходимо боевое крещение и блеск военных успехов», — писали Маркс и Энгельс.

И действительно, этот имитатор своего знаменитого дяди, придя к власти при содействии и в интересах крупной французской буржуазии, воевал в Европе, Азии, на Ближнем Востоке. В Европе под предлогом помощи папскому престолу, покровителем которого он себя провозгласил, этот «маленький» Наполеон ввел войска в Италию и держал около 20 лет под своим каблуком Рим. Он воевал с Австрией и Россией. В Азии его войска

бесчинствовали в Китае, захватили и превратили в колонию Индокитай. На Ближнем Востоке он пытался приобщить к своей империи Сирию.

Но старой его мечтой было укрепиться в Центральной Америке. Еще находясь в эмиграции в Лондоне и ища легкого способа разбогатеть, Луи Бонапарт носился с идеей создания компании, которая финансировала бы прорытие межокеанского канала. Он опубликовал на эту тему брошюру, в которой расписывал огромные выгоды такого рода предприятия.

Эти планы приняли новые очертания, когда Луи Бонапарт из безработного эмигранта превратился в императора французов. Теперь он стал помышлять о присвоении всей Центральной Америки. Это позволило бы ему не только овладеть ее естественными богатствами, но и воспрепятствовать экспансии Соединенных Штатов на юг, что угрожало превратить их в могучую мировую державу — соперницу Франции.

Бредовая затея? Луи Бонапарту, игроку и прожектеру, она таковой не казалась. Под его влиянием находилась Испания. Из этого следовало, что он мог рассчитывать на поддержку испанцев и происпанских элементов в ее бывших владениях. В той же Мексике проживало несколько тысяч французов-торговцев, не говоря уже о поварах, парикмахерах, представителях других чисто «французских» профессий. Они могли стать опорой оккупационного режима.

Правда, наряду с этой накипью в Мексике проживали и другие французы — демократы и радикалы, ярые противники Луи Бонапарта, бежавшие сюда после поражения революции 1848 года. Их было немало, о чем свидетельствует тот факт, что в 50-х годах они издавали в Мехико два еженедельника на французском языке, в которых «маленький» Наполеон подвергался яростным нападкам.

Французский посланник в Мексике Габриак именно их влиянию приписывал все радикальные меры правительства Хуареса — «войну против духовенства и высших классов, закон против подозрительных, вкратце — все террористические мероприятия всех самых необузданных революций». Луи Бонапарт был уверен, что его бравые зуавы быстро расправятся с этими «поджигателями».

Кроме зуавов, Луи Бонапарт еще рассчитывал на поддержку церкви — ведь недаром французские войска охраняли папский трон в Риме. Наконец, его поддержали бы все «здравые», консервативные элементы страны, недовольные действиями «социалиста» и «демагога» Хуареса. А ведь куда с меньшими шансами на успех был завоеван Индокитай.

Буржуазная Франция разделяла честолюбивые прожекты своего императора. Французский книжный рынок был наводнен многочисленными трактатами о Мексике. В них расписывались, не без преувеличения, ее естественные богатства, в особенности залежи драгоценных металлов, а мексиканский народ представлялся в виде сброда, который нуждается в иностранном хозяине.

В таком же духе информировали Луи Бонапарта французские дипломаты в Мексике в 50-х годах. Посланник Левассёр сообщал в 1853 году со слов того же министра Санта-Анны Альмонте, что мексиканцы только и мечтают о том, чтобы император французов установил над их страной протекторат.

Габриак, предшественник де Салиньи, писал в Париж, что Мексика будет поглощена Соединенными Штатами, если Франция не помешает этому и сама не оккупирует ее. Представляя мексиканцев эгоистами и трусами, Габриак утверждал, что французские войска беспрепятственно завладеют страной, когда того пожелает император.

Луи Бонапарт был бы рад тогда последовать «зову своего сердца» и советам Габриака и его единомышленников, но он опасался реакции Соединенных Штатов и Англии. Теперь США были поглощены гражданской войной, что, несомненно, благоприятствовало осуществлению его планов. Что же касается Англии, то все зависело от позиции ее премьер-министра лорда Пальмерстона, этого строителя Британской империи и союзника Луи Бонапарта по колониальному грабежу. Пальмерстон в отличие от его французского партнера прикрывал свои разбойничьи действия лицемерными разглагольствованиями о демократии, международном праве, справедливости, за стража которых выдавал себя. Хитрый и коварный английский премьер-министр, по словам Маркса, умел сочетать демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, прикрывая политику спекулирующей на мире буржуазии кичливыми тирадами старой аристократической Англии; умел казаться нападающим, когда на самом деле потворствовал, и защитником, когда на самом деле предавал; он умел ублажить показного врага и доводить до отчаяния мнимого союзника; он умел в надлежащий момент спора оказаться на стороне сильного против слабого и обладал искусством произносить смелые слова, обращаясь в бегство.

Депеши английского посланника Уайка толкали Пальмерстона на активное вмешательство во внутренние дела Мексики. Уайк еще за 20 дней до объявления моратория в телеграмме английскому министру иностранных дел Джону

Росселу требовал взять под британский контроль все морские порты Мексики, чтобы таким образом заставить Мексику выполнить ее «обязательства» по отношению к иностранным кредиторам. С еще большей настойчивостью Уайк стал требовать применения силы к Мексике после объявления моратория по иностранным долгам. Следует, однако, отдать должное британскому посланнику в Мексике: предлагая применить к правительству Хуареса силу, он вовсе не замышлял свергнуть его или заменить монархическим или консервативным. Он только стремился заставить мексиканцев платить, а какие идеи исповедуют мексиканцы, Уайка меньше всего интересовало.

У Пальмерстона на этот счет были другие взгляды. Он тоже был не прочь использовать гражданскую войну в США, чтобы укрепиться в Мексике и таким образом преградить Вашингтону путь для дальнейшей экспансии в Южную Америку, где Англия после изгнания испанцев приобрела решающее экономическое влияние. Раздираемые гражданской войной, ни южане, ни северяне не были в состоянии применить к Англии доктрину Монро. Впрочем, южан Пальмерстону нечего было опасаться: он симпатизировал рабовладельцам, надеясь, что их победа затормозит промышленное развитие США. Пальмерстон вынашивал идею вторжения в Мексику с двоякой целью: свержения правительства Хуареса, которого он считал, и не без основания, союзником Линкольна, и создания там послушной Англии власти, что превратило бы Мексику в английский протекторат. Укрепившись в Мексике, Англия могла бы, с одной стороны, оказать существенную помощь южанам и тем самым решить в их пользу судьбу гражданской войны. Зажатые таким образом в тиски с севера — английской Канадой, а с юга подчиненной Англии Мексикой, рабовладельческие Соединенные Штаты сами неминуемо превратились бы в протекторат коварного Альбиона.

Предполагая пригласить в качестве компаньона по ограблению Мексики Францию, Пальмерстон оказывал огромную услугу Луи Бонапарту, который, в свою очередь, не мыслил завоевание Мексики без содействия, участия или на худой конец согласия Англии — владычицы морей. Пустись он без ее благословения в караибскую авантюру, Англия могла бы немало ему навредить как на морских путях, так и в Европе.

Оба будущих партнера но мексиканской интервенции — Луи Бонапарт и Пальмерстон — готовы были принять в свою компанию и третьего участника — Испанию, содержавшую крупный военный гарнизон на Кубе, который пригодился бы в качестве пушечного мяса в Мексике. Испания, со своей стороны,

стремилась вернуться на континент и лишний раз унизить неблагодарных креолов, изгнавших ее с таким позором в начале XIX века. И Луи Бонапарт и Пальмерстон были уверены, что в нужный момент они избавятся от Испании при помощи тех же креолов. Впрочем, они оба были уверены и в том, что им удастся перехитрить и друг друга в этой нечистой игре, ибо каждый из них считал себя непревзойденным пройдохой и обманщиком.

Только в конце августа в Париже и Лондоне были получены депеши об июльских событиях в Мексике. В этот момент Луи Бонапарт, его супруга Евгения и двор находились в Биаррице. Сюда же явился Идальго, который, узнав о мексиканских новостях, прорвался при содействии своей покровительницы императрицы к ее супругу и, призвав на помощь все свое красноречие, стал доказывать ему, что военная интервенция Франции, Испании и Англии в Мексику будет встречена с восторгом населением этой страны, мечтающим якобы избавиться от правительства Хуареса.

Луи Бонапарт весьма благосклонно отнесся к призыву Идальго послать войска в Мексику при условии, что Англия и Испания сделают то же самое.

Воодушевленный столь благосклонным приемом, Идальго стал убеждать своего собеседника в необходимости установить в Мексике монархию и «даровать» стране императора.

Луи Бонапарт не возражал. Он был бы, конечно, рад осчастливить древнюю землю ацтеков преданным, разумеется в первую очередь лично ему, венценосцем, как это некогда делал его августейший дядя Наполеон I, раздававший короны завоеванных стран своим братьям, зятьям и маршалам. Но… имелось маленькое «но»: империя племянника была жалкой копией империи его дяди. То, что мог позволить себе Наполеон I, не мог себе разрешить Наполеон III. Англия, с которой он был вынужден больше всего считаться, запретила бы ему «даровать» Мексике монарха-француза. На роль мексиканского императора следовало подыскать более нейтральную фигуру, представителя страны, не участвующей в интервенции.

Об этом Луи Бонапарту тоже без обиняков сказал Пене Идальго, решивший на этот раз взять быка за рога. Впрочем, Идальго не стоило больших усилий убедить своего собеседника действовать в указанном направлении. Через свою покровительницу Евгению мексиканец был осведомлен о подлинных намерениях Луи Бонапарта. Таким образом Идальго говорил только то, что хотел услышать от него Луи Бонапарт, который без особого труда дал себя «уговорить» красноречивому собеседнику.

Императорская чета и их наперсник стали перебирать «свободных» принцев из царствующих европейских домов в поисках достойного кандидата на мексиканский престол. Все трое быстро сошлись на том, что идеальным кандидатом явился бы эрцгерцог Максимилиан, брат австрийского императора Франца-Иосифа. Он был женат на дочери бельгийского короля Леопольда I, который, в свою очередь, приходился дядей английской королеве Виктории, что делало кандидатуру австрийского эрцгерцога приемлемой для Англии. Вот при каких обстоятельствах, по крайней мере если судить по воспоминаниям Пепе Идальго, приняла конкретную форму идея завоевания Мексики, которую вскоре придворные панегиристы окрестят «великой мыслью» царствования Наполеона III…

Вслед за этим начались лихорадочные консультации между Парижем, Лондоном и Мадридом на предмет сколачивания трехдержавной интервенции против Мексики. Параллельно с этим французское правительство при активном участии Идальго и его мексиканских единомышленников — монархистов обрабатывало Максимилиана с целью добиться от него согласия выдвинуть себя в качестве претендента на пока что не существующий мексиканский трон.

И те и другие переговоры быстро увенчались успехом. Заручившись согласием Луи Бонапарта на кандидатуру Максимилиана, Идальго поспешил телеграфно сообщить об этой победе патриарху мексиканских монархистов Гутьерресу де Эстраде, посоветовав ему немедленно отправиться в Австрию к эрцгерцогу и предложить ему мексиканскую корону. Гутьеррес де Эстрада, чтобы выиграть время, запросил согласия Максимилиана через австрийское посольство в Париже. Эрцгерцог, в свою очередь, запросил разрешения своего брата — императора Франца-Иосифа, который не возражал, в особенности когда узнал, что за этим предложением стоит сам Наполеон III.

Отношения между Австрией и Францией были натянуты из-за Италии, и Франц-Иосиф рассчитывал, «уступив» своего брата Луи Бонапарту для проектируемой мексиканской авантюры, задобрить опасного противника. Кроме того, он надеялся, что Луи Бонапарт, предприняв покорение далекой Мексики, будет вынужден занять более благожелательную позицию по отношению к Австрии. К тому же Франц-Иосиф недолюбливал своего брата, считая его фантазером и либералом, и был рад сплавить его за океан. Поэтому он посоветовал Максимилиану принять предложение Луи Бонапарта и Гутьерреса де Эстрады при условии, что его подтвердит мексиканский народ и поддержат, кроме Франции, также Англия и Испания. Эти

условия носили чисто формальный характер. Согласие мексиканского народа заранее гарантировали Гутьеррес де Эстрада, Идальго, Альмонте и им подобные его «авторитетные» представители в Европе. Что же касается поддержки Англии и Франции, то обеспечить таковую брался сам крестный отец будущего мексиканского императора Луи Бонапарт.

А как же отнесся к этому предложению Максимилиан? Он его принял восторженно. Во-первых, оно исходило от одного из самых могущественных монархов Европы — Луи Бонапарта, у которого Максимилиан гостил в 1856 году и к которому проникся уважением, как к человеку дела, хотя и считал его выскочкой. Во-вторых, принять это предложение благословлял его старший брат Франц-Иосиф, расценивавший согласие Максимилиана как патриотическую жертву в интересах Австрии. В-третьих, Максимилиана побуждала дать согласие его обожаемая супруга Шарлотта, которой исполнилось тогда 21 год, крайне самолюбивая особа, предпочитавшая титулу эрцгерцогини титул императрицы хотя бы Мексики, если невозможно было стать таковой в Австрии. Наконец, в-четвертых, самого Максимилиана, понятия не имевшего о подлинном положении дел в Мексике, прельщала и соблазняла перспектива стать императором этой, судя до господствовавшему тогда мнению, баснословно богатой и столь же баснословно плохо управляемой страны. Правда заключалась в том, что Максимилиан, живший не по средствам, находился по уши в долгах, он заложил даже свой фамильный замок Мирамар. Он надеялся, что, став императором Мексики, сможет не только расквитаться со своими кредиторами, но и сколотить себе солидное состояние.

Будучи по своему характеру и взглядам смесью Санчо Пансы и Дон-Кихота, 29-летний претендент на мексиканскую корону отличался жаждой деятельности и славы, которых он не мог утолить, пребывая на второразрядной роли эрцгерцога, всецело подчиненного своему своенравному, туповатому и мелочному старшему брату Францу-Иосифу. А ведь он, Максимилиан, имел все качества, так по крайней мере он сам считал, и Шарлотта убеждала его в этом, чтобы стать добрым, мудрым и примерным монархом, способным осчастливить любых подданных, в том числе туземцев Мексики, навести в их стране порядок, приобщить их к ценностям христианской цивилизации, знатоком и поклонником которой он себя по простоте душевной мнил. Исходя из всех этих соображений, Максимилиан ответил на предложение Луи Бонапарта и Гутьерреса де Эстрады согласием.

Во время переговоров с Англией о форме предстоящей интервенции в Мексику Луи Бонапарт сообщил Пальмерстону,

что считает необходимым навести порядок в Мексике и установить там «стабильное правительство», политика которого соответствовала бы торговым интересам Франции, Англии и Испании. Он дал понять, что под «стабильным правительством» подразумевает монархическую форму правления. У него нет своего кандидата на мексиканский трон, лгал Наполеон III Пальмерстону, но ему кажется, что наиболее подходящим был бы эрцгерцог Максимилиан, который на зондаж мексиканцев ответил положительно и готов принять мексиканскую корону, если получит поддержку трех держав и согласив мексиканского народа.

Игнорируя предложение Луи Бонапарта относительно кандидатуры эрцгерцога, Пальмерстон сманеврировал таким образом, что вынудил Луи Бонапарта, а также Испанию подписать конвенцию, в которой предусматривалась трехсторонняя интервенция против Мексики, но отнюдь не установление монархии и тем более во главе с Максимилианом. Не желая портить отношений с Англией, Луи Бонапарт решил пока не перечить Пальмерстону.

Карл Маркс поэтому был прав, когда на основе данных английской буржуазной печати заключил, что «совместная интервенция в ее настоящей форме есть английская, т. е. пальмерстоновская затея». Луи Бонапарт тоже, разумеется, отдавал себе в этом отчет, но он надеялся в процессе интервенции превратить пальмерстоновскую затею в бонапартистскую, причем не без помощи Идальго и ему подобных авантюристов, влияние которых в Мексике он явно переоценивал.

31 октября, после двухмесячных переговоров в Лондоне, была подписана конвенция трех держав, оформлявшая интервенцию в Мексику. От имени королевы Великобритании Виктории, королевы Испании Изабеллы II и императора французов Наполеона III ее подписали английский министр иностранных дел Джон Россел, французский посол в Лондоне граф Флио де ла Бильярдери и испанский посланник Инстурис-и-Монтеро.

Лондонская конвенция предусматривала посылку в Мексику военной экспедиции для захвата мексиканских портов. Официально конвенция определяла цели интервенции только как стремление заставить правительство Мексики выполнить финансовые обязательства по отношению к подданным трех держав и предоставить им «более эффективную защиту их личности и имущества». Англия, Франция и Испания обязывались согласно второй статье лондонской конвенции «не искать для себя никаких территориальных приобретений и никаких особых преимуществ, а также не оказывать на внутренние дела Мексики

никакого влияния, могущего нанести ущерб праву мексиканской нации выбрать и свободно конституировать форму своего правления».

Хотя конвенция носила тайный характер, эти красивые слова о незаинтересованности интервентов в территориальных приобретениях и якобы о их невмешательстве во внутренние дела Мексики должны были замаскировать их подлинные намерения на случай, если бы тайное стало явным.

С целью усыпить подозрения Соединенных Штатов и лишить их основания для применения доктрины Монро была составлена четвертая статья конвенции, призывавшая США присоединиться к ней.

Конвенция предусматривала создание союзнической комиссии из трех уполномоченных, на которых возлагалось политическое руководство интервенцией. В эту комиссию вошли уже знакомые читателю посланники Франции и Англии в Мексике — де Салиньи и Уайк и командующий испанским экспедиционным корпусом генерал Хуан Прим.

Сведения о заключении конвенции быстро просочились в печать. В английской и французской буржуазной печати началась инспирированная правящими кругами этих стран враждебная Мексике кампания. Газеты обвиняли правительство Хуареса в нарушении международных обязательств, грабежах, убийствах иностранных подданных, беззастенчиво приписывая ему преступления, совершенные сторонниками Мирамона, Сулоаги и других реакционных вожаков, и требуя посылки в Мексику войск, которые навели бы там «порядок», свергли бы Хуареса и создали бы «стабильное», «ответственное» правительство.

Одновременно с призывами расправиться с Хуаресом газеты печатали сведения о богатствах Мексики, ее естественных ресурсах, природных условиях, заверяя обывателя, что оккупация ее европейскими державами сулит ему сказочные прибыли и всевозможные блага.

Карл Маркс, являвшийся в то время корреспондентом венской «Ди прессе» и американской «Нью-Йорк дейли трибюн», внимательно следил за подготовкой интервенции против Мексики. Этому сюжету он посвятил две корреспонденции, написанные по горячим следам событий — 7 и 8 ноября, то есть неделю спустя после заключения Лондонской конвенции, и увидевшие свет соответственно 12 ноября в «Ди прессе» и 23 ноября 1861 года в «Нью-Йорк дейли трибюн». Основываясь на данных английской и французской печати, Маркс с присущими ему проницательностью и блеском разоблачил преступный и грабительский характер трехдержавной интервенции против

Мексики.

В первой из вышеупомянутых статей Маркс указывал, что заключение Лондонской конвенции знаменует собой образование нового Священного союза, который попытается применить к американским государствам тот же самый принцип, согласно которому Священный союз считал себя призванным вмешиваться во внутренние дела европейских стран. Первый план такого рода был разработан еще в начале 20-х годов XIX столетия французским министром иностранных дел Шатобрианом для испанских и французских Бурбонов, но они не решились его осуществить, опасаясь враждебной реакции со стороны Соединенных Штатов. Теперь же гражданская война в США создала удобную ситуацию, дающую возможность европейским монархиям создать прецедент интервенции, опираясь на который можно действовать и в дальнейшем. «В этом и заключается, — писал Карл Маркс, — подлинная цель англо-франко-испанской интервенции. Ее ближайшим результатом может быть и неизбежно будет только восстановление» Мексике уже начавшей было затухать анархии».

Во второй статье Маркс еще более резко и решительно осуждает планы трех европейских держав силой низвергнуть правительство Хуареса и оккупировать Мексику и вскрывает их внутреннюю подоплеку. «Замышляемая Англией, Францией и Испанией интервенция в Мексике, — читаем мы в этой статье основоположника научного коммунизма, — является, по моему мнению, одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории. Это — чисто пальмерстоновская затея, поражающая непосвященного безрассудством цели и непригодности применяемых средств, что кажется несовместимым с общеизвестной ловкостью старого интригана.

Вполне вероятно, что мексиканская экспедиция является одним из многочисленных предприятий, которые Луи Бонапарт вынужден постоянно держать наготове для развлечения французской публики. Бесспорно, что Испании, политика которой никогда не отличалась особой выдержкой, совсем вскружили голову ее недавние дешевые успехи в Марокко и Сан-Доминго[6] и она мечтает о восстановлении своего господства в Мексике. Но не подлежит сомнению, что французский план еще далеко не созрел».

Следует отметить, что такая же точка зрения на агрессивные действия трех держав по отношению к правительству Хуареса высказывалась и прогрессивной русской печатью того времени, уделявшей не малое внимание этим сюжетам. В сентябре 1861

года журнал «Русское слово» так комментировал планы интервенции против Мексики:

«Слава не дорого стоит испанцам, и потому думают они обратиться за новыми лаврами в Мексику, где представляется удобный случай поживиться, не подвергаясь большой опасности. Конституционная партия и президент ее Хуарес только что восторжествовали над своими врагами… Страна вздохнула свободно… Но государственную казну обчистили Мирамон и им подобные… Хуарес истратил свои собственные деньги, уплачивая английский негоциантам суммы, которые его предшественники похищали ночью, со взломом окон, дверей и сундуков. Чтобы получить деньги для уплаты долгов, надобно подождать, а ждать не хотят. Если Хуарес не найдет денег, которых у него нет, англичане пошлют свой флот, чтобы перебить возможно большее число мексиканцев, сжечь Веракрус и Тампико. Французы тоже пошлют свою эскадру, а вслед за ними испанцы. Но ведь где нет ничего, там сам черт теряет свои права, говорит народная пословица».

В ноябре того же года этот же журнал сообщал своим читателям: «Вмешательство трех силачей, англичанина, француза и испанца, в дело слабого мексиканца совершится немедленно. Для исполнения конвенции, подписанной 31 октября, английский и французский флоты уже пустились в путь… Испанская эскадра ожидает их на Кубе. По чисто дипломатическим соображениям, чтобы избежать на будущее всякого неблагоприятного стечения обстоятельств, три правительства эти требуют содействия четвертого союзника, хозяина Белого дома. И они еще хотят уверить мир в том, что, предпринимая эту экспедицию, они действуют вне всяких своекорыстных и узких видов… С саблями наголо, с заряженными ружьями в руках испанцы, французы и англичане отправляются взыскивать с бедняка ничтожную сумму, которую тот рад бы заплатить, да не может».

В январе 1862 года в «Современнике» появилась большая статья Н. Г. Чернышевского о мексиканской экспедиции, в которой великий революционный демократ страстно разоблачал и клеймил предстоящую агрессию Англии, Франции и Испании против Мексики. Отмечая, что Франции интервенция будет стоить в двадцать раз больше, чем мексиканские долги, из-за которых якобы она предпринимается, Н. Г. Чернышевский указывал, что «занимательнейшая сторона дела состоит в том, что войну для наказания мексиканцев за неисправность платежей Англия и Франция начали как раз в то самое время, когда в Мексике установилось правительство, способное и хотящее быть исправным перед кредиторами. А пока не было надежды на

появление такого правительства в Мексике, пока кредиторы действительно не могли иметь надежды на получение процентов, никто заступиться за них не хотел… Вот когда он (Мирамон) и подобные ему предводители шаек господствовали над Мексикой, они, конечно, не платили процентов по долгам. Но западные морские державы нимало не претендовали за то на Мирамона; напротив, они даже поддерживали его в борьбе со всеми честными гражданами».

С глубоким уважением писал Чернышевский о Бенито Хуаресе, который стремился обеспечить стране мир и правопорядок после трех лет гражданских междоусобиц. Он возмущался поведением европейских монархий, пытавшихся воспрепятствовать бывшей испанской колонии создать суверенное государство со стабильным политическим режимом: «Теперь, когда им показалось, что со временами прежних разбойничьих смут покончили в Мехике, что законное правительство установилось прочно, западные морские державы двинули войска против этого правительства, которое само прямо говорило о твердом своем намерении удовлетворить претензии кредиторов».

Русский революционный демократ гневно осуждал колониалистские устремления великих держав: «Эта мехиканская экспедиция не может быть понята иначе, как в смысле удивительнейшего примера макиавеллиевской политики: надобно мешать устройству дел у других народов, чтобы держать их в бессилии и зависимости от себя».

Чернышевский больше не смог вернуться к мексиканской теме. В этом же, 1862 году царское правительство, напуганное ростом революционных настроений в стране, закрыло журнал «Современник», арестовало Чернышевского, которого ожидали долгие годы тюрем и ссылки в Сибири.

С подписанием Лондонской конвенции Англия, Франция, Испания стали лихорадочно готовиться к интервенции. Теперь спасти Мексику от закабаления и порабощения новыми европейскими завоевателями мог только ее собственный народ. Сумеет ли этот народ, кровь которого лилась непрестанно, начиная с 1810 года, подняться на новые высоты мужества и патриотизма и одолеть нового коварного трехликого врага?

Законный президент Мексики дон Бенито Хуарес на этот вопрос отвечал утвердительно. Он верил, точнее было бы сказать — он знал, что в грядущей схватке его народ отстоит независимость своей родины. Знал же он это, ибо был уверен, что сам выстоит, что никто и ничто не сможет сломить его волю к борьбе, заставить его склониться перед иностранными

завоевателями…

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Могли ли предвидеть Хуарес и его соратники, что в ответ на объявленный в июле мораторий европейские державы ответят вторжением в Мексику? Мексиканцы считали, что эти державы, возможно, устроят военную демонстрацию у берегов Мексики, возможно, попытаются захватить ее порты или вновь подчинить своему контролю таможни. В таком случае всегда можно будет с ними договориться. Но ни Хуарес, ни другие мексиканские лидеры не ожидали, что европейские державы вторгнутся в их страну с тем, чтобы не только свергнуть правительство, но заменить республиканский строй монархическим, да к тому же еще с европейским ставленником во главе. Не ожидали же этого они, ибо считали; что главная цель великих держав — нажива, а какую наживу могли сулить им подобного рода нелепые и безрассудные планы? Ведь на их осуществление державы должны будут затратить огромные средства, во много раз превышающие то, что им должна Мексика. Их вторжение вызовет ожесточенное сопротивление мексиканцев, в стране воцарится хаос, прекратится торговля, а раз так, то какая от этого будет выгода державам? К тому же мексиканцы не потерпят ни своего, ни тем более чужого монарха. Разве война за независимость и судьба Итурбиде не свидетельствовали об этом? Какую же пользу может принести державам осуществление таких явно нереальных планов? Нет, если их интересует выгода, чистоган, то они Должны способствовать экономической стабилизации Мексики, установлению в ней просвещенного демократического режима, что создаст атмосферу доверия, без которой не может развиваться ни внутренняя, ни внешняя торговля — этот кумир европейских негоциантов. Правительство же Хуареса доказало, что только оно может способствовать нормализации положения в Мексике. Поэтому было естественно ожидать, что европейские державы с пониманием отнесутся к его действиям.

После июля внутренние события в Мексике продолжали развиваться своим обычным курсом. Укрепив благодаря, мораторию свое финансовое положение, правительство Хуареса предприняло успешные наступательные действия против реакционных повстанческих банд, которые понесли тяжелые потери в ряде сражений с правительственными войсками. Численность этих банд в сентябре уменьшилась согласно сообщению Хуареса парламенту с 10–12 тысяч до 2–3 тысяч. Однако эти успехи, вместо того чтобы сплотить силы либералов, способствовали обострению внутрипартийной борьбы. В

парламенте образовалась мощная оппозиция против президента, требовавшая его отставки. В нее входили далеко не однородные элементы: сторонники генерала Гонсалеса Ортеги, который, несмотря на поражение на выборах, все еще претендовал на президентское кресло; умеренные либералы, для которых Хуарес был слишком левым, крайние радикалы, считавшие Хуареса слишком умеренным.

В начале сентября 51 депутат парламента подписал обращение к Хуаресу с требованием уйти в отставку. На следующий день другие 54 депутата солидаризировались с Хуаресом. В парламенте и в печати начались бурные выступления «за» и «против» президента. Слабой стороной оппозиция являлось то, что она была лишена позитивной программы. С отставкой Хуареса к власти пришел бы генерал Гонсалес Ортега, мужественный воин, но не больше. Тогда как Хуарес при всех его недостатках — умеренности, медлительности, приверженности к букве закона — являлся отцом всех законов реформы, символом буржуазной революции. Сам факт, что он был первым гражданским президентом Мексики, к тому же индейцем, многие считали своего рода гарантией того, что дальнейшее развитие Мексики пойдет демократическим путем. Обо всем этом говорили сторонники президента в парламенте и на страницах печати.

А сам президент? Он хранил молчание. Эти дебаты для него были закономерным проявлением демократического порядка, на страже которого он — президент республики — стоял. Он был уверен, что страна и парламент его поддержат, да так оно и оказалось на самом деле. В парламенте большинство депутатов проголосовали за вотум доверия Хуаресу.

Теперь, располагая доверием парламента, Хуарес пытается найти приемлемое решение для урегулирования спора с Францией и Англией. Попытки установить контакт с французским посланником ни к чему не привели. Де Салиньи в ультимативной форме требовал отмены декрета от 17 июля и возобновления выплаты по долгам. На меньшее он не был согласен, надеясь, что Париж и Лондон на этот раз заставят Хуареса подчиниться.

Более покладистым оказался английский посланник Уайк. Правда, и он вел себя чрезвычайно нагло, но по крайней мере от переговоров с Самаконой, министром иностранных дел правительства Хуареса, не отказывался. В марте 1862 года в Лондоне была опубликована «Синяя книга о Мексике», включавшая обмен нотами Уайка с Самаконой. Ознакомившись с ее содержанием, Карл Маркс с возмущением писал Энгельсу: «По сравнению с *сэром* Ч. Ленноксом Уайком (здесь и дальше подчеркнуто К. Марксом — *И. Л.*). Меньшиков кажется истинным

джентльменом. Эта каналья не только проявляет самое необузданное рвение в выполнении тайных инструкций Пама (т. е. Пальмерстона. — *И. Л.*), но стремится грубостью отомстить также за то, что мексиканский министр иностранных дел (ныне в отставке) сеньор Самакона, бывший журналист, неизменно доказывает свое превосходство в дипломатической переписке. Что касается стиля этого молодца, то ниже привожу несколько образцов из его депеш к Самаконе:

«Произвольный акт, приостановивший на два года всякие платежи и лишающий заинтересованные стороны их денег *на этот период времени, что означает для них абсолютную потерю столь значительных ценностей».*

«Умирающий от голода может в своих глазах оправдать кражу хлеба тем, что его принудила к этому повелительная необходимость; но аргумент этот не может оправдать, с моральной точки зрения, нарушение им закона, которое имеет то же значение, *отвлекаясь от всякого сентиментализма,* как если бы преступление не имело извиняющего обстоятельства. *Если он действительно умирал от голода,* то он прежде всего должен был попросить пекаря утолить его голод, но *поступать так* (умирать от голода?) *по собственному усмотрению,* без разрешения, *это значит* поступить так, как поступило в *данном случае* мексиканское правительство *по отношению к своим кредиторам».*

«Что касается той *точки зрения,* исходя из которой Вы рассматриваете вопрос, как это *выражено* в Вашей вышеупомянутой ноте, то уж извините меня, если я скажу, что *ее нельзя обсуждать односторонне без того,* чтобы не принять во внимание также и мнение тех, которым приходится непосредственно страдать *от практического применения этих исходящих от Вас идей…»*

Самакона писал ему, что волнения в Мексике за последние 25 лет вызвались главным образом интригами иностранных дипломатов. Уайк отвечал ему, что «население Мексики настолько деградировало, что представляет опасность не только для него самого, но и для всех, кто приходит с ним в соприкосновение».

Самакона писал Уайку, что предложения последнего кладут конец самостоятельности республики и оскорбительны для всякого независимого государства. Уайк отвечал: «Извините меня, если я добавлю, что сделанные мною предложения не становятся еще непомерно недостойными и невыполнимыми из-за одного того, что *Вам, лицу заинтересованному* (idest, т. е. как министру иностранных дел Мексики) «угодно это утверждать».

«Уломать» сэра Чарлза вызвался помочь Том Корвин,

американский посланник в Мексике. Корвин был назначен на этот пост Линкольном. Бывший сенатор, губернатор, министр финансов, у себя дома он славился честностью. Друзья его называли «честный Том». Как и Линкольн, Корвин осуждал в свое время американскую агрессию против Мексики 1845–1848 годов. Впоследствии он примкнул к экспансионистским кругам, которые стремились «поглотить» страну ацтеков, хотя тщательно скрывал свои подлинные взгляды, прикрывая их лицемерными уверениями в дружбе к Мексике. К этому его обязывало еще и то обстоятельство, что в Мексике у него был опасный соперник в лице Джона Т. Пикетта — дипломатического агента южан.

Полковник Пикетт был типичным американским политическим авантюристом-флибустьером. Одно время он примкнул к Кошуту и боролся за свободу Венгрии, затем принимал участие в экспедиции на Кубу венесуэльца Нарсисо Лопеса, задумавшего «присоединить» остров к США. Он был американским консулом в Веракрусе, когда в этот город переехало правительство Хуареса. Пикетт по собственной инициативе признал его, за что был временно отстранен от своей должности. С началом гражданской войны он перешел на сторону конфедератов, представителем которых был назначен в Мексику.

Пикетт считал, что мексиканцы не способны управлять своей страной, что Мексика для ее же блага нуждается в иностранной оккупации. Пока же этот «благодетель», притворяясь мирной овечкой, добивался признания правительства южан и заключения с Мексикой «оборонительного и наступательного» союза, обещая после победы над северянами вернуть ей Калифорнию и Новую Мексику. Если бы эти обещания не произвели должного впечатления на мексиканские власти, то Пикетт мог пустить в ход миллион долларов для их подкупа.

Уполномочивая Пикетта подкупать мексиканских деятелей, президент южан Джефферсон Дэвис самоуверенно присовокуплял к данной ему директиве: «Мексиканцы не грешат щепетильностью в этих вопросах, и Ваша задача вовсе не заключается в том, чтобы улучшить их нравственность». В случае неуспеха с Хуаресом и его министрами Пикетту поручалось договориться на этот же предмет с губернатором Нового Леона — Видаурри и губернатором штата Чиуауа — Террасосом, предложить им отделиться по примеру Техаса от Мексики. На худой конец Пикетту разрешалось вступить по всем этим вопросам в переговоры с Маркесом и другими главарями мятежных банд.

«Честный Том» старался свести на нет интриги и маневры Пикетта, выдавая себя за сторонника правительства Хуареса. Это ему удалось, тем более что само правительство Хуареса отдавало

предпочтение северянам, хотя бы потому, что те находились весьма далеко от мексиканских границ.

Деятельность Пикетта в Мексике закончилась плачевно. Пробыв в столице девять месяцев, он за нанесение побоев одному северянину был арестован мексиканскими властями и заключен на месяц в тюрьму. Покинув Мексику и прибыв в Новый Орлеан, Пикетт обнаружил, что все его донесения из Мексики перехватывались северянами, ни одно из них не дошло по назначению. Он снял копию с сохранившихся у него черновиков и вручил ее почтмейстеру Нового Орлеана для пересылки президенту Джефферсону Дэвису, но ему вновь не повезло: почтмейстер оказался агентом северян и передал его депеши в Вашингтон. К концу войны в руках Пикетта оказалась часть архива министерства иностранных дел южан, которую он на этот раз уже сам продал своим врагам — северянам. Некоторое время спустя этот авантюрист связался с проживавшим тогда в США Санта-Анной и был назначен начальником генштаба очередной «освободительной» экспедиции, которую проектировал этот предатель в Мексику.

Вернемся, однако, к Корвину. У Корвина был свой хитроумный план, с помощью которого он надеялся, с одной стороны, окончательно вытеснить из Мексики европейские державы, а с другой — превратить Мексику в протекторат США. Он предложил Самаконе и Уайку следующую комбинацию: Соединенные Штаты предоставляют Мексике заем в несколько десятков миллионов долларов, которым она покроет свои долги Англии. Мексика же в качестве гарантии уплаты этого займа отдаст под «залог» Соединенным Штатам пустующие земли и рудники штатов Нижняя Калифорния, Сонора и Синалоа. Если Мексика в срок не вернет заем, то эти земли и рудники станут собственностью США. Сообщая об этом коварном плане государственному секретарю Сьюарду в Вашингтон, «честный Том» пояснял: мексиканское правительство наверняка не уплатит в срок займа, что позволит США захватить земли вышеуказанных трех штатов. А это, в свою очередь, приведет к тому, что США будут господствовать в Центральной Америке, вытеснив из нее навсегда Англию и другие европейские державы.

Сьюарду понравился план Корвина, который получил полномочия осуществить его. Понравился он и Уайку. Английский дипломат вступил в переговоры с Самаконой, но тот предложил англичанину договориться на других условиях: Мексика снизит таможенные тарифы на 50 процентов, если Англия согласится на двухгодичный мораторий. Уайку это предложение показалось более выгодным, чем план Корвина, ибо

оно позволяло Англии сразу же удвоить экспорт своих товаров в Мексику, что принесло бы баснословные барыши английским купцам и фабрикантам. Ведь Англия тогда господствовала на мексиканском рынке, в то время как Соединенные Штаты, раздираемые гражданской войной, утратили здесь свои позиции, и, по-видимому, надолго.

Уайк принял предложение Самаконы, что вызвало прилив оптимизма у Хуареса. Он надеялся, что Франция будет вынуждена последовать примеру Англии и тоже искать полюбовного соглашения с Мексикой. Что касается Испании, то, даже если она и решится на интервенцию, Мексика с нею справится. «Конечно, — писал Хуарес губернатору Нового Леона Видаурри, — большое зло вести войну с иностранной державой, но степень этого зла сильно уменьшается, если учесть, что атакующая держава — Испания, ибо она поддерживает неправое дело и спровоцированная ею борьба укрепит либеральную партию и будет способствовать искоренению раз и навсегда всех несправедливостей колониальной системы, обеспечив навечно независимость, свободу и прогресс нашей стране».

Соглашение Самаконы — Уайка вывело французского посланника де Салиньи из себя. Представитель Луи Бонапарта в Мексике, поддерживавший постоянную связь с генерал-губернатором Кубы Серрано, писал ему, что Уайк проводит «дипломатию торговца неграми», то есть бесчестную, что он добивается союза США, Англии и Мексики против Франции и Испании, предотвратить который сможет только немедленная высадка испанских войск.

Де Салиньи напрасно истекал желчью. Мексиканский конгресс шестьюдесятью голосами против двадцати девяти отклонил соглашение Самаконы — Уайка, чем вызвал отставку министра иностранных дел и новый, теперь окончательный, разрыв с английским посланником.

Между тем английское правительство разгадало двойную бухгалтерию мексиканской политики Вашингтона и не без ехидства предложило Соединенным Штатам — это было записано в Лондонской конвенции — присоединиться к трем державам и участвовать в интервенции против Мексики.

Как же реагировали американцы на это предложение? Сьюард ответил лорду Росселу: Соединенные Штаты не оспаривают нрава трех держав вести войну против Мексики, однако, учитывая их традиционную политику неучастия в союзах, они не могут присоединиться к тройственной конвенции.

Мексиканский посланник в Вашингтоне Ромеро, которому Сьюард сообщил об этом, писал Хуаресу, что, судя по этому

заявлению государственного секретаря, нет никаких оснований рассчитывать на помощь американского правительства. «Я с большим удовлетворением, — признался Ромеро, — приветствовал приход к власти республиканской партии (к которой принадлежали Линкольн и Стюард. — *И. Л.*), ибо высказывания ее лидеров, казалось, свидетельствовали о их дружественном отношении к Мексике. Я больше чем кто-либо другой надеялся, что победа республиканцев будет полезной моей родине; теперь же я больше всех испытываю горькое разочарование отношением американского правительства к нашим делам… Все эти соображения убедили меня в том, что в грядущей войне за нашу независимость мы должны рассчитывать только на самих себя и на наши внутренние ресурсы».

Когда письмо Ромеро пришло в Мехико, Хуарес уже знал о заключении Лондонской конвенции и предстоящей трехдержавной интервенции. Какое впечатление эта весть произвела на него? Впал ли он в панику, растерялся, опустил руки? Ничего подобного! Дон Бенито Хуарес, законно избранный, как он любил подчеркивать, президент Мексики, проявил свойственную ему выдержку, стойкость и присутствие духа, вернувшие ему вновь доверие всех фракций и течений либерального лагеря.

Тогда его стойкость многим казалась единственной надеждой на спасение, ибо на кого еще можно было надеяться, кто еще мог спасти мексиканскую нацию, разобщенную, растерзанную, нищую, безоружную, против которой ополчились теперь сильнейшие мировые державы, как не этот темнокожий индеец? Он представлял Мексику, которая вот уже 50 лет сражалась за независимость и свободу вопреки логике завоевателей, согласно которой слабый был обязан безропотно подчиняться сильному.

Что же предпринял Хуарес в эти тревожные и предгрозовые дни в жизни мексиканской республики? 23 ноября 1861 года по просьбе правительства парламент аннулировал постановление о моратории от 17 июля. Правительство объявило, что оно готово обсудить с представителями держав все их финансовые претензии. Но эти меры уже не могли приостановить пущенной в ход машины интервенции.

Следовало ожидать, что первый удар интервенты нанесут по Веракрусу. С этого места начинались все вторжения в Мексику со времен конкистадора Эрнана Кортеса. Могла ли мексиканская армия, обескровленная в боях с реакционными бандами, не располагавшая военно-морскими силами, защитить эти ворота в свою страну против вооруженной современным оружием и отлично вымуштрованной армии интервентов? Разумеется, нет.

Прямое столкновение с армией интервентов могло закончиться полным разгромом республиканских войск. Мексиканцы могли одолеть могущественного врага не столько силой, сколько хитростью, а этим оружием они владели в избытке, ведь недаром говорят, что голь по выдумки хитра. Они надеялись заманить неприятеля в глубь страны, а затем измотать его в бесчисленных стычках и мелких сражениях; они также надеялись на своего могучего союзника — тропический зной, крайне тяжело переносимый европейцами; на тропические болезни, в особенности желтую лихорадку, косившую иностранцев и щадившую туземное население. Наконец, и далеко не в последнюю очередь, они надеялись на разногласия среди союзников, с крайней подозрительностью и недоверием относившихся друг к другу. Был еще и другой фактор, не учтенный совершенно интервентами: национальная гордость мексиканцев. Сам факт, что против Мексики, слабой и обессиленной непрерывными гражданскими войнами, ополчились три сильнейшие державы Западной Европы, не могло не «льстить» самолюбию мексиканцев, не могло не возбудить в них стремления напрячь все свои духовные и физические силы, чтобы нанести поражение столь могущественному врагу, победа над которым прославила бы Мексику на весь мир и окончательно утвердила бы ее независимость. История предоставляла мексиканской нации возможность смыть с себя позорное пятно бесславного поражения в войне с североамериканскими захватчиками.

Известие о предстоящей интервенции трех держав вызвало в стране не уныние и страх, а боевое возбуждение, сплочение патриотических сил.

Таким образом, надежды интервентов, порожденные радужными заверениями авантюристов типа Идальго и того же Миранды, на то, что мексиканцы свергнут Хуареса, развеялись как дым еще до их высадки в Веракрусе. Это было первое их поражение и первая победа Хуареса, правда, символические, но определявшие в известной степени ход дальнейших событий.

РАСПАД ТРОЙСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ

8 декабря перед Веракрусом появились первые корабли испанской военной эскадры. На них было сосредоточено шесть тысяч двести вооруженных до зубов солдат кубинского гарнизона под командованием генерал-капитана Серрано. Когда об этом узнали в Лондоне и Джон Россел попросил объяснений у испанского посла относительно столь поспешных действий его правительства, посол ответил: «Генерал-капитан Кубы прибыл на место слишком рано, так как он боялся прибыть в Веракрус слишком поздно».

14 декабря Серрано потребовал от губернатора Веракруса сдать ему город и крепость Сан-Хуан-де-Улуа. Он заявил, что будет удерживать их до тех пор, пока Мексика не начнет относиться к Испании с «подобающим ей уважением», то есть пока не будут удовлетворены ее, а также Англии и Франции финансовые претензии.

В ответ на этот наглый ультиматум губернатор Веракруса, следуя инструкциям правительства Хуареса, разрушил укрепления города и покинул его вместе с мексиканским гарнизоном и значительной частью местного населения. Мексиканские войска заняли позиции на близлежащих от города высотах. Они уничтожили все сооружения и скот в радиусе десяти километров, создав таким образом зону выжженной земли между своими позициями и покинутым ими городом.

17 декабря испанцы заняли Веракрус, но не обнаружили в нем ни съестных припасов, ни питьевой воды, которые были вынуждены доставлять с Кубы. Все это крайне обескуражило испанских интервентов, ожидавших более благожелательный прием.

Между тем в столице открылась чрезвычайная сессия конгресса для обсуждения создавшегося в республике положения в связи с испанской интервенцией. На открытии сессии присутствовал британский журналист Лемприер, посланный в Мексику английскими противниками политики Пальмерстона с поручением ознакомиться с положением на месте. Он сообщал в Лондон: «Около трех часов пополудни в зал заседаний конгресса вошел президент Хуарес. В его честь на улице стреляли в воздух и играли на трубах. Президент — маленький брюнет, сдержанный, невозмутимый. В Мексике его ласкательно именуют «индито» (маленький индеец), Хуарес — очень уважаемый человек, весьма

талантливый, благонамеренный, он твердо и энергично руководил борьбой, добиваясь победы конституционного правительства, за что заслуживает признания… Против Хуареса в конгрессе и за его пределами плелись интриги и всякого рода комбинации, с тем чтобы помешать ему, сбить его с толку и заставить подать в отставку, но он держался стойко и даже не прибегнул к насилию против своих противников. В Англии к нему относятся явно несправедливо. Заняв отведенное ему место, Хуарес приветствовал присутствующих изящными поклонами, затем произнес свою речь ясным и исключительно приятным голосом».

Мексиканцы! — сказал Хуарес, выступая перед депутатами. — Сведения о предстоящей войне, которую готовили против нас в Европе, к несчастью, начинают подтверждаться. Испанские вооруженные силы вторглись в нашу страну. Попрано наше национальное достоинство, вновь под угрозой наша независимость. В этих тревожных условиях правительство республики, выполняя одну из своих главных обязанностей, докладывает вам свои соображения, должные служить основой политики в этом вопросе. Это касается всех, ибо все честные сыны Мексики обязаны способствовать своими знаниями, своим имуществом и своей кровью спасению республики. И они имеют право знать правду о происходящих событиях и деятельности правительства.

Хуарес сделал обзор отношений с Испанией после признания ею в 1836 году независимости Мексики. Он объяснил, что испанский посол был выслан из страны за вмешательство во внутренние дела республики и за открытую поддержку мятежников. Правительство заявило при этом, что желает продолжать добрые отношения с испанской нацией. Сам факт высылки посла не может считаться причиной для конфликта, учитывая, что и Испания неоднократно объявляла иностранных дипломатов «нежелательными особами» за вмешательство в ее внутренние дела.

Хуарес признал, что во время последней гражданской войны некоторые испанцы стали жертвами насилия. Это, как он отметил, явилось «неизбежным следствием социальной революции, предпринятой нацией с целью, искоренить злоупотребления, являвшиеся извечной причиной ее бед». Но в социальной революции главными жертвами были мексиканцы. Если же и пострадали некоторые испанцы, то только те, кто воевал против народа на стороне мятежников, проявляя особую жестокость и кровожадность. Тем не менее мексиканское правительство всегда было готово признать обоснованные

требования Испании — возместить понесенный ее подданными ущерб. Мексиканское правительство готово рассмотреть и все другие финансовые претензии Испании и удовлетворить их, насколько позволят его средства, скудность которых хорошо ей известна. При этом Хуарес напомнил:

— Все страны, и в особенности Испания, переживали периоды нехватки денежных средств и финансовых трудностей и у всех них бывали кредиторы, вынужденные ожидать лучших времен, чтобы получить свои долги. Только от Мексики требуют жертв, превышающих ее возможности.

Нам не известно, — продолжал Хуарес, — намерена ли Испания, кроме финансовых, предъявить Мексике и другие требования. Как бы там ни было, Мексика не думает объявлять Испании войну, но на насилие ответит насилием; Мексика отвергнет требования, не совместимые с ее национальным достоинством и ущемляющие ее независимость.

Обращение Хуареса заканчивалось страстным призывом к мексиканцам:

— Если столь честные намерения правительства не будут приняты во внимание, если попытаются унизить Мексику, расчленить ее территорию, изменить характер ее правительства и проводимой им внутренней политики, а возможно, даже ликвидировать ее национальность, тогда проявите свой патриотизм и отбросьте ненависть и внутренние распри, вызванные различием в наших мнениях, пожертвуйте стране ваши средства и кровь, объединяйтесь вокруг правительства, вокруг самого великого и святого дела для людей и народов — дела защиты нашей родины.

Выступление Хуареса было весьма умеренным, но одновременно твердым по своему содержанию и тону. Хуарес оставлял открытой дверь для переговоров с Испанией по финансовым вопросам, но категорически предупреждал, что Мексика будет защищать свой суверенитет, свою независимость самым решительным образом. Хотя Хуарес ни словом не обмолвился о предстоящей высадке английских и французских войск, всем было ясно, что его слова предназначались также для Англии и Франции.

Речь Хуареса была встречена громкими аплодисментами. Конгресс единодушно выразил доверие правительству и наделил его диктаторскими полномочиями. На этом сессия конгресса закрылась.

Англичанина Лемприера поразили энтузиазм и уверенность в победе, господствовавшие среди депутатов и в толпе, окружавшей здание конгресса. По улицам столицы маршировали

добровольцы, направлявшиеся в Веракрус. Всюду раздавались возгласы в честь Мексики и Хуареса и призывы разгромить и выбросить в море испанских интервентов. Смешавшись с толпой, Лемприер узнал, что в тот же день Хуарес приобрел для своей семьи дом в столице. Это событие являлось лучшей пропагандой в пользу его правительства, ибо если «индито» в таких условиях рискнул купить себе дом, значит был уверен в том, что дело, которое он защищает, — дело независимости Мексики — действительно восторжествует. Так по крайней мере рассуждали жители столицы, что и отметил в тот памятный день Лемприер в своем дневнике.

Правительство усиленно готовилось к обороне. 27 декабря в письме Матиасу Ромеро, посланнику Мексики в Вашингтоне, Хуарес сообщал о создании Восточной армии во главе с генералом Урагой, об эвакуации Веракруса, о разгроме банд Сулоаги, Маркеса и Мехии, о поимке и расстреле Линдоро Кахиги, убийцы Мельчоро Окампо и о других новостях. Прилагая к письму текст своего выступления в конгрессе, Хуарес отмечал, что оно было сделано без фанфаронства и без пресмыкательства перед противником. Президент выражал уверенность, что «когда пробьет решающий час, мексиканцы докажут: они умели ценить свою независимость и были достойны ее, ибо отдавали за нее свою жизнь». Скупые слова этого делового письма как нельзя лучше отражали самое ценное в Хуаресе: его веру в свой народ, в его патриотизм, его непреклонную решимость бороться до последней капли крови против иностранных поработителей.

* * *

Узнав о высадке испанцев в Веракрусе, туда спешно направились из Мехико де Салиньи и Уайк, причем де Салиньи был так напуган, что, покидая столицу, составил свое завещание. Его опасения были напрасны. Оба дипломата беспрепятственно достигли Веракруса, где вступили в контакт с командиром испанского десанта адмиралом Рубикальвой. Здесь вновь обнаружились противоречия между представителями Франции и Англии. Де Салиньи потребовал от Рубикальвы немедленно открыть военные действия против мексиканцев, в то время как Уайк предлагал испанцу дождаться прибытия французских и английских войск. Рубикальва согласился с Уайком, тем более что вскоре в Веракрус должен был прибыть и командующий испанскими войсками генерал Прим, который одновременно был назначен политическим представителем Испании в тройственной

комиссии по делам Мексики.

В начале января 1862 года в Веракрусе стали высаживаться французские и английские войска. Французы высадили 2600 зуавов и морских пехотинцев под командованием контр-адмирала Жюрьена де ла Гравьера, англичане — 800 морских пехотинцев, которыми командовал коммодор Денлоп. 9 января прибыл генерал Прим. Будучи старшим по рангу, он был назначен главнокомандующим всех войск союзников в Мексике.

Генерал Прим был весьма колоритной фигурой среди испанских военных. Скромного происхождения, он вступил юношей в армию, принимал участие в колониальных войнах Испании в Африке, был губернатором Пуэрто-Рико, участвовал в завоевании Марокко в 1859–1860 годах. В одной из своих статей К. Маркс назвал Прима крупнейшим боевым генералом испанской армии. Прим избирался неоднократно депутатом, а после того как получил звание гранда — стал пожизненным сенатором. По своим политическим воззрениям он был либералом, сторонником конституционной монархии. В 1858 году, когда в правящих кругах Испании обсуждался очередной проект интервенции в Мексику, Прям публично осудил его, заявив, что любая попытка вновь превратить страну ацтеков в испанскую колонию осуждена на провал.

Прим был женат на мексиканке, родственнице Хосе Гонсалеса Эчеверрии, министра финансов в правительстве Хуареса в момент высадки интервентов в Веракрусе. Таким образом испанский генерал через свою жену был в известной степени связан с Мексикой и осведомлен о положении дел в этой стране.

Настроенный весьма критически к католической церкви, чуждый религиозного фанатизма, будучи, как и Хуарес, масоном, Прим должен был испытывать к мексиканскому президенту определенную симпатию.

Почему же Прим согласился командовать испанскими экспедиционными войсками? Испанский генерал нуждался в деньгах. Он израсходовал крупное состояние своей жены, у него было несколько сот тысяч песет долгу. Возможно, он надеялся, что в Мексике, где проживали богатые родственники его сеньоры, ему удастся поправить свои финансовые дела. Когда наметились разногласия между Примом и де Салиньи, последний обвинил его в стремлении самому стать императором Мексики. Но если такие честолюбивые планы и вынашивал Прим, мы об этом знаем только из уст французского посланника, относившегося весьма недоброжелательно к испанцу.

Несомненно одно: генерал Прим, находясь в Мексике, стремился достигнуть соглашения с правительством Хуареса

путем переговоров, считая, что применение оружия интервентами неизбежно закончится для них позорным поражением. Позиция Прима, поддержанная англичанами в лице Уайка, привела к острому конфликту с их французским союзником и в конечном итоге вызвала развал тройственной коалиции. Если судить с этой точки зрения о деятельности Прима в Мексике, то она, безусловно, благоприятствовала правительству Хуареса.

На первом же заседании тройственной комиссии 4 января в Веракрусе, в которой участвовали, кроме него, де Салиньи, Уайк, Денлоп и адмирал Гравьер, Прим произнес весьма туманную речь, в которой заверял мексиканцев, что интервенты явились с мирными намерениями. С миролюбивым заявлением Прима был вынужден согласиться даже де Салиньи, ибо, как обнаружилось, за три недели пребывания интервентов в Веракрусе, они потеряли 500 человек, скошенных тропической лихорадкой. Выбраться же из города, перевалить через горные хребты и занять позиции в прохладной долине Орисабы, как планировалось интервентами вначале, не представлялось никакой возможности по той простой причине, что они не захватили с собой ни повозок, ни мулов, надеясь получить их у местного населения. Теперь же, когда выяснилось, что от туземцев, кроме пуль в спину, интервентам ожидать нечего, за мулами и повозками пришлось посылать на Кубу. Вынужденные отсиживаться в насыщенном миазмами тропической лихорадки Веракрусе, оккупанты стремились усыпить бдительность мексиканцев слащавыми речами о своих благородных и мирных намерениях.

Непредвиденную паузу в военных планах союзники пытались использовать для составления списка требований к правительству Хуареса. Но выработать такой согласованный список рекламаций представителям трех держав не удалось. Прим и Уайк отказались поддержать требования де Салиньи, согласно которым правительство Хуареса должно было «полностью, добросовестно и немедленно» выплатить французской стороне 60 миллионов песо по так называемому долгу Жеккера и 12 миллионов якобы за ущерб, причиненный французским подданным в Мексике, передать таможенные сборы под контроль французов, предоставить им право на оккупацию портов и т. п.

Принятие требований де Салиньи превратило бы Мексику в протекторат Франции и лишило бы Англию и Испанию их доли в добыче. Отклонение же их правительством Хуареса могло привести к открытию военных действий, к которым союзники пока что не были готовы.

После бурных дебатов было решено затребовать по этому вопросу новых инструкций от своих правительств, а тем временем

направить Хуаресу послание самого общего содержания, призывая его выполнить обязательства по отношению к союзникам, хотя и не уточняя, о каких обязательствах идет речь.

Не смогли союзники договориться и о будущем политическом устройстве Мексики. Контр-адмирал Жюрьен де ла Гравьер заявил, что он будет добиваться установления монархического строя во главе с императором Максимилианом. Он не получил поддержки ни Прима, ни Уайка, сославшихся на отсутствие инструкций по этому вопросу.

В разгар этих споров в Веракрус прибыл генерал Мирамон, которому покровительствовали французы. Англичане считали его уголовником, вором, ибо по его приказу было совершено в свое время ограбление британского посольства. Коммодор Денлоп арестовал Мирамона и угрожал отдать его под суд, чем привел в бешенство де Салиньи и Жюрьена. Им с большим трудом удалось освободить своего клеврета, который по настоянию англичан был вынужден покинуть Веракрус и перебраться на Кубу. Инцидент с Мирамоном еще более обострил отношения между союзниками.

Хуарес был отлично осведомлен о той борьбе, которая происходила в Веракрусе. Сторонники правительства детально информировали его о напряженной атмосфере в союзнической комиссии. В этих условиях разумнее всего было выждать, пока союзники вконец не раздерутся. Именно такой тактики придерживался Хуарес.

Пристально наблюдая за грызней в лагере интервентов, правительство принимало меры к тому, чтобы сплотить мексиканский народ и подготовить его к грядущим боям с интервентами. Была объявлена амнистия политическим преступникам, что должно было если не привлечь на сторону правительства бывших противников, то по крайней мере нейтрализовать их. В результате амнистии Комонфорт официально вернулся в ряды армии, обещая лояльно сотрудничать с Хуаресом и сражаться в защиту независимости Мексики. Одновременно с амнистией 25 января 1862 года был опубликован декрет, объявлявший вне закона интервентов и приговаривавший к смертной казни мексиканцев, сотрудничающих с ними в целях свержения законного правительства Мексики.

Декрет против коллаборационистов был весьма своевременным, ибо в Веракрус стали прибывать из-за рубежа вожаки монархистов. Соизволил явиться в родные края и священник Миранда. Существовала опасность, что под крылышком интервентов эти враги мексиканского народа попытаются создать коллаборационистское правительство.

Тем временем желтая лихорадка продолжала косить интервентов в Веракрусе. В начале февраля уже 300 французских солдат были сражены ею, а 800 испанцев были возвращены на Кубу на лечение. Интервенты, опасаясь полного развала своих сил, заявили правительству Хуареса о решении направить свои войска из Веракруса в более здоровые горные районы. Правительство, не желая дать повод интервентам начать военные действия, предложило Приму обсудить вопрос продвижения войск интервентов в глубь страны. Прим принял предложение и встретился в середине февраля в деревушке Ла-Соледад близ Веракруса с министром иностранных дел Хуареса Мануэлем Добладо, с которым заключил так называемое «предварительное соглашение», регулировавшее дальнейшее пребывание войск интервентов в Мексике.

Согласно этому документу правительство Мексики разрешало интервентам установить свои гарнизоны в городах Кордобе, Орисабе и Теуакане, расположенных в горных районах неподалеку от Веракруса. Интервенты же обязывались начать в Орисабе переговоры по урегулированию финансовых претензий к Мексике и уважать ее независимость, суверенитет и территориальную целостность. Союзники обещали вернуть свои войска из упомянутых городов обратно в Веракрус, если переговоры в Орисабе не увенчаются успехом.

Кроме того, интервенты согласились возвратить правительству Хуареса таможню в Веракрусе и поднять в этом городе и над крепостью Сан-Хуан-де-Улуа мексиканские флаги.

Документ, подписанный сторонами в Ла-Соледаде, представлял большую дипломатическую победу правительства Хуареса. Союзники по крайней мере на данном этапе признавали его и отказались от своих первоначальных планов свергнуть республиканский строй и установить монархию во главе с Максимилианом. Сообщая в Мадрид о подписании соглашения, Прим отмечал, что правительство Хуареса контролирует положение в стране и пользуется поддержкой большинства населения; поэтому, если союзники хотят вернуть себе долги, они обязаны вступить с ним в переговоры. Что же касается монархической партии, то она фактически не существует. Идею монархии поддерживает только кучка консерваторов-миллионеров, не представляющих и тысячную часть населения страны. Правда, отмечал Прим, банда Маркеса все еще действует, но это сборище преследуемых властями уголовников, связь с которыми только скомпрометировала бы союзников в глазах мексиканского народа.

Такого же мнения придерживался и английский

уполномоченный Уайк. Де Салиньи же, хотя и подписал соглашение, считал этот акт хитрым маневром, должным усыпить бдительность Хуареса и предоставить союзникам выгодные позиции для наступления на Мехико, свержения правительства и установления монархии под протекторатом Франции. Он продолжал рассчитывать на восстание монархистов и на поддержку все еще могущественной и влиятельной католической церкви. Неделю спустя после заключения соглашения в Ла-Соледаде, в Веракрус прибыл генерал Альмонте, провозгласивший себя президентом Мексики. Де Салиньи поддержал его, чем вызвал откровенное возмущение Прима и Уайка. Испанец и англичанин решительно отказались признать притязания Альмонте на президентский пост и вообще иметь какие-либо дела с этим проходимцем на службе Луи Бонапарта.

Таким образом, не успели еще высохнуть чернила, которыми было подписано «предварительное соглашение», как в лагере интервентов раскол еще более обострился.

Поход войск интервентов из Веракруса в Кордобу, Орисабу и Теуакан окончательно убедили Прима и Уайка в том, что у союзников нет никаких шансов на успех. Интервентам удалось получить с Кубы повозки и мулов для перевоза боеприпасов и амуниции в эти города, но достать погонщиков мулов среди местного населения оказалось почти невозможным. Мексиканцы не нападали на интервентов, но и не сотрудничали с ними. На всем пути маячили отряды партизан, готовые в любой момент обрушиться на интервентов, изнывавших от жажды и москитов. Из контингента в 3200 человек, вышедших из Веракруса, только половина достигла намеченных пунктов, остальные остались в пути, обессиленные, и больные. Генералу Приму было ясно, что в этих условиях мексиканцы могли бы без особых усилий разгромить интервентов. Его мнение разделял Уайк. Но де Салиньи продолжал вести себя воинственно. Его боевой пыл еще более возрос, когда 6 марта в Веракрусе высадились новые 4 тысячи зуавов во главе с генералом Шарлем де Лоренсез. Теперь французских солдат на мексиканской земле стало больше, чем испанских, и де Салиньи совсем перестал считаться с мнением генерала Прима и его единомышленника англичанина Уайка.

Генерал Лоренсез привез наказ Луи Бонапарта свергнуть правительство Хуареса, оккупировать столицу и подготовить «волеизъявление» мексиканского народа в пользу монархии. Эта линия должна была осуществляться независимо от того, поддержат ее испанцы и англичане или нет.

Когда де Салиньи раскрыл свои карты, сообщив представителям Англии и Испании, что с приездом генерала

Лоренсеза французские войска намерены начать военные действия против Хуареса, Прим и его английский коллега выразили ему свой протест. Они заявили де Салиньи, что считают такой акт нарушением взятых Францией по Лондонской конвенции и Соледадскому соглашению обязательств и посему решают немедленно эвакуировать свои войска из Мексики. 9 апреля английские и испанские войска вернулись в Веракрус и стали готовиться отбыть восвояси.

Перед отъездом Уайк пришел к соглашению с Добладо, согласно которому Мексика признала в основном финансовые рекламации Англии. Уайк знал, что в Англии мексиканская авантюра, предпринятая в содружестве с Францией и Испанией, вызывала все большую оппозицию в стране. Представитель оппозиции лорд Монтегю, слова которого приводит К. Маркс в одной из своих статей, говорил в парламенте: «Я обвиняю правительство в том, что оно сделало нас союзниками палача французской свободы, а теперь дает возможность этому бессовестному авантюристу утверждать деспотизм в чужой стране. Оно связывает нашу судьбу с судьбой человека, который вызывает отвращение людей и которого ожидает мщение неба».

В свою очередь, Пальмерстон и Джон Россел были осведомлены через Уайка, Денлопа и других своих агентов в Мексике, что война против правительства Хуареса не сулит интервентам ничего, кроме поражения. Учитывая все эти обстоятельства, английское правительство решило, пока не поздно, убраться из Мексики и предоставить своему партнеру Луи Бонапарту самому выпутываться из этой истории. Комментируя изменения в мексиканской политике английского правительства, К. Маркс в статье, опубликованной в «Нью-Йорк дейли трибюн» и датированной 15 февраля 1862 года, с возмущением писал: «Подлые средства, использованные для организации мексиканской интервенции, могут быть превзойдены только тем старческим слабоумием, с каким британское правительство разыгрывает удивление и старается увильнуть от осуществления гнусного плана, им же самим разработанного». Когда же в Лондон пришло известие об эвакуации английских войск, К. Маркс 27 мая прокомментировал его в письме к Ф. Энгельсу: «А разве не здорово поддел Пам Бонапарта в Мексике!»

Если Уайк действовал с согласия своего правительства, то генерал Прим действовал на свой страх и риск. Он отдал приказ эвакуировать испанские войска на Кубу, несмотря на упорное сопротивление генерал-капитана острова Серрано, который даже отказался предоставить нужные для этого корабли. Но Прим настоял на своем. Более того, хотя правительство Мексики

предложило ему признать все финансовые претензии Испании, генерал, действуя как подлинный кабальеро, отказался предъявить правительству Хуареса какой-либо счет, считая, что такой отказ принесет больше выгоды его стране, чем уплата Мексикой необоснованных и надуманных рекламаций.

Таким образом, не прошло и трех месяцев после прибытия интервентов в Мексику, как их Священный союз распался точно карточный домик. Тому способствовало не только обострение противоречий между державами, подписавшими Лондонскую конвенцию, но и дальновидная политика правительства Хуареса.

Да, развал тройственной коалиции, эвакуацию англо-испанских войск можно было считать победой, но победой только в первом, сугубо предварительном сражении, в котором молчали ружья и пушки, а действовали лишь дипломаты. Теперь же Мексике предстояло выиграть не дипломатическое сражение, а войну с опытным, сильным, жестоким и надменным противником, который, подобно колониальным конкистадорам, был полон решимости поработить ее.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПУЭБЛА

Теперь судьба Мексики будет решаться на поле брани. Французы, избавившись от своих союзников, вероломно нарушили Соледадское соглашение, обязывавшее их в случае прекращения переговоров с правительством Хуареса вернуться обратно в Веракрус. Они планировали не возвращение в этот насыщенный миазмами желтой лихорадки порт, а наступление на Мехико, разгром мексиканской армии и свержение правительства Хуареса.

Едва расставшись с генералом Примом и Уайком, генерал Лоренсез сконцентрировал французские войска в городе Кордобе. Туда же прибыл и Альмонте, самозванный временный президент Мексики. Он объявил о низложении правительства Хуареса и призвал мексиканских военных присоединиться к нему. Генерал Роблес Песуэла попытался было последовать его совету, но был пойман преданными Хуаресу войсками и расстрелян как предатель. Это отнюдь не обескуражило генерала Лоренсеза. Он хотя и слушал россказни де Салиньи о якобы огромном влиянии Альмонте и об армии Маркеса, которая должна была прибыть на помощь французам, но рассчитывал только своими силами завладеть столицей и всей страной. Мексиканцев — как сторонников Хуареса, так и его противников — он считал дикарями, варварами, сбродом. Разве они способны сражаться с хорошо вымуштрованной и до зубов вооруженной армией французов?

Нет! Они бежали из Веракруса, разрешили союзникам занять высокогорное плато Орисабы, откуда открывался путь в столицу. Бравый французский генерал принял военную хитрость за проявление трусости. А за такие ошибки приходится рано или поздно расплачиваться.

Лоренсез, солдаты которого еще не сделали ни одного выстрела, уже считал себя покорителем Мексики. Накануне военных действий он хвастливо сообщал военному министру в Париж: «Мы настолько превосходим мексиканцев в расовом отношении, в смысле организации, по нравственному уровню и благородству чувств, что я прошу ваше превосходительство сообщить императору: командуя 6 тысячами солдат, я являюсь в настоящее время хозяином Мексики».

Ложно обвинив мексиканцев в том, что они якобы арестовали французских солдат, находившихся на излечении в госпиталях Орисабы, Лоренсез двинул свои войска из Кордобы к этому городу и захватил его после небольшой стычки с конным отрядом

генерала Порфирио Диаса, безуспешно пытавшегося задержать продвижение французов.

Теперь путь на столицу был практически открыт, так по крайней мере считали Лоренсез, де Салиньи и другие руководители французского экспедиционного корпуса. Правда, предстояло преодолеть еще одно препятствие — взять Пуэблу, второй по величине город страны, лежащий на полпути к столице. Де Салиньи заверил Лоренсеза, что жители Пуэблы — сторонники реакционной партии и поэтому встретят французов колокольным звоном. Лоренсез расстроился. Слишком легкая победа его не устраивала. Французский генерал и его офицеры жаждали, чтобы мексиканцы бросили, наконец, свою игру в прятки и сразились с ними, предоставив доблестной французской армии возможность пожать лавры на поле боя. Чего стоит победа, если она не сопровождается пальбой из пушек и цветистыми реляциями о раненых, убитых и взятых в плен противниках? Ведь именно таких реляций ждал от своего полководца император Луи Бонапарт, надеясь преподнести их своим последователям, мечтавшим о возрождении былой наполеоновской славы.

Пока генерал Лоренсез в Орисабе готовился к победоносному маршу на Пуэблу и разрабатывал церемониал парадного смотра овеянных славой французских батальонов в древней столице ацтеков Мехико, Хуарес и его правительство спешно создавали армию Востока, которая должна была преградить французам доступ в столицу. Ее командующим был назначен генерал Игнасио Сарогоса; Игнасио Мехия, Мигель Негрете, Антонио Альварес, Франсиско Ламадрид, Фелипе Берриосабаль, Порфирио Диас возглавили бригады и полки. Все они были опытными, отважными военными, прошедшими школу трехлетней гражданской войны под руководством Хуареса. В их армии было всего лишь 5 тысяч солдат. Солдаты были плохо обучены, вооружены разнокалиберными ружьями периода наполеоновских войн, да и этих ружей на всех бойцов не хватало. Зато боевой дух этой маленькой армии был высоким, генералы и солдаты не испытывали страха перед французскими завоевателями; они были убеждены, что смогут нанести врагу поражение. Может быть, не сразу, не в первом сражении, но в конечном итоге. Разве не французский полководец говорил, что выигрывает войну тот, кто выигрывает последнюю битву?

У Хуареса имелось еще около 15 тысяч солдат, но они принадлежали к народному ополчению, вели бои с шайками Маркеса, были рассеяны по штатам. И тем не менее правительство было уверено, что сможет противостоять даже более многочисленной французской армии, чем армия Лоренсеза;

ведь войну против чужеземцев будут вести не только войска, но и весь 8-миллионный мексиканский народ. Хуарес был прав, когда 13 апреля в приказе губернаторам писал: «В войне против иностранных захватчиков все мексиканцы являются солдатами». Заморские же интервенты могли рассчитывать только на самих себя и на незначительную кучку предателей и отщепенцев, презираемых народом.

В дни, последовавшие за 9 апреля, Хуарес обращается к нации с манифестом, в котором выражает уверенность, что мексиканцы пойдут на любые жертвы, претерпят все несчастья и беды, но не допустят, чтобы их страной правили чужеземцы. Он приказывает губернаторам крепить оборону. Он подробно информирует конгресс и страну о последних событиях.

Хуарес выступает со свойственной ему сдержанностью. Его речи и манифесты лишены ложного пафоса, показной храбрости, многословия, дешевых ораторских приемов, свойственных многим буржуазным да и радикальным парламентариям. Хуарес скуп на слова. Но то, что он говорит, производит впечатление. «Маленький индеец» правдив, не приукрашивает всей сложности и опасности положения; он верит в свой народ, он не сомневается, что в конечном итоге дело Мексики восторжествует и враг будет повержен в прах.

Самый, пожалуй, интересный и значительный документ, изданный правительством Хуареса в эти тревожные дни, был помечен 12 апреля. Это был декрет, провозглашавший патриотическую войну против французских захватчиков. Он устанавливал осадное положение во всех местностях, находящихся под французской оккупацией. Мексиканцы, проживающие в этих местностях и сотрудничающие с оккупантами, объявлялись предателями, их собственность подлежала конфискации. Все мексиканцы с двадцати до шестидесяти лет призывались в армию. Уклоняющиеся от призыва объявлялись предателями. Губернаторам штатов поручалась организация партизанских отрядов. Партизанским отрядам предписывалось действовать в радиусе 40 километров от войск неприятеля. Партизаны, находящиеся на большем расстоянии от неприятеля, объявлялись вне закона. Губернаторы штатов получили право устанавливать в случае надобности новые налоги для военных нужд. Декрет брал под защиту и покровительство мексиканских властей французских подданных, не оказывающих поддержки интервентам, и присуждал к высшей мере наказания — расстрелу всех тех, кто поставляет продовольствие, оружие, сообщает сведения или в любой другой форме оказывает помощь интервентам.

Обнародование этого декрета Хуаресом свидетельствовало, что Мексика принимала вызов Франции и провозглашала свою решимость победить или погибнуть в борьбе за независимость.

Настроение жителей столицы было в эти дни приподнятым, боевым. Многие вступали в ополчение. На стенах домов появились плакаты с надписью: «Граждане, к оружию!» В конгрессе ораторы призывали мексиканцев брать пример с русских, разгромивших полчища Наполеона I в 1812 году и героически защищавших Севастополь в Крымскую войну. «Пусть нашествие французов на Мексику закончится так, как и их нашествие на Россию — позорным отступлением! Пусть Пуэбла станет для них вторым Севастополем! Пусть 1862 год станет для них вторым 1812 годом!» — говорили выступавшие.

Между тем в Париже сведения о развале тройственного союза и об эвакуации Англией и Испанией своих войск из Мексики вызвали удовлетворение. Наполеон III был убежден, что Лоренсез завладеет Мексикой и без помощи союзников. Его министр Билло заявил в парламенте, что «клятвопреступник Хуарес падет от дуновения Франции». Правительственные газеты предвещали быстрое окончание мексиканской кампании, в результате которой Франция не только завладеет баснословными богатствами страны ацтеков, но и подчинит своему влиянию всю бывшую Испанскую Америку. В парижских театрах с шумным успехом шла пьеса «Взятие Мексики», в ней трехцветный флаг уже развевался над президентским дворцом мексиканской столицы, жители которой, разумеется на сцене, приветствовали оккупантов как избавителей от тирании тропического Робеспьера — Хуареса. Наполеону III явно не терпелось выдать желаемое за действительность.

В этих условиях дипломатическому агенту Хуареса в Париже де ла Фуэнте не оставалось ничего иного, как сложить свои чемоданы и покинуть Францию. Перед отъездом он направил министру иностранных дел Тувенелю ноту, в которой предупреждал: «Мексику можно завоевать, но покорить нельзя, да и завоевать ее нельзя без того, чтобы она не дала доказательств своего героизма и тех добродетелей, в отсутствии которых ее упрекает противник. Мексика категорически отвергнет монархию. Создать ее будет стоить огромных усилий, а удержать — еще больших. Такое предприятие принесет нам огромный вред и вызовет неисчислимые бедствия, но такие же несчастья оно принесет и тем, кто его затеял. Мексика, безусловно, страна слабая по сравнению с теми, кто вторгся на ее землю, но она сильна сознанием того, что ее права подверглись надругательству; она сильна своим патриотизмом, который умножит ее решимость к сопротивлению; она сильна глубокой

убежденностью в том, что, вступая в эту опасную борьбу, сможет уберечь прекрасный континент Колумба от угрожающего ему катаклизма. Поэтому торжественно заявляю, господин министр, от имени моего правительства, что ответственность за все бедствия, вызванные этой ничем не оправданной агрессией и причиненные прямо или косвенно действиями французских войск или их агентов, ляжет исключительно на ваше правительство. Что касается всего остального, то Мексике бояться нечего, если провидение охраняет права народа, защищающего свое достоинство».

Луи Бонапарт, прочтя эту ноту, презрительно усмехнулся. Патриотизм, достоинство, права народа… Все это он считал пустой болтовней туземных либералов. Император был убежден, что в политике решают не эти романтические абстракции, а право сильного, которое в данном случае на его стороне. Как в природе, так и в обществе — сильный пожирает слабого. Так было, есть и будет всегда. Это закон всех цивилизаций. Судьба Мексики находится в руках французских зуавов, они же справятся с индейцем Хуаресом и его радикалами не хуже, чем справились с тонкинскими и пекинскими мандаринами или гарибальдийскими фантазерами в Италии.

А как реагировали на разрыв тройственного союза в Лондоне и Мадриде? Пальмерстон был доволен, что ему удалось втянуть в мексиканскую авантюру своего союзника — конкурента Луи Бонапарта, а самому без ущерба выбраться из нее. Если эта авантюра удастся императору, Англия получит свои долги с Максимилиана или с любого иного, кого на мексиканский трон посадят французы. Если же победит Хуарес, то с ним всегда можно будет договориться. И в том и в другом случае Англия окажется в выигрыше.

В Испании решение генерала Прима отозвать войска из Мексики вызвало бурю негодования в кортесах и в печати. Реакционеры обвиняли генерала в предательстве национальных интересов, в трусости, в сговоре с Хуаресом. Правительство же поддержало действия Прима, когда убедилось, что мексиканский трон достанется по воле Луи Бонапарата не испанскому принцу, а австрийскому эрцгерцогу Максимилиану. Тем самым кастильская гордость была уязвлена, а генерал Прим реабилитирован в глазах своих возмущенных соотечественников.

* * *

Поспешим теперь обратно в Мексику, где участники

предстоящей драмы уже готовы к выходу на историческую сцену и только ждут сигнала режиссера, чтобы начать действовать. Режиссер, таким по крайней мере он сам себя считал, генерал Лоренсез несколько замешкался в Орисабе. Он подтягивал обозы, собирал мулов и повозки, готовил провиант для похода на Мехико и с нетерпением ожидал важных для себя вестей из Франции. Наконец, 25 апреля пришла почта из Парижа, а с нею и императорский рескрипт, отзывавший во Францию вице-адмирала Жюрьена де ла Гравьера и назначавший вместо него на пост главнокомандующего французского экспедиционного корпуса в Мексике генерала Лоренсеза. Теперь самозванный «хозяин Мексики» мог, пожалуй, начать свой столь желанный поход на столицу.

Утром 27 апреля французские войска покинули Орисабу и по дороге, ведущей в Мехико, направились к Пуэбле. В авангарде находился Лоренсез со своим штабом, в обозе в одной из карет ехал де Салиньи в компании с «временным президентом» Альмонте. Настроение у всех было превосходное, никто не сомневался в победе славного французского оружия.

Встречавшиеся по пути селения были покинуты жителями, казались вымершими. Солдатам все же удалось схватить нескольких индейцев, но получить от них какие-либо сведения оказалось невозможным. Они или притворялись идиотами, или действительно были такими. На все вопросы у них был только один ответ: «Кто знает, сеньор!» О противнике и его замыслах французы ничего не знали.

К концу первого дня марша войска Лоренсеза достигли горного перевала Акультсинго. Будь мексиканцы на что-либо способны, то именно здесь они остановили бы французов. Местность была для этого идеальной. Кругом отвесные горы — ни развернуться войскам, ни использовать артиллерию. Перевал могли бы с успехом защитить несколько сот солдат. И действительно, здесь их встретили хуаристы. Но сражения из этой встречи не получилось. После полуторачасовой перестрелки, в результате которой французы потеряли двух солдат убитыми и тридцать шесть ранеными, враг обратился в бегство, причем сделал это столь поспешно, что, несмотря на преследование, войти в соприкосновение с ним французам не удалось.

Победа у Акультсинго еще более укрепила Лоренсеза в мнении, что мексиканцы не способны оказать его войскам серьезного сопротивления. Теперь это мнение разделяла вся французская армия, бодро шагавшая по направлению к Пуэбле.

4 мая Лоренсез вошел в селение Амосок, расположенное в четырнадцати километрах от Пуэблы. Здесь поджидавшие его

агенты Альмонте сообщили ему, что генерал Сарагоса сконцентрировал свои войска в городе, где решил дать бой французам.

В городе были выстроены баррикады, многочисленные церкви превращены в крепости. На подступах к городу вырыты рвы, окопы. С северной стороны преграждали дорогу французам укрепления, возведенные на холмах Гуадалупе и Лорето. Холм Гуадалупе венчался одноименным монастырем, толстые стены которого могли выдержать длительную осаду. На расстоянии тысячи метров от него, несколько ниже, был расположен форт Лорето. На защиту этих фортов Сарагоса направил 1200 бойцов под командованием генерала Негрете. 3100 солдат, которыми командовали генералы Берриосабаль, Диас и Ламадрид, защищали Пуэблу с юга. Артиллерией командовал генерал Сантьяго Тапия.

Накануне штурма Пуэблы де Салиньи заверял генерала Лоренсеза: «Как только наши войска подойдут к городу, появится Маркес, всякое сопротивление прекратится, баррикады падут как по мановению жезла. Вы войдете в город под дождем из цветов к посрамлению Сарагосы и его головорезов». Но, несмотря на свой оптимизм, даже де Салиньи счел нужным предупредить Лоренсеза, что было бы надежнее штурмовать город не со стороны неприступных фортов Гуадалупе и Лорето, а с юга, защищенного только окопами да уличными баррикадами.

Это был разумный совет, тем более что во время гражданских войн Пуэблу никто не брал с севера, а только с юга. Но Лоренсез не мог последовать ему: чтобы перебросить свои войска к южным воротам города, ему пришлось бы оставить у северных ворот весь свой обоз, который не мог следовать за войсками из-за отсутствия дорог. Единственная дорога пересекала город с севера на юг. Оторваться же от своего обоза Лоренсез опасался: ведь обозом могли завладеть мексиканцы, устроив вылазку с той же северной стороны. Французский главнокомандующий решил взять штурмом Гуадалупе и Лорето. Он надеялся это сделать на следующий день, 5 мая 1862 года. Прощаясь с офицерами своего штаба, генерал Лоренсез изрек: «До завтра, господа, до встречи на высотах Гуадалупе!»

В 7 часов утра 5 Мая французские войска покинули Амосок и четыре часа спустя заняли исходные позиции перед Гуадалупе и Лорето. Лоренсез выстроил две колонны войск по флангам холма Гуадалупе, в центре же установил десять батарей, которые с двухкилометровой дистанции приступили к артиллерийскому обстрелу мексиканских укреплений. Канонада продолжалась 45 минут, но ни один из снарядов не долетел до цели: слишком

велико было расстояние. Лоренсез приказал приблизить батареи к позициям мексиканцев. Попадание от этого не улучшилось, ибо каменистая местность не позволяла надлежащим образом установить орудия. Канонада продолжалась еще час. Французы израсходовали половину своих снарядов, так и не причинив никакого вреда противнику.

Заметив, что мексиканцы перебрасывают с южной стороны на северную свою кавалерию, Лоренсез прекратил бесполезную артиллерийскую пальбу и отдал приказ войскам начать штурм Гуадалупе и Лорето. Зуавы смело полезли вверх и, несмотря на сильный огонь противника, почти добрались до вершины Гуадалупе. Там их встретил батальон индейцев и штыковой атакой сбросил в сторону Лорето, где они очутились под перекрестным огнем мексиканских орудий.

Тем временем к Пуэбле подошли первые французские резервы, их атаковала и окружила мексиканская кавалерия. Только прибытие новых подкреплений позволило Лоренсезу отбить атаку мексиканцев и спасти своих солдат от угрожавшего им поражения. Французский командующий попытался было перегруппировать основательно потрепанные войска для нового штурма Гуадалупе и Лорето, когда внезапно, как часто случается в тропиках, разверзлись хляби небесные и хлынул ливень с градом, быстро превративший поле боя в страшное месиво. Зуавы мгновенно промокли до нитки. Продолжать в таких условиях сражение было бессмысленно. Лоренсез понял это и в пять часов пополудни отдал приказ к отступлению.

Французов по пятам преследовала кавалерия Диаса. Но мексиканцы не рискнули ввязаться с противником в новое сражение. Несмотря на поражение, французы все еще представляли собой грозную силу. В любой момент они могли вернуться и вновь пойти штурмом на героический город. Взвесив все «за» и «против», генерал Сарагоса приказал Диасу прекратить преследование и вернуться в Пуэблу.

Опасения мексиканцев на счет того, что французы могут вернуться и повторить штурм города, не оправдались. Если генерал Лоренсез до сражения за Пуэблу вел себя сверхнадменно и острил, говоря, что для покорения Мексики было бы достаточно нескольких батальонов жандармерии, то теперь, потерпев поражение 5 мая, он буквально впал в панику.

Французы потеряли 482 человека убитыми, ранеными, пленными (по данным мексиканцев, около тысячи), то есть 20 процентов солдат и офицеров из непосредственно принимавших участие с сражении при Пуэбле. Потери мексиканцев, как потом выяснилось, были в два раза меньше. Кроме того, французы

израсходовали почти весь свой запас снарядов. Оставалось только одно — признать свое поражение, отступить в Орисабу, окопаться там и спешно запросить помощь из Франции.

Именно так и поступил Лоренсез. Но как объяснить Парижу постигшую его неудачу у Пуэблы? Очень просто: свалить всю вину на де Салиньи и его дружка генерала Альмонте. Это они обещали, что солдаты Сарагосы разбегутся подобно зайцам, завидя первого зуава… Это они обещали, что на помощь Лоренсезу явится повстанческая армия Маркеса, в то время как вообще ее не оказалось в природе. Одним словом, де Салиньи и Альмонте оказались просто-напросто безответственными болтунами, понятия не имеющими о подлинном состоянии дел в Мексике.

Сообщая об этом военному министру в Париж, Лоренсез отмечал, что сможет предпринять новое наступление только в том случае, если ему будут присланы на помощь 15–20 тысяч солдат, с соответствующим количеством артиллерии, боеприпасов, амуниции и провианта. Пока эта подмога не прибудет, бравый Лоренсез решительно откажется высунуть нос из Орисабы.

Де Салиньи тоже не бездействовал. Он строчил обширные меморандумы в Париж, в которых представлял себя не только прозорливым и мудрым политиком и дипломатом, но даже стратегом, а генерала Лоренсеза — тупым и упрямым солдафоном. Поражение французских войск при Пуэбле де Салиньи объяснял в первую очередь нежеланием Лоренсеза дождаться прибытия так называемой армии Маркеса, который атаковал бы город с наиболее уязвимой южной стороны. Лоренсез, жаловался де Салиньи, совершенно не считался с Альмонте и другими мексиканскими «союзниками» Франции, чем приводил их в уныние и отбивал у них охоту оказывать ему помощь. Не считался он и с самим де Салиньи, не советовался с ним, *не* ставил его в известность о своих планах. После сражения у Пуэблы, которое де Салиньи расценивал как «несчастный эпизод войны», Лоренсез впал в панику, перепугался и отступил. Вместо того чтобы продолжать сражение, Лоренсез умолял де Салиньи перекупить за 10–20 миллионов песо хуаристских командиров, надеясь овладеть при помощи предательства городом, который он не сумел покорить в честном и открытом бою.

Совершенно другой эффект имели результаты сражения у Пуэблы в лагере мексиканцев. «Вся нация полна энтузиазма», — так характеризовал Хуарес впечатление, которое произвела на население победа, одержанная армией Востока над французскими

интервентами. Действительно, для Мексики, истерзанной гражданскими войнами, униженной и покалеченной североамериканскими захватчиками, победа над войсками Наполеона III, считавшимися в то время лучшими в мире, имела эпохальное значение. Мексиканская нация с этой победой как бы заново обрела веру в себя. Победа мексиканского оружия у Пуэблы, кроме того, доказала, что нация поддерживает Хуареса, что Хуарес является ее подлинным вождем. Это событие имело и определенное международное значение. Если бы французам удалось тогда захватить Пуэблу, а значит и Мехико, они бы, несомненно, поддержали южан, что могло изменить весь ход гражданской войны в Соединенных Штатах.

Мексиканцы полностью отдавали себе отчет в значении победы, одержанной их войсками при обороне Пуэблы. 5 мая стало национальным праздником Мексики, который отмечается с такой же торжественностью, как и День независимости — Клич в Долорес — 15 сентября.

Чувством национальной гордости и веры в правоту своего дела были проникнуты слова рапортов командиров, участвовавших в героической защите Пуэблы. Командующий Игнасио Сарагоса докладывал после боя военному министру: «Французская армия сраж&ась весьма храбро, ее же командующий вел себя неумело при штурме. Национальное оружие, гражданин министр, покрыло себя славой, и я поздравляю через Ваше посредство Первое должностное лицо Республики с тем, что, как смею с гордостью заявить, мексиканская армия ни на секунду не повернулась спиной к врагу в течение всего продолжительного сражения, в котором она принимала участие».

Генерал Берриосабаль, обращаясь к своим солдатам, говорил: «Французские орлы переплыли океан для того, *чтобы* потерять на мексиканской земле лавры Севастополя, Маженты и Сольферино. Вы сражались с первыми солдатами мира, и вы первые их победили».

Генерал Ламадрид рапортовал: «Многие ордена Почетного легиона, медали за Севастополь, Маженту, Сольферино и другие французские награды, которые сегодня наполняют карманы наших солдат, доказывают миру, что они в этот день вели себя как республиканцы и достойные сыны Мексики».

Всеобщее ликование по поводу победы над войсками Лоренсеза было столь сильным, что Хуарес отдал распоряжение освободить раненых и взятых в плен французов и вернуть их вместе с их медалями и наградами в лагерь Лоренсеза с посланием. В нем отмечалось, что этот жест является данью мужеству армии Востока и великодушной мексиканской нации,

которые сожалеют, что храбрых французских солдат, подобно баранам, силком завезли на мексиканскую землю, где заставили вести безумную, несправедливую и преступную войну, за что ответственные понесут еще суровую кару.

Лоренсез был вынужден молча глотнуть и эту горькую пилюлю, превращавшую его и его воинство в посмешище всей страны.

Зато он счел возможным ответить на другое послание, которое ему направил Сарагоса 12 июля. Мексиканский генерал писал своему противнику: «У меня имеются основания считать, что Вы, и офицеры, и командиры дивизии, находящейся под Вашим командованием, направили императору протест против поведения министра де Салиньи, завлекшего Вас обманом в поход против народа, который был до этого лучшим другом Франции». Сарагоса предлагал Лоренсезу почетную капитуляцию и помощь в эвакуации французских войск.

Лоренсез ответил, что, не располагая политическими полномочиями, которыми его правительство наделило господина де Салиньи, он не имеет возможности вступить в переговоры по поводу предложения генерала Сарагосы. Только министр Франции уполномочен получать такого рода сообщения.

Сарагоса вместо того чтобы обратиться к де Салиньи, попытался взять Орисабу. Но хотя это ему и не удалось, испуг Лоренсеза отнюдь не прошел. «Хозяин Мексики» твердо решил дальше Орисабы не ступать ни шагу, пока его войска своей численностью не будут превосходить мексиканцев по крайней мере раза в три. У страха глаза велики…

В эти трудные месяцы для его родины Хуарес, как обычно, являлся ежедневно в 9 часов утра в президентский дворец, неизменно одетый в черный сюртук, спокойный, немногословный, приветливый — Невозмутимый, как его стали называть поклонники и друзья.

Большую часть суток он проводил в своем рабочем кабинете, председательствовал на заседаниях кабинета министров, писал приказы, слал послания, принимал посетителей, читал донесения и доклады, готовил законы. Когда работал конгресс, президент присутствовал на его заседаниях, выступал с отчетами, принимал участие в прениях. «Маленький индеец» работал не щадя себя, без шума, без суеты, на виду у всех, подавая своим поведением пример другим.

Были ли у него тогда какие-либо увлечения, кроме работы и чтения? Если были, современники их не замечали. Освободившись от государственных забот, Хуарес спешил домой, к своей жене Маргарите и детям, которые, судя по всему, были в

это беспокойное время его единственной отрадой.

В июле 1862 года семью Хуареса дважды посетила смерть: умерла его малолетняя дочь Амада — Любимая, и умер проживавший в Оахаке тесть — дон Антонио Маса, который много лет тому назад приютил безвестного индейского мальчика, спустившегося с гор в поисках знаний.

Сколько воды утекло с тех пор, сколько событий произошло, как изменилась за эти годы Мексика. Теперь она независимая страна и, чтобы сохранить свою независимость, готова дорого заплатить. Сегодня ее возглавляют не бывшие слуги испанских колонизаторов, какими были Итурбиде и Санта-Анна, а люди из народа — такие, как Сарагоса, такие, как он сам, дон Бенито Хуарес, индеец из горного селения Сан-Пабло-Гелатао. Это они отвоевали для народа свою родную Мексику у тех, кто унижал и предавал ее, у тех, кто торговал ею. И это они будут защищать и оберегать ее от врагов внутренних и внешних…

РЕВАНШ

Весть о позорном поражении французов при Пуэбле и их отступлении в Орисабу вызвала в Париже смятение. Бонапартистам казалось невероятным, что французские войска, прославившие себя на полях сражений в Европе, Азии и Африке, постыдно бежали перед каким-то сбродом из креолов и индейцев. Сразу возникал вопрос: а что подумают в Европе по поводу этого позорища? Ведь если мексиканцы одолели французов, то их могут одолеть с еще большим основанием англичане или еще хуже — пруссаки.

Обывательское возмущение нагнетала «патриотическая» печать, находившаяся в руках финансовых магнатов, наживавшихся на военном ажиотаже. Газеты кричали о поруганном национальном достоинстве и требовали мщения: посылки в Мексику нового пушечного мяса. Мексика, писали пираты пера, должна быть завоевана, ибо того требует честь Франции! О долгах Мексики спекулянту Жеккеру, из-за которых разгорелся весь сыр-бор, уже никто не вспоминал. Теперь в качестве главного обвинения против мексиканцев выдвигалось то, что они нанесли «оскорбление» чести Франции, опозорили ее флаг, заставив ее генерала и солдат бежать с поля боя.

Это была официальная интерпретация мексиканских событий, пущенная в ход самим Луи Бонапартом. Стараясь ободрить перепуганного Лоренсеза, император писал ему 15 июня: «Таковы превратности войны, временные неудачи подчас затемняют блестящие триумфы, но не следует падать духом. Затронута национальная честь, и Вы получите все необходимые подкрепления. Сообщите Вашим войскам мое полное удовлетворение проявленными ими мужеством и стойкостью в борьбе с невзгодами и трудностями. Чем дальше они находятся от Франции, тем больше я о них забочусь. Я одобрил Ваше поведение, хотя, кажется, не все его донимают».

Но милость императора недолговечна. Подоспели депеши де Салиньи, в которых Лоренсез был измаран черной краской, да и новые сообщения самого Лоренсеза, в которых он сообщал, что, по его убеждению, бонапартовская затея завоевания Мексики обречена на провал. «Более чем когда-либо мы должны убедиться в том, — писал Лоренсез, — что здесь у нас нет сторонников. Умеренной партии не существует, реакционная партия дышит на ладан, да к тому же ее ненавидят… Никто здесь, даже реакционеры, не хочет монархии. Все мексиканцы воодушевлены либеральными идеями самого радикального свойства и

предпочтут монархии поглощении их страны американцами». Монархию, утверждал прозревший после поражения Лоренсез, можно навязать Мексике только французскими штыками и уж, во всяком случае, не с помощью таких банкротов, как Альмонте, или интриганов, как де Салиньи.

Пессимистические прогнозы Лоренсеза, которыми он пытался оправдать свое поражение и бессилие, пришлись не по вкусу императору. В ответ на свои стенания несостоявшийся «хозяин Мексики» получил вскоре депешу за подписью военного министра следующего содержания: «Император восторгается мужеством, проявленным войсками при штурме Пуэблы, однако его величество не считает атаку хорошо организованной: артиллерии не следовало начинать обстрел фортификаций с дистанции двух тысяч пятисот метров. Император рекомендует Вам поддерживать хорошие отношения с господином де Салиньи, а также с генералом Альмонте и другими мексиканскими руководителями, которые присоединятся к нам. Вскоре верховное командование примет генерал Форей; между тем ограничьте Вашу деятельность защитой укреплений и пополнением ресурсов».

Теперь де Салиньи мог ликовать, а генерал Лоренсез готовиться к возвращению во Францию.

Однако кем был новый французский кандидат в мексиканские вице-короли? Эли Фредерик Форей считался боевым генералом, он участвовал в крымской и итальянской кампаниях и хотя особыми талантами не блистал, но военное дело знал основательно. О нем говорили, что он не любил риска, осторожничал. Если же ввязывался в сражение, то уж со всеми шансами одержать победу. Его повелитель надеялся, что Форей не допустит нового позора, подобного поражению при Пуэбле, и реабилитирует подмоченную репутацию французского оружия.

Но Луи Бонапарт не только назначил нового командующего. В июне 1862 года законодательный корпус, послушный воле императора, выделил добавочные 15 миллионов франков на мексиканскую экспедицию, численный состав которой предполагалось увеличить в несколько раз.

Эти мероприятия, несмотря на псевдопатриотическую свистопляску, инсценированную правительством в печати и в законодательном корпусе, не вызвали энтузиазма среди широких слоев французского населения. Конфиденциальные полицейские рапорты с редким единодушием отмечали, что по господствующему мнению мексиканская экспедиция представляется рядовому французу рискованным предприятием, которое не принесет ни выгоды, ни славы. Некоторые называли ее даже «Московской кампанией второй империи».

Пораженческие настроения, особенно широко распространенные в провинциях, только подхлестывали императора к расширению мексиканской авантюры. Как и всякий зарвавшийся игрок, он надеялся, что сможет отыграться, взять реванш и таким образом поправить свои дела.

Луи Бонапарт снабдил нового главнокомандующего детальными инструкциями, которые касались как военных, так и политических дел в Мексике. Основная задача заключалась во взятии Пуэблы и столицы Мехико, причем Форею рекомендовалось атаковать Пуэблу с юга, а не с севера, как то сделал Лоренсез. Политические задачи определялись следующим образом: покровительство генералу Альмонте и всем другим предателям и коллаборационистам; постараться их максимально использовать для борьбы против Хуареса, иначе говоря, заставить мексиканцев воевать против мексиканцев; оказывать покровительство церковникам, но не отбирать бывшую церковную собственность у ее новых владельцев, которых также следует перетянуть на сторону французов.

Форею поручалось после захвата столицы осуществить учреждение монархии и возведение на престол Максимилиана; но эту операцию следовало проделать руками мексиканских «друзей» Франции.

Луи Бонапарт рекомендовал Форею поддерживать тесный контакт с де Салиньи и использовать его опыт и советы, хотя французский дипломат лишался права самостоятельного обращения в Париж.

В этих же инструкциях император определил основные стратегические задачи интервенции с точки зрения международных интересов Франции. «Многие Вас спросят, — писал Луи Бонапарт генералу Форею, — с какой целью мы расходуем средства и людей ради возведения австрийского принца на мексиканский трон. При современном состоянии мировой цивилизации благополучие Америки не может не касаться Европы, ибо Америка питает нашу промышленность сырьем и способствует развитию нашей торговли. Мы заинтересованы в том, чтобы Соединенные Штаты были могучими и сильными, однако не в наших интересах, чтобы они захватили весь Мексиканский залив, Антильские острова и Южную Америку, превратившись в монополистов всех продуктов Нового мира. Захватив Мексику и, следовательно, всю Центральную Америку, а также коммуникации между двумя океанами, Соединенные Штаты превратятся в хозяина Американского континента. Если же Мексика отстоит (при поддержке Франции) свою независимость и целостность своей территории, если при*

помощи французского оружия в Мексике будет создано устойчивое правительство, то тем самым будет возведена непреодолимая преграда для вторжения Соединенных Штатов и будут сохранены наши и неблагодарной Испании антильские колониальные владения; наше полезное влияние будет сказываться в центре Америки и распространяться оттуда на север и юг континента, создавая огромные рынки для нашей торговли и обеспечивая нам необходимое сырье для нашей промышленности. Что касается принца, который мог бы занять мексиканский трон, то он будет вынужден всегда действовать в интересах Франции, не только из-за признательности к нам, но и главным образом потому, что интересы его страны будут совпадать с нашими. Он не сможет удержаться на троне без нашего влияния. Таким образом, наша военная честь, скомпрометированная в настоящее время, задачи нашей политики, интересы нашей торговли и нашей промышленности — все это, вместе взятое, обязывает нас предпринять поход на Мексику, укрепить там наш флаг и учредить монархию или правительство, которое по крайней мере стабилизировало бы положение в стране».

Честолюбивый, смелый, блестящий план, в котором учитывалось все, за исключением мнения самих мексиканцев. Это был проект будущего здания, выглядевший заманчиво и соблазнительно на бумаге, но архитектор не учитывал, что он намеревался строить свое здание на зыбком песке. Характерная ошибка завоевателей всех времен и народов, совершая которую они сами себя обрекают на поражение.

Это понимал Монтлюк, француз по национальности, коммерсант, долгие годы живший в Мексике, любивший эту

страну и выполнявший в Париже обязанности мексиканского консула. Он писал патетические докладные записки императору, доказывая всю бесперспективность расширения французской интервенции. На его предупреждения никто не обращал внимания. Он стремился встретиться с генералом Фореем, чтобы разъяснить ему то же самое. Он перехватил генерала на вокзале, когда тот садился в поезд, направлявшийся в Шербург, где его ждала новая армада, готовая отплыть в Мексику.

Заикаясь и волнуясь, Монтлюк стал доказывать генералу, что Франция должна добиваться мира с правительством Хуареса. Свита оттеснила его от генерала, до которого так и не дошел трагический смысл предупреждения мексиканского консула.

Но то, что видел Монтлюк, с еще большей прозорливостью видел тот, с которым расправился росчерком пера Луи Бонапарт, — Хуарес. Он писал Монтлюку в ответ на сообщение о предстоящей посылке в Мексику новых контингентов французских войск: «Императорское правительство принесет нам много бед и много вреда; таковы неизбежные последствия войны, но я могу Вас заверить, ибо вижу и ощущаю пальцами решимость моих соотечественников: независимо от того, какие силы будут брошены против нас, императорское правительство не добьется повиновения мексиканцев и его армии не будут иметь ни одного дня передышки».

21 сентября 1862 года в Веракрус прибыла французская эскадра, на борту которой находилось около 10 тысяч солдат во главе с генералом Фореем и его заместителем генералом Базэном, участником азиатской и итальянской кампаний. Их сопровождала группа прусских офицеров, выступавших в роли наблюдателей. Природа встретила чужеземцев враждебно: в порту бушевал циклон, 13 кораблей затонуло. При высадке погибли, покалечились люди, лошади, мулы. Попортились провиант, амуниция, боеприпасы. Результаты высадки были равны проигранному крупному сражению. Мрачное предзнаменование!

У Форея настроение в результате этого сильно испортилось. Осторожный по натуре, он решил не спешить с началом наступления, ожидая, пока не прибудут все обещанные императором войска. В конце года в Мексике уже находилось около 30 тысяч французских солдат, а на борту французских кораблей, бросивших якорь у берегов Мексики, имелось еще около 10 тысяч моряков. И те и другие были по тем временам отлично вооружены. Их снабжали провиантом, амуницией с Кубы и портов Соединенных Штатов. Но Форей все еще топтался на месте и дальше Орисабы не двигался, чем вызывал острое

недовольство офицерского корпуса, жаждавшего действий и боготворившего заместителя главнокомандующего генерала Базэна, более энергичного и решительного командира. К этим недовольным примкнул и де Салиньи, низведенный теперь до второразрядной должности политического советника, лишенного права самостоятельной переписки с Парижем и, таким образом, возможности блеснуть перед императором своим талантом дипломата-интригана. Де Салиньи был кровно обижен на нового главнокомандующего за то, что тот одним из первых своих актов на мексиканской земле низложил «временного президента» Альмонте, заявив, что впредь в Мексике будут командовать французы, мексиканцам же типа Альмонте отводилась роль наемников, которым предоставлялась сомнительная честь сражаться под французским флагом против своей родины. Что касается Лоренсеза, то вскоре после прибытия в Веракрус Форея он отбыл во Францию, где вышел в отставку и умер всеми забытый в 1892 году.

Хуарес и его сторонники предпринимали все возможные усилия, чтобы закупить за границей оружие, но результаты были ничтожны. Правительство Линкольна, опасаясь прогневать Наполеона III, запретило продажу оружия Мексике, а то, которое можно добыть контрабандным путем, было крайне трудно доставить в страну из-за французской блокады. Из Европы или стран Латинской Америки, в которых господствовали тогда реакционные режимы, ожидать помощи тоже не приходилось.

Тем не менее Хуарес не впадал в уныние. Усиленными темпами велось укрепление системы фортификаций в Пуэбле, которым руководил сподвижник Гарибальди и участник римского восстания 1849 года генерал Гиларди, вступивший добровольцем в ряды мексиканской армии. Росли партизанские отряды. Ополченцы проходили военную подготовку. Хуарес дважды посетил Пуэблу — в декабре 1862 года и в конце февраля 1863 года, лично проверяя оборону города. Население восторженно встречало президента.

В начале сентября 1862 года умер от тифа героический командующий армией Востока генерал Сарагоса, ему тогда едва исполнилось 33 года. Правительство Хуареса увековечило его память, изменив название города, который он отстоял от французов. Теперь Пуэбла де лос Анхелес — Город ангелов — стал именоваться Эроика Пуэбла де Сарагоса — Героический город Сарагоса. Командующим армии Востока после смерти Сарагосы был назначен Гонсалес Ортега. Была создана еще одна — Вспомогательная (резервная) армия, численностью в десять тысяч человек, которая расположилась севернее Пуэблы и

подкрепляла армию Востока. Ее командующим был назначен Комонфорт. На этом настоял Видаурри — каудильо, царек северных провинций.

С Видаурри заигрывали южане, а он сам вел себя вызывающе по отношению к правительству. Чтобы удержать его в качестве союзника, пришлось Хуаресу согласиться с назначением его протеже на вышеуказанный пост. Правда, в этом был известный риск, ведь ни тот, ни другой не отличались постоянством политических взглядов. И все же этот шаг был оправдан, ибо расширял национальный фронт борьбы против французских колонизаторов, возглавляемый Хуаресом и его единомышленниками.

Принятые меры, конечно, укрепляли обороноспособность мексиканцев, но их армия и ресурсы были намного слабее французов, продолжавших упорно наращивать свои силы для нового наступления. Постепенно они захватили Тампико и другие порты Мексики, взяв в гигантское кольцо территорию, находившуюся под контролем мексиканского правительства.

Прогрессивные люди в странах Латинской Америки, Соединенных Штатах, в Европе, в далекой России внимательно следили за этим неравным поединком. Они страстно желали победы Хуареса над французскими завоевателями, понимая, что поражение Луи Бонапарта будет означать победу не только Хуареса, но и передовых сил Франции и других стран. Виктор Гюго заявил, что он на стороне Хуареса. Империя, а не Франция воюет против Мексики, сказал великий писатель. Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу 20 ноября 1862 года: «Если бы мексиканцы (последние из людей!) еще раз поколотили crapaud's (мерзавцев — подразумевается французских колонизаторов. — *И. Л.*), а то эти собаки — мниморадикальные буржуа — даже в Париже говорят теперь о «чести знамени».

В начале марта 1863 года генерал Форей, наконец, отдал своим войскам приказ о наступлении. Он не сомневался в том, что ему удастся без особого труда захватить Пуэблу. Более того, он наметил 15 февраля, день рождения престолонаследника Луи Бонапарта, для своего триумфального входа в город, у стен которого девять месяцев тому назад его предшественник генерал Лорансез потерпел столь позорное поражение.

Однако только 16 февраля авангард армии Форея достиг Пуэблы. Французам понадобилась еще неделя, чтобы осадить город. Форей бросил против Пуэблы почти всю свою армию — 26 300 солдат, включая 2 тысячи мексиканских предателей, которых предоставили ему генералы Альмонте и Маркес. У французов имелось 8 мортир и 50 тяжелых орудий. Силы мексиканцев,

которыми командовал генерал Гонсалес Ортега, не превышали 22 тысяч человек. Артиллерия мексиканцев насчитывала 150 легких разнокалиберных орудий.

23 марта, в день рождения Хуареса, французы начали артиллерийский обстрел Пуэблы, сконцентрировав огонь на южной стороне города, где они надеялись прорвать без особого труда оборону. Их надежды не оправдались. Сопротивление, на которое они натолкнулись, заставило их сразу вспомнить о Севастополе. В Пуэбле каждый дом и каждая церковь — а их имелось около трехсот — были превращены в крепости. Улицы пересекались баррикадами, траншеями, защитными рвами. После восьмидневных непрерывных боев французам удалось овладеть только семью из 158 городских кварталов.

Осажденные сражались неутомимо, изобретательно, мужественно. С поражающей французов быстротой мексиканцы за ночь отстраивали укрепления, разрушенные днем вражеской артиллерией. Французский полковник Баррайль, участник осады Пуэблы, отмечал в своем дневнике: «Мексиканцы защищаются с упорством, которое мы в них далеко не подозревали». А другой француз, капитан Луазильон, писал своей невесте в Париж: «Защита Пуэблы организована и руководится блестяще. Мы не можем воздвигнуть ни одного укрепления без того, чтобы мексиканцы нам его не разрушили в тот же день. Что скажет император, узнав об этом? Ведь он в последней почте самым решительным образом заверил нас, что мы не встретим серьезного сопротивления ни в Пуэбле, ни в Мехико. Мы здесь ведем постыдную войну, сколько вреда причинит она Франции!»

Месяц спустя осада города все еще продолжалась. Форея охватило смятение. То он заявлял, что пожертвует собой и всей армией, но овладеет Пуэблой; то предлагал Гонсалесу Ортеге за предательство баснословную сумму денег и титул президента Мексики (Гонсалес Ортега с негодованием отверг эти посулы); то намеревался снять осаду Пуэблы и пойти на Мехико. Последнюю идею поддерживал де Салиньи. Интриган и на этот раз во всех неудачах винил только военных, утверждая, что если бы они следовали его советам, то и одной роты зуавов хватило бы для разгрома мексиканцев. Со своей стороны, Форей и его офицеры считали де Салиньи виновником своих несчастий, ибо его ложная информация о мнимой слабости правительства Хуареса втянула доверчивого Луи Бонапарта в эту несчастную авантюру.

— Черт возьми, чем вы здесь все эти годы занимались? — с возмущением кричал на своего политического советника под грохот канонады генерал Форей. — Разве вы не знали, что мексиканцы будут так же мужественно обороняться, как то

делали испанцы в Сарагосе?

Сравнение напрашивалось само собой: ведь в начале века, когда войска дяди нынешнего императора французов пытались захватить Испанию, население испанского города Сарагосы оказало им героическое сопротивление. И теперь у стен другой — мексиканской — Сарагосы вот уже второй раз истекает кровью французская армия.

И все же героическая защита Пуэблы не могла продолжаться долго. Прошел месяц, и осажденный город стал испытывать нехватку продовольствия и боеприпасов. Все попытки Резервной армии Комонфорта, которой оказывал максимальную помощь Хуарес, пробиться с обозами продовольствия к Пуэбле, кончались неудачами. В начале мая в городе уже съели всех кошек и собак, защитники и жители Пуэблы гибли больше от голода и истощения, чем от разрушительного огня неприятеля. Снаряды и патроны тоже были на исходе. Но наступило 5 мая, славная годовщина поражения французов, и знамя Мексики продолжало реять над охваченным пожарами мужественным городом.

Еще двенадцать дней длилось сражение за Пуэблу. Все эти дни мексиканцы сражались с такой решительностью, что, когда 16 мая к генералу Форею явился адъютант Гонсалеса Ортеги с предложением начать переговоры о капитуляции, французский главнокомандующий не поверил своим ушам. Он ожидал, что сопротивление мексиканцев будет еще продолжаться несколько недель.

Форей потребовал, чтобы мексиканские офицеры дали письменное обязательство впредь не участвовать в вооруженной борьбе против французов. Генерал Гонсалес Ортега и все его командиры категорически отвергли оскорбительное требование. Защитники города взорвали укрепления и пороховые склады, заклепали пушки. В плену оказалось 20 генералов, 303 офицеров, 1179 младших офицеров и И тысяч сержантов и солдат.

19 мая французская армия во главе со своим главнокомандующим вошла в разрушенный город. Улицы его были пустынны. Город сдался, но не покорился. «Мы в Пуэбле, — писал французский врач Аронсони. — В городе больше нечего было есть, и только голод заставил волка выйти из лесу… Мы, вероятно, постепенно взяли бы большую часть фортов, но никогда не заняли бы город, если только не разрушили бы его полностью бомбардировкой».

Французам победа далась дорогой ценой. По официальным данным, они потеряли 1300 человек убитыми и ранеными, в действительности же их потери превышали 4 тысячи человек. Потеря престижа была еще более чувствительной. Генерал

Гонсалес Ортега и его храбрые бойцы, отражавшие в течение двух месяцев атаки французов, продемонстрировали перед всем миром решимость мексиканского народа отстаивать свою независимость. Моральная победа осталась за защитниками Пуэблы. Их героизм вызывал уважение даже противника. Генерал Форей вопреки настояниям де Салиньи сослать взятых в плен офицеров в Кайену и требованиям Альмонте расстрелять их, отдал приказ выслать пленников во Францию. «Я никогда не допущу, — заявил Форей, — чтобы к пленным, завоевавшим наше уважение, относились бы как к преступникам».

В Париже со вздохом облегчения узнали о взятии Пуэблы. Луи Бонапарт отпраздновал сомнительную победу его войск в Мексике торжественными парадами, артиллерийскими салютами, фейерверками. Казенный восторг не мог скрыть от мирового общественного мнения, какой ценой далась победа императору французов. «Взятие Пуэблы, — не без иронии писал петербургский журнал «Русское слово», — одно из самых блистательных военных действий империи, подвиг, впрочем, тем более драгоценный, чем дороже он обошелся французам… Каждую церковь должно было взять приступом; каждая отдельная куча домов превращена была в крепость, которую жители — и мужчины, и женщины, и девушки, и мальчики защищали сами, вместе с солдатами. Пришлось пушечными ядрами пробивать стены домов и сапом прокладывать подземные ходы… Надо было штыком прокладывать себе дорогу в эти жилища. Год назад генерал де Лоренсез воображал, что будет здесь встречен с восторгом и что из этих самых окон, откуда теперь раздавались ружейные выстрелы, дети будут бросать ему букеты. Он надеялся увидеть здесь улицы, покрытые цветами, и восхитительную улыбку прелестных мексиканок. Как иногда люди ошибаются!»

Впрочем, сами французы, участники штурма Пуэблы, были невысокого мнения о достигнутой ими победе: «Император, — сообщал в Париж своим родным капитан Луазильон, — начал плохо, поддерживая обанкротившуюся и отвергнутую населением партию, и самое убедительное тому доказательство — поведение народа: в Пуэбле, городе-страдальце, французская армия была встречена населением так же холодно, как и в других местах; в Веракрусе, оккупированном нашими войсками уже два года, торговцы закрыли свои лавки в знак траура, а женщины оделись в черное, когда узнали о падении Пуэблы. И еще хуже, Гонсалес Ортега и три других мексиканских генерала бежали из Орисабы. Арестованы три француза, оказавшие им помощь в побеге…»

Капитан Луазильон был не точен: из 20 пленных генералов бежало не 4, а 7, в их числе Порфирио Диас и Берриосабаль; из

303 высших офицеров бежало 193; из 1179 младших офицеров — 772. Бежала и значительная часть пленных солдат. Оставшиеся в плену генералы были высланы во Францию, откуда вскоре скрылись и разными путями вернулись на родину, где, как и остальные бывшие пленники французов, продолжали сражаться с захватчиками. Таким образом, взятие Пуэблы в конечном счете оказалось пирровой победой для французов.

Форей простоял в Пуэбле десять дней, прежде чем собрался с духом и решил продолжать наступление на Мехико, где надеялся разгромить остатки мексиканской армии и закончить свой поход.

Перед Хуаресом стоял выбор: или дать бой французам у стен столицы, или, следуя примеру Кутузова в 1812 году, покинуть ее, перебраться в более отдаленную и недосягаемую для французов местность и оттуда развернуть всенародное партизанское движение против захватчиков, которое в конце концов должно было бы подточить их силы и принести победу мексиканцам.

Вначале Хуарес склонялся к тому, чтобы дать бой французам в столице, превратив ее во вторую Пуэблу. Об этом он заявил нации в манифесте от 20 мая 1863 года. Но выяснив, что в его распоряжении только 12 тысяч плохо вооруженных солдат, в то время как у Форея их имелось вдвое больше, Хуарес решил покинуть столицу и перевести свое правительство в город Сан-Луис-Потоси, расположенный в 360 километрах на северо-западе от Мехико.

31 мая Хуарес выступил на закрытии очередной сессии конгресса с краткой речью. Он выразил твердую уверенность в том, что Мексика, несмотря на потерю Пуэблы, сумеет отстоять свою независимость. Конгресс подтвердил диктаторские полномочия президента на период военных действий против французов и одобрил намерение правительства переехать в Сан-Луис-Потоси. Правительство должна была сопровождать постоянная делегация конгресса, которая как бы являлась его президиумом и была наделена законодательными правами.

В тот же день жители столицы пришли на площадь перед президентским дворцом проститься с Хуаресом. Президент и члены его кабинета вышли на балкон. Под пушечный салют был спущен национальный флаг, развевавшийся над дворцом, и торжественно вручен на хранение президенту. Хуарес поцеловал его, спрятал на груди и воскликнул: «Да здравствует Мексика!» Священный для мексиканцев клич Идальго был подхвачен собравшейся на площади толпой. Никаких речей никто не произносил. Всем было и так ясно, что столицу и страну ждут новые тяжелые и суровые испытания. И все же свидетели этой печальной церемонии надеялись, что еще настанет день, когда

этот священный для мексиканцев флаг, на котором орел, символизирующий нацию, раздирает увивающуюся вокруг кактуса змею, будет вновь поднят на президентском дворце его законным хозяином.

Вечером началась эвакуация правительственных учреждений из столицы. Были вывезены национальный архив, государственная казна и другие ценности, оружие, боеприпасы. В городе были оставлены надежные люди для наблюдения за французами и организации диверсий в их тылу.

Глубокой ночью Хуарес и его министры покинули столицу.

Хуареса сопровождала в отдельном экипаже донья Маргарита с детьми и кубинцем Сантасилией, давнишним другом президента по Новому Орлеану. Вот уже несколько месяцев как Сантасилия находился в Мехико, исполняя обязанности секретаря Хуареса и заботливого помощника доньи Маргариты. Сантасилия выполнял эти обязанности с тем большим удовольствием, так как был помолвлен со старшей дочерью Хуареса.

10 июля правительство Хуареса провело заседание в Сан-Луис-Потоси. Оно одобрило «Манифест к соотечественникам», предложенный Хуаресом. В нем определялись дальнейшие задачи борьбы с интервентами. Президент писал в «Манифесте»:

«Враг, концентрируя свои силы в одном месте, будет слаб в других местах; распыляя свои силы, будет слаб всюду. Он будет вынужден признать, что наша страна не сводится к Мехико и Сарагосе; что энергия и жизнь, сознание права и своей собственной силы, любовь к независимости и демократии, благородная гордость, негодующая против подлого захватчика, покусившегося на нашу землю, — что эти чувства свойственны всему мексиканскому народу. Наполеон III рассчитывал, что затеянное им самое большое преступление XIX века получит поддержку молчаливого и порабощенного народа. Но это оказалось вымыслом кучки предателей.

Обманывались французы, думая овладеть нацией под бряцание своего оружия и рассчитывая завершить свое рискованное предприятие, нарушив законы чести и захватив Сарагосу… Льстя себя надеждой, что уже господствуют над страной, они начинают ощущать огромные трудности, вызванные их безумной экспедицией. Если они потратили столько времени, столько средств, пожертвовали столькими жизнями для того, чтобы добиться лишь незначительных преимуществ и потерять честь и славу в сражениях за Пуэблу, то что их ждет, когда восстанет весь наш народ и полем борьбы станет вся паша обширная страна? Разве стал хозяином Испании Наполеон I, овладев Мадридом и другими городами королевства? Покорил ли

он Россию, захватив Москву? Разве не изгнали с позором армию агрессоров эти народы? Разве мы не сделали то же самое с реакционной партией, хотя в ее руках и находилась наша древняя столица? И разве мы не свергли власть испанских колонизаторов во всех наших городах?»

Манифест оканчивался призывом к единству всех мексиканцев в борьбе с интервентами за независимость и свободу родины.

Мексика не сдавалась, Мексика продолжала сражаться…

МАКСИМИЛИАН БРОСАЕТ ЖРЕБИИ

2 июня авангард французской армии вошел в столицу, а 10 июня во главе остальных частей в сопровождении Альмонте и де Салиньи вступил в Мехико генерал Форей. В тот же день он хвастливо сообщил Луи Бонапарту, что население столицы встретило его с «энтузиазмом, граничившим с безумием».

Иного мнения был капитан Луазильон. Он писал в Париж: «Только в немногих местах нам аплодировали и бросали цветы, да и то эти редкие демонстрации симпатии были организованы полицией и военным комендантом города. Тем не менее главнокомандующий принял их за чистую монету, тщеславие не позволило ему оценить объективно создавшуюся здесь обстановку».

С приходом французов в столицу подняли голову церковники. Они устроили в честь оккупантов торжественный молебен в кафедральном соборе, на котором присутствовал генерал Форей со своим генеральным штабом. Духовенство надеялось с помощью французов вернуть себе имущество, конфискованное правительством Хуареса. Форей обещал церкви всяческую поддержку и покровительство, однако о возврате имущества умолчал, опасаясь ожесточить его новых владельцев.

Захватив столицу, Форей и его советники сочли, что они завоевали всю Мексику, что правительства Хуареса больше не существует, что осталось решить только политическую задачу: оформить провозглашение монархии и возвести на мексиканский престол эрцгерцога Максимилиана.

Политическая задача была «решена» почти с молниеносной быстротой. 18 июня Форей созвал Верховную правительственную хунту в составе 35 человек, назначенных им по совету де Салиньи и Альмонте. В хунту вошли отъявленные реакционеры — бывшие министры и чиновники Санта-Анны и Мирамона.

21 июня это сборище по указанию Форея избрало «регентский совет» в составе Альмонте, архиепископа Лабастиды (он находился во Франции и его замещал епископ Мехико) и генерала Саласа, старого дружка Санта-Анны, занимавшего в 40-х годах пост временного президента Мексики. Хунта, созвав ассамблею «нотаблей» из 215 человек, самораспустилась.

Ассамблея «нотаблей» действовала с не меньшей быстротой, чем хунта. 10 июля она постановила учредить монархию с «католическим принцем» во главе, которому присваивался титул императора Мексики. Императорскую корону ассамблея решила предложить эрцгерцогу Максимилиану, а в случае его отказа —

«католическому принцу» по выбору Наполеона III.

Казалось, лучшего французам и не надо. И все же капитан Луазильон не разделял официального энтузиазма и на этот счет: «Мы устраиваем по поводу решений ассамблеи фейерверки и парады, между тем мексиканцы относятся к ним с возмутительным безразличием. Они не проявляют никакой дружбы к нам; мы в том же положении, что и в первый день; мы не смогли установить даже самых поверхностных связей с какой-либо мексиканской семьей. Население понимает, что все наши разговоры о всеобщем избирательном праве — грубое издевательство, ибо мы являемся хозяевами только оккупированных нами местностей. Из всей территории страны в наших руках только Веракрус, Орисаба, Пуэбла и Мехико».

Генерал Форей по совету де Салиньи наградил орденом Почетного легиона Альмонте, Маркеса и других контрреволюционных вожаков, известных своими грабежами и насилиями. Французские офицеры были шокированы этими награждениями. Они считали, и не без основания, Альмонте, Маркеса и им подобных «вождей» нации проходимцами, связь с которыми компрометирует французов в глазах мексиканского населения и может вызвать только ожесточение к их кандидату на императорский престол — эрцгерцогу Максимилиану.

Если решения ассамблеи «нотаблей» не встречали поддержки даже среди офицеров экспедиционного корпуса, то в Европе этот спектакль, поставленный не очень искушенным в политике Фореем, и подавно никого обмануть не мог. Фарс, разыгранный «нотаблями», показал, к каким жульническим комбинациям был вынужден прибегнуть Луи Бонапарт, чтобы навязать Мексике своего ставленника Максимилиана в роли опереточного императора. Комментируя эти действия императора французов, Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу 15 августа 1863 года: «Этот царственный Ласарильо с Тормеса[7] — карикатура теперь уже не только на своего дядю, но и на самого себя. Ибо «плебисцит» в Мексике — великолепная карикатура не только на тот плебисцит, посредством которого он сделался французом сам, но и на тот, при помощи которого он сделал французскими Ниццу и Савойю[8]. Для меня не подлежит сомнению, что на Мексике он сломает себе шею, если еще до того не будет повешен».

Даже Максимилиан, которому по поручению «нотаблей» делегация в составе Гутьерреса де Эстрады, Идальго и прибывшего из Мексики священника Миранды предложила корону императора Мексики, заявил, что соизволит ее принять только в том случае, если большинство населения выскажется в его поддержку. А как можно было добиться этого «высказывания»,

если генерал Форей твердо обосновался в столице и вовсе не думал продолжать конкисту Мексики, территория которой, за исключением уже упомянутых четырех городов, находилась под контролем правительства Хуареса?

Луи Бонапарт отдавал себе отчет в том, что, опираясь только на такие одиозные для мексиканцев личности, как Альмонте и Мирамон, французы никогда не смогут создать в Мексике действенное коллаборационистское правительство, способное таскать для них каштаны из огня. Он хотел привлечь на свою сторону мексиканскую буржуазию и умеренных либералов, не скупясь на посулы в их адрес. Но проводники его политики Форей и де Салиньи слишком дискредитировали и скомпрометировали себя связями с махровой реакцией, чтобы заручиться сотрудничеством буржуазии и умеренных либералов. Новый курс требовал новых людей. Мавры сделали свое дело, мавры должны были уйти.

В конце июля 1863 года генерал Форей получил звание маршала Франции вместе с приказом Луи Бонапарта передать командование экспедиционным корпусом генералу Базэну и вернуться во Францию. Одновременно с новым маршалом отзывался во Францию и де Салиньи. На место посланника был назначен маркиз де Монтолон. Маршал Форей с трудом расстался с полюбившимся ему постом французского вице-короля Мексики. Он считал, что Париж, отзывая его, помешал ему закончить «постройку» мексиканской империи. Только в начале октября весьма ограниченный и тщеславный вояка покинул берега Мексики.

Такую же «любовь» к Мексике проявил и де Салиньи. За отъезд из Мексики он требовал откупа: возмещения убытков, якобы понесенных им при исполнении обязанностей посланника. Ему чуть не удалось сорвать солидный куш. Ассамблея «нотаблей», составленная из его креатур, постановила выдать ему «кредит» в 570 тысяч песо. Генерал Базэн, сменивший к тому времени на посту главнокомандующего Форея, отказался санкционировать эту скандальную аферу. Де Салиньи все же нашел способ получить за свои «убытки» компенсацию: он женился на молодой креолке, наследнице крупного состояния, прибрав которое к рукам французский дипломат, наконец, соизволил подчиниться приказу своего императора и отбыл в Париж прожигать в его кафешантанах добытые в таких «муках» мексиканские пиастры.

Из всех четырех французских проконсулов в Мексике генерал Базэн, несомненно, был наиболее умным и хитрым. Новый главнокомандующий, в прошлом офицер Иностранного легиона,

сделавший карьеру на колониальных войнах, как и его повелитель Луи Бонапарт, прекрасно понимал, что французы и их ставленник Максимилиан не смогут удержать власть в стране, опираясь только на мексиканских монархистов типа Альмонте и ему подобных реликтов санта-анновских времен. Но и он не смог отделаться от этих политических мертвецов, слишком крепко державших его в своих руках. Под их контролем находилась вооруженная французами «монархическая» армия, численность которой достигала к концу 1863 года 8 тысяч солдат. Правда, Базэн не мог рассчитывать на этих солдат в войне против Хуареса, но и не мог себе позволить лишиться их поддержки, ибо всегда лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небесах. Он не мог отказаться и от поддержки духовенства, прославлявшего во всех церквах (под охраной французских штыков!) «благодетеля» Мексики императора Наполеона III и его избранника на мексиканский престол будущего императора Максимилиана. Это черное воинство с рвением гнуло спину перед французами, но не из любви к ним, а из расчета: оно надеялось, что захватчики вернут церковную собственность ее «законным» владельцам. Именно этого требовал вернувшийся из Ватикана архиепископ Лабастида, ставший ведущим членом регентского совета. Базэн пытался и невинность соблюсти и капитал приобрести, но это оказалось выше его сил и способностей. Объединить в одну упряжку мексиканских монархистов и попов с умеренными либералами он не смог, хотя и старался сделать это.

Базэн предпринял поход в северную Мексику, стремясь одним ударом убить двух зайцев — поймать или на худой конец изгнать за пределы Мексики Хуареса и его правительство и провести плебисцит в пользу монархии и Максимилиана. Обе эти задачи на первый взгляд ему удались. Он совершил 700-километровый поход по Мексике, все сражения с хуаристами выиграл в том смысле, что хуаристы всегда уступали французам поле боя, правительство Хуареса он выбил сперва из Сан-Луис-Потоси, потом из Монтеррея, потом из Сальтильо и загнал его на самую границу с Соединенными Штатами — в Пасо-дель-Норте. И тем не менее покончить с сопротивлением мексиканцев ему не удалось. Правительство Хуареса продолжало существовать, продолжало бороться против интервентов, продолжало управлять страной, в то время как французы, и это признал сам Базэн, управляли только в радиусе действия их ружей и орудий.

Что касается плебисцита, то и здесь успех был мнимый. Во всех местностях, где проходила французская армия, составлялись акты, согласно которым местное население якобы высказывалось за монархию и возведение на императорский трон

Максимилиана. Мексиканцев заставляли силой и угрозами подписывать эти акты, или сами французы подписывали их за мексиканцев. Базэн доложил в Париж, что из восьми с половиной миллионов человек, составлявших тогда население Мексики, за монархию и Максимилиана проголосовало шесть с половиной миллионов, однако сам Базэн отлично знал, что эта астрономическая для Мексики цифра голосующих была им взята с потолка, чтобы угодить своему повелителю Наполеону III.

Между тем архиепископ Лабастида угрожал французам отлучением от церкви, если они не вернут ей конфискованную собственность. Базэн отказался удовлетворить требования архиепископа и изгнал его из регентского совета. Лабастида обвинил французов в преследовании религии. Но до полного разрыва не дошло. Прелат понял, что его мечта создания теократического государства под эгидой французов несбыточна, и подчинился. Он надеялся добиться большего у Максимилиана. Базэн, со своей стороны, нуждался в поддержке церковников. В конечном итоге обе стороны пришли к соглашению, основой которого послужило обещание Базэна взять содержание духовенства на счет государства.

Несмотря на все промахи Базэна, положение Хуареса оставалось весьма сложным и даже опасным. Постоянные отступления, переходящие чуть ли не в бегство, отсутствие средств и оружия, мелочность и ограниченность провинциальных каудильо, не желавших считаться с национальными интересами страны, — все это оказывало разлагающее влияние на ближайшее окружение президента. Не все его министры и генералы верили, что в этих условиях мексиканский народ сможет выйти победителем из поединка с французскими оккупантами. От неверия один шаг к предательству. Маловеры выступали за компромисс с французами. На каких условиях? На условиях признания законов реформы и отказа французов от введения монархии. Причем сторонники компромисса готовы были, чтобы добиться больших уступок у французов, пожертвовать даже Хуаресом. И делалось все это чуть ли не на виду у Хуареса!

Кто же дрогнул из видных хуаристов в этот грозный для республики час? Легче было бы ответить на вопрос, кто из них не дрогнул. В Сан-Луис-Потоси Хуарес реорганизовал правительство. Министром иностранных дел был назначен генерал Мануэль Добладо, министром юстиции — Себастьян Лердо де Техада, министром финансов — Нуньес, военным министром — Комонфорт, которого навязал Хуаресу лее тот же Видаурри. Из них только Нуньес не дрогнул, остальные выступили за компромисс с французами, даже если нужно было пожертвовать

для этого их президентом.

Комонфорт 13 ноября 1863 года был убит в стычке с мятежным отрядом и таким образом выбыл из числа тех, кто за спиной Хуареса пытался договориться с французами. Остальные продолжали плести нити заговора.

3 января генерал Мануэль Добладо обратился с письмом к Хуаресу, в котором просил его подать в отставку и уступить свое место генералу Гонсалесу Ортеге, чтобы позволить правительству вступить в переговоры с французами на предмет заключения с ними мира. Дело в том, что Наполеон III публично заявил: французы никаких переговоров с мексиканским правительством, возглавляемым Хуаресом, вести не намерены. Это был открытый призыв к неустойчивым элементам в лагере либералов избавиться от президента. И на этот крючок попался Добладо и его единомышленники.

Хуарес очень спокойно отреагировал на требование Добладо. Он ответил ему письмом, в котором доказывал, что его отставка причинила бы только вред делу Мексики, ибо, по существу, означала бы ликвидацию законного правительства страны. Она вызвала бы хаос, анархию в республиканском лагере, что было бы только на руку французам, которые добиваются не столько устранения его, Хуареса, с поста президента, сколько завоевания всей страны. Любой компромисс с французами, доказывал Хуарес, привел бы к потере независимости. Поэтому он решительно отказывается подать в отставку и призывает Добладо и его единомышленников продолжать на своих постах борьбу с французами, сохранять и крепить единство либерального лагеря — залог победы над врагом.

Почему Хуарес так мягко поступил по отношению к Добладо и его единомышленникам? Да просто потому, что у президента не было другого выхода. Разрыв с Добладо и другими неустойчивыми элементами мог толкнуть их в объятия французов.

Базэн, до которого дошли слухи о разногласиях в республиканском правительстве, решил, что оно дышит на ладан, и потребовал от Добладо и его сторонников безоговорочной капитуляции. Добладо отказался принять это требование и продолжал сотрудничать с Хуаресом. Его единомышленники не проявили такой стойкости.

Губернатор Нового Леона, крупный помещик Видаурри восстал против Хуареса и пытался у себя в штате провести голосование: «за» или «против» присоединения к империи. Хуарес отстранил его от власти, Видаурри бежал в Техас, а потом перешел на службу к французам. Перебежал к французам и

генерал Хосе Лопес Уранга, командовавший армией Центра. Объявился в Веракрусе и предложил французам свои услуги и старый предатель Санта-Анна. Он обратился к населению с манифестом, в котором претендовал на роль наместника Максимилиана. Французы возмутились и выслали его из страны.

Пока происходили эти события в Мексике, Максимилиан, не сомневавшийся в том, что зуавы генерала Базэна обеспечат ему «волеизъявление» мексиканского народа, направился с супругой Шарлоттой в Париж на поклон к своему благодетелю Луи Бонапарту. «Я даю Вам трон на груде золота», — заявил эрцгерцогу Луи Бонапарт. 12 марта 1864 года в Париже будущий император Мексики и император французов заключили договор с тремя секретными статьями, определявшими их будущие отношения. В этих документах французы обещали эвакуировать свои войска из Мексики после того, как будет создана Максимилианом своя армия. Но это была всего лишь уловка. В действительности согласно договору после эвакуации в Мексике остались бы 8 тысяч французских солдат сроком на 6 лет под видом Иностранного легиона. Офицеры этого легиона продолжали бы числиться в кадрах французской армии.

За императорскую корону Максимилиан по договору обязался выплатить Франции 270 миллионов франков. В эту сумму Наполеон III оценивал расходы мексиканской экспедиции до 1 июля 1864 года включительно. Максимилиан обязался также содержать французскую армию в Мексике (из расчета 1000 франков на солдата), оплатить.2400 тысяч франков за перевоз военных грузов из Франции в Мексику и признать финансовые претензии Франции к Мексике, включая долг спекулянту Жеккеру. Всего Максимилиан обязался выплатить французам около 400 миллионов франков.

В секретных статьях Наполеон III обещал при «любых обстоятельствах» в Европе оказывать помощь Максимилиану, который, в свою очередь, обязался одобрить все распоряжения Базэна.

Максимилиан любил разглагольствовать о долге, чести и благородстве, высоких принципах христианской морали. За завесой этих пышных фраз скрывался самовлюбленный эгоист, мечтавший за чужой счет жить в роскоши, купаться в золоте.

Хуарес послал в Европу специального представителя Хесуса Терана, чтобы он встретился с Максимилианом и предупредил его: мексиканцы никогда не согласятся с навязанной им французскими штыками монархией и императором. Теран выполнил поручение президента, встретился с Максимилианом, сказал ему: «Не рискуйте своей жизнью, откажитесь от

предложенного вам Наполеоном III мексиканского трона, мексиканцы будут сражаться за свою свободу и независимость, и в конце концов вам придется нести ответ за свои поступки». Встретился с ним и наш старый знакомый сэр Чарлз Уайк. И он предупредил эрцгерцога: «Не пускайтесь в авантюру, которая может кончиться для вас трагедией». Максимилиан остался глух к предупреждениям. Он жаждал стать императором и готов был уплатить за этот титул любую цену. Этого жаждала и Шарлотта. Бездетная, она надеялась, что чудодейственный климат Мексики поможет ей завести потомство.

В начале апреля 1864 года Максимилиан вернулся в свой дворец Миримар под Триестом, где его вновь посетили Гутьеррес де Эстрада, Идальго и Миранда. 10 апреля он дал им официальное согласие стать императором Мексики. В тот же день он подписал заключенные с Наполеоном III соглашения.

14 апреля самозванная императорская чета поднялась на австрийский фрегат «Новара», который, эскортируемый французским корветом и двумя австрийскими кораблями, направился в Рим. Там Максимилиана благословил папа Пий IX, напомнивший ему, что церковь ждет возвращения конфискованного Хуаресом имущества. Максимилиан установил дипломатические отношения между новой империей и папским престолом, прерванные ранее Хуаресом. Пий IX обещал прислать в Мехико своего дипломатического представителя — нунция.

Поцеловав туфлю папы римского, новый император отбыл на том же фрегате «Новара» в сопровождении французского корвета в Мексику. У Азорских островов повстречались английские военные корабли, приветствовавшие его 21 пушечным салютом, как и полагается императору. Максимилиан был в восторге: этот салют означал признание Англией его нового титула. Он не ошибался. Правительство Пальмерстона действительно вскоре признало его и аккредитовало при нем нового посланника.

В пути Максимилиан был очень занят. Он трудился над составлением правил придворного церемониала — пухлого фолианта в несколько сот страниц. В часы досуга император сочинял послание Бенито Хуаресу, приглашая его встретиться в столице и обещая ему «видное положение» в империи за отказ от поста президента.

У Антильских островов «Новару» заметили с другого французского корабля, на борту которого возвращался домой Баррайль, произведенный за свою службу в Мексике из полковников в генералы. Эта встреча позволила Баррайлю дописать последнюю страницу в его мексиканском дневнике:

«Бедный Максимилиан! Несчастный мечтатель! Я сильно

опасаюсь, что затеянное им предприятие закончится крахом».

Французский мемуарист, как показали последующие события, действительно оказался проницательным наблюдателем.

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

28 мая 1864 года Максимилиан и Шарлотта высадились в Веракрусе. Французские власти сделали все возможное, чтобы создать хоть видимость народного энтузиазма по поводу прибытия императорской четы, но это им не удалось. Максимилиан отметил, что Веракрус их встретил «ледяным холодом».

Не задерживаясь в негостеприимном порту, императорский кортеж поспешил в Пуэблу, где местное духовенство и богатеи встретили путешественников хоругвями и триумфальными арками. Отсюда Максимилиан отправил письмо Хуаресу. В столице Базэн и предатели Мирамон, Маркес, архиепископ Лабастида приветствовали Максимилиана военным парадом и торжественным богослужением в кафедральном соборе.

Максимилиан и Шарлотта поселились в Чапультепекском дворце, организовали двор с адъютантами, придворными, фрейлинами, личной гвардией императора и зажили под охраной французских штыков всамделишной императорской жизнью. Максимилиан назначил правительство из представителей самых зажиточных семейств страны, создал марионеточную ассамблею из 35 человек, куда вошли известные клерикалы и консерваторы, занялся изготовлением всевозможных декретов, распоряжений, законов, приказов, печатавшихся в Официальном бюллетене, выходившем дважды в месяц. Он больше походил на графомана, чем на законодателя: плоды его законотворчества занимают семь пухлых томов. Император давал пышные приемы, рауты, балы, обеды. За первые полгода он устроил 70 званых завтраков, 20 банкетов, 16 балов и 12 приемов, израсходовав только на вино свыше 50 тысяч песо. Он учреждал ордена, медали, придворные звания и титулы, позировал живописцам, собирался строить театр, создавать академию наук. Он даже разработал морской кодекс для мексиканского флота, которого не было и в помине. Он мечтал распространить свою власть на Южную Америку, планировал женить своего младшего брата на дочери бразильского императора.

Максимилиан изучал испанский язык, ловил бабочек (он был завзятым энтомологом), расточал всем любезности, улыбки, давал всевозможные обещания. Занимался военными делами, изучал церковный вопрос. Одним словом, развивал, что называется, бурную, многостороннюю деятельность, которая должна была доказать всем и каждому, что император Максимилиан всерьез принимает свой пост, что он одержим

стремлением принести пользу своей новой родине, что он трудолюбив, обаятелен и мудр.

Максимилиан попытается привлечь на свою сторону симпатии индейцев разглагольствованиями о необходимости улучшения их печальной участи.

Он попытается придать своему режиму национальный характер, мексиканизироваться по крайней мере внешне. Он будет превозносить Идальго и Морелоса, отмечать национальные праздники (5 мая не в счет), ходить в мексиканском сомбреро, есть наперченные донельзя традиционные мексиканские блюда, рядиться в тогу демократа.

Высмеивая это стремление Максимилиана перевоплотиться в мексиканца, журнал «Русское слово» писал в начале 1865 года: «Единственная вероятность, которая представляется императору, чтобы защитить свой трон против клерикалов и против республиканцев, это татуировать себе живот, продеть в ноздри кольца, расписать в голубой и красный цвета эрцгерцогиню, опоясать ее повязкой из перьев, одним словом, сделаться больше индейцем, чем сами индейцы».

Вначале казалось, что этот молодой красавец голубых кровей и с голубыми глазами, столь редкими в Мексике, и его красавица супруга будут иметь успех, тем более что с их приездом французские войска при поддержке отрядов предателей вновь энергично взялись за очистку штатов от сторонников Хуареса. Сам же президент, блуждавший по пустынным северо-западным штатам в полуразвалившейся карете, сопровождаемый кучкой фанатиков, давно уже стал в глазах французов призраком, за которым и гоняться не стоило.

И все же этот призрак дал о себе знать Максимилиану. Не прошло и двух недель после приезда императора в столицу, как в его кабинете на столе был обнаружен неизвестно кем и как туда доставленный ответ Хуареса на его послание:

«Максимилиану Габсбургу, Монтеррей, 28 мая 1864 года.

Милостивый государь!

Я отвечаю Вам на Ваше письмо от 22-го прошлого месяца, к этому меня обязывает долг политика и воспитанного человека. Пишу в спешке и без всякой предварительной подготовки; как Вы можете предположить, ответственный и важный пост президента Республики отбирает у меня все мое время, даже часы ночного отдыха. Судьба нашей нации в опасности, и я согласно моим принципам и присяге призван защитить национальную целостность, суверенитет и независимость. Я должен работать не покладая рук, чтобы соответствовать святому доверию народа, которым он согласно своим правам меня наделил.

И все же я намерен, хотя бы вкратце, ответить на основные пункты Вашего письма.

Вы пишете, что, отказавшись от права наследства на трон в Европе, покинув родных, друзей и свое состояние и самое дорогое для человека — свою родину, Вы и Ваша супруга донья Шарлотта прибыли в эти далекие и неизвестные края только в ответ на спонтанный зов народа, уповающего на то, что Вы ему обеспечите счастливое будущее. Мне было известно, что предатели моей родины, представляющие только самих себя, предложили Вам в Мирамаре мексиканскую корону. И это Вы называете «спонтанным зовом народа»? Но о каком народе может идти речь, если Вы пользуетесь услугами таких людей, как Маркес, и окружаете себя отбросами мексиканского общества? Теперь Вы приглашаете меня явиться в Мехико, куда Вы направляетесь, с тем чтобы участвовать в конференции, на которую будут приглашены и мексиканские командиры, возглавляющие отряды Сопротивления, Вы обещаете всем необходимую охрану в пути и в качестве гарантии безопасности Ваше честное слово и личный авторитет. Но чего стоят клятва и честь наполеоновского агента, человека, опирающегося на офранцуженных мексиканцев, человека, который представляет интересы страны, вероломно нарушившей Соледадское соглашение?

Вы мне говорите, что конференция, в случае если я приму в ней участие, породит мир и с ним благополучие мексиканского народа и что империя, поручив мне видный пост, будет опираться впредь на мои таланты и на мой патриотизм. Действительно, сударь, современная история знает великих предателей, нарушивших свои клятвы и обещания, изменивших своей партии, своему прошлому и всему, что есть святого в честном человеке. Известно, что предатель совершает свои черные дела, одолеваемый преступной страстью к власти и подлым стремлением удовлетворить свои личные амбиции и даже свои пороки. Но занимающий сейчас пост президента Республики — сын народа, и он скорее погибнет — если провидением ему это предназначено, чем нарушит данную им присягу или поступит вопреки велениям своей совести.

Добавлю только одно замечание. Человек может покушаться на права других, грабить их, убивать тех, кто защищает свою родину, превращать их добродетели в преступления, свои же собственные пороки — в добродетели, но одно ему недоступно — избежать сурового приговора истории. История нас рассудит, сударь. Я Ваш п. с. (покорный слуга) Бенито Хуарес».

Хотя «покорный слуга» оказался несговорчивым, Максимилиан не унывал. Базэн заверял его, что мексиканское

правительство развалилось, а сам Хуарес вот-вот покинет пограничный городок Пасо-дель-Норте и скроется в Соединенные Штаты.

Только в Оахаке, на родине Хуареса, оказывал организованное сопротивление французам генерал Порфирио Диас, у которого было около 2800 бойцов. Против него направил Базэн десять тысяч французских солдат и тысячу предателей. Им удалось окружить Диаса и вынудить к сдаче. Диас был заточен в Пуэбле, в монастыре, превращенном в тюрьму. Вскоре он бежал, перебрался в штат Герреро, где действовал неутомимый генерал Хуан Альварес, герой аютльской революции. «Я еще жив, мексиканцы, — писал Альварес в одном из своих воззваний к населению. — Пускай трепещут тираны. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Действия партизан не смущали Максимилиана, пока его охраняла армия Базэна, возведенного вскоре после прибытия императора в маршалы. Базэн даже счел возможным вернуть во Францию бригаду войск. Ее заменили шесть тысяч австрийских и 1200 бельгийских «добровольцев». У Максимилиана были тогда другие заботы: он пополнял свою истощавшую личную казну, скупал дворцы и земельные участки через своих доверенных лиц — начальника личной канцелярии бельгийского инженера Элуана и личного секретаря Шерценлехнера, в прошлом лакея. Впрочем, последний и теперь выполнял свои лакейские обязанности. При его помощи император установил интимную связь с одной креолкой, которая родила ему дочь, что его крайне обрадовало, учитывая, что от Шарлотты детей у него не было. Но что за император без престолонаследника? И вот по совету Альмонте, ставшего теперь главным церемониймейстером императорского двора, Максимилиан берет на воспитание внука Итурбиде, своего неудачливого предшественника на мексиканском троне, обещая со временем его усыновить.

— Маршал Базэн тоже решил обрести личное счастье в Мексике.

Военная карьера ему удалась, семейное счастье — нет. Воюя в Марокко, он влюбился в местную куртизанку. Базэн женился на ней и привез в Париж, представил свету. А затем разразился скандал: мадам Базэн была уличена в измене мужу и покончила с собой. В Мехико объектом страсти 54-летнего маршала стала 17-летняя сеньорита Пепита де Пенья, дочь того самого Пеньи, который подписал с американцами позорный договор Гуадалупе — Идальго. Сеньорита Пепита не устояла перед чарами своего ухажера, годившегося ей в деды, и вышла за него замуж. На свадьбе в роли посаженных выступили Максимилиан и Шарлотта.

Император, чтобы привязать маршала еще крепче к себе и к Мексике, преподнес ему в качестве свадебного подарка великолепный дворец с условием: если маршал покинет страну, то дворец вновь вернется к императору.

Между тем прибывшие в Мехико, папский нунций и духовенство все более настойчиво требовали от Максимилиана возвращения церковной собственности. Максимилиан же, считая, что церковникам все равно некуда деваться (не перейдут же они в лагерь Хуареса!), решил признать основные законы реформы, в том числе конфискацию церковной собственности. Максимилиан рассчитывал этим актом привлечь на свою сторон *у* буржуазные слои, но он этого не добился, ибо к тому времени уже мало кто верил в прочность его режима.

«Церковники, — комментировал Хуарес эти маневры, — теперь недовольны Максимилианом, предавшим их фактическим принятием законов реформы. Настоящие либералы не столь наивны, чтобы перебежать к нему только потому, что он принял некоторые законы реформы. Он не понимает, что даже если бы он принял целиком и полностью все наши законы, мы не подчинились бы ему, ибо прежде всего защищаем независимость и достоинство нашей страны. Когда же иностранец вмешивается в наши дела с помощью штыков и стремится, подобно Максимилиану, навязать свою деспотическую волю, мы будем воевать против него насмерть и отвергнем все его предложения, даже если он посулит нам манну небесную. Мы не нуждаемся в том, чтобы иностранцы приходили к нам осуществлять за нас реформы, мы сами осуществили их без какой-либо посторонней помощи».

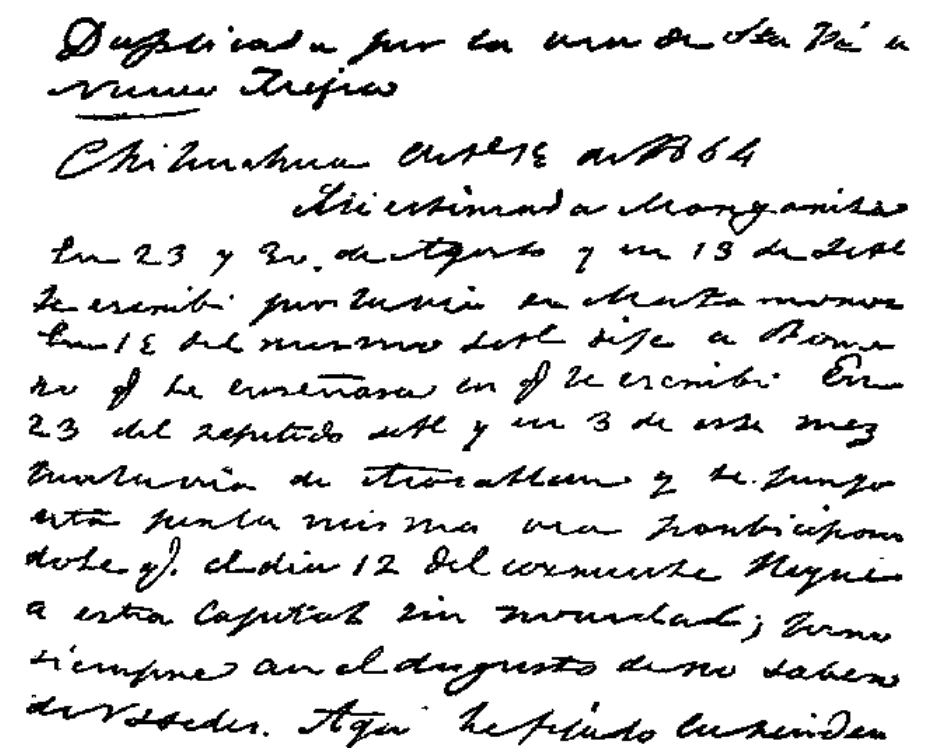
Чистые либералы продолжали оставаться чистыми, они и не думали складывать оружия. Освободительная война продолжала полыхать по всей стране, партизанское движение ширилось, среди французских солдат росло недовольство. Многие французы, которым давно уже опостылела эта бессмысленная колониальная авантюра, мечтали только об одном: как бы поскорее вернуться восвояси, к своим семьям.

Хуарес тоже разлучился со своей семьей во второй половине 1864 года. В Сальтильо, где она временно обосновалась, родился его последний сын — Антонио, вскоре стала матерью и старшая дочь Хуареса, Мануэла, вышедшая замуж за кубинского революционера Сантасилию. Она родила девочку, сделав дона Бенито дедушкой.

Донья Маргарита со свойственными ей мужеством и стойкостью переносила все трудности, выпавшие на долю семьи во время кочевой жизни по пустынным штатам северо-западной

Мексики. Сколько раз приходилось донье Маргарите с детьми спасаться от погони французских отрядов, засад предателей, терпеть голод, испытывать всевозможные лишения…

Опасаясь, чтобы кто-нибудь из его родных не попал в руки врагов, Хуарес направил семью в Соединенные Штаты, поручив Сантасилии все заботы по ее устройству и быту в этой стране.



Факсимиле письма Хуареса донье Маргарите.

Семья переехала с Сантасилией в Нью-Йорк. Письма от родных приходили к Хуаресу иногда с двухмесячным опозданием. Отсутствие сведений о семье удручало президента, он сильно переживал невзгоды и несчастья, преследовавшие его близких в Соединенных Штатах. Там умерли два сына Хуареса — Хосе и Антонио. Скупой на выражение своих чувств, Хуарес трогательно утешал в письмах донью Маргариту, которая после смерти сыновей в чужой стране, разлученная с любимым мужем, пришла в полное отчаяние. Только благодаря заботам Сантасилии удалось поправить пошатнувшееся здоровье доньи Маргариты, наладить воспитание детей.

Хуарес в своих письмах жене и зятю подробно сообщал о состоянии дел в Мексике, о борьбе с французскими интервентами, о положении в правительственном лагере. Его

письма проникнуты верой в победу.

Хуарес часто спрашивал у Сантасилии, что думают в Соединенных Штатах о событиях в Мексике.

Пока шла гражданская война в США, заручиться какой-либо существенной, практической помощью со стороны правительства Линкольна но представлялось возможным. Ромеро, представитель Мексики в Вашингтоне, Добладо и Гонсалес Ортега, находившиеся там же, пытались закупить оружие, боеприпасы, вербовать добровольцев, но все это стоило огромных средств, кроме того, американцы требовали взамен предоставления им земельных концессий, особых прав и привилегий. Эти требования отвергались Хуаресом, который предупреждал Ромеро быть начеку и не соглашаться ни на какие комбинации, ущемляющие национальный суверенитет Мексики.

26 января 1865 года Хуарес писал Ромеро в Вашингтон: «Некоторые люди, как Вы мне пишете, предлагают уступить им часть нашей территории в обмен на помощь. Такие предложения не только антинациональны, но и вредны для нашего дела. Нация, через свой законный орган — конгресс, ясно и решительно заявила, что осуждает всякую уступку или сдачу в залог каких-либо частей своей территории. Если мы нарушим эту директиву, народ восстанет против нас, и мы тем самым поможем нашим врагам завершить завоевание. Враг может вторгнуться в нашу страну и грабить нас, если такова наша судьба, но мы не вправе узаконить это преступление, отдавая добровольно то, что от нас пытаются отобрать силой. Если Франция, Соединенные Штаты или любая другая страна захватит часть нашей территории я мы из-за нашей слабости не сможем изгнать их оттуда, мы тем не менее должны будем оставить грядущим поколениям право вернуть эти земли. Несомненно, было бы огромным злом, если бы более сильному противнику удалось нанести нам поражение, но будет несравненно хуже, если мы лишим наших сынов их законных прав на нашу землю, чтобы в будущем люди, по сравнению с нами более мужественные, патриотичные и выносливые, не смогли бы их использовать и вернуть то, что мы потеряли».

Текст этого письма после смерти автора был отлит в бронзе и навечно установлен в назидание потомству в его кабинете — в Национальном дворце в Мехико, где размещен теперь музей Хуареса.

Положение резко изменилось к лучшему после того, как в апреле 1865 года северяне разгромили южан и заставили их капитулировать. Теперь правительство Соединенных Штатов могло говорить более решительным языком с Наполеоном III.

Президент Джонсон, пришедший к власти после трагической гибели Линкольна, и государственный секретарь Сьюард потребовали от Наполеона III эвакуации французских войск из Мексики. В подкрепление своих требований американцы сконцентрировали на мексиканской границе 100 тысяч солдат. Донья Маргарита была демонстративно приглашена в Вашингтон, где ее принял Джонсон, а Сьюард устроил в ее честь прием. Американским послом при Хуаресе был назначен генерал Шерман, один из героев гражданской войны. Все эти действия создавали впечатление о возможности активного вмешательства Соединенных Штатов в мексиканские дела. Правда, сам Хуарес был уверен, что США не станут воевать с Францией из-за Мексики. «Волки не кусают волков: они уважают друг друга», — писал Хуарес об отношениях между Соединенными Штатами и Францией.

Правительство Соединенных Штатов без восторга относилось к Хуаресу, более того, пыталось заменить его все тем же предателем Санта-Анной. В начале 1866 года Сьюард на военном корабле неожиданно выехал на карибский остров Сент-Томас, где жил в то время Санта-Анна. Согласно информации, полученной Ромеро от русского посланника в Вашингтоне барона де Штёкла, Сьюард намеревался договориться с Санта-Анной о создании мексиканского правительства под его руководством. Однако Санта-Анна произвел на Сьюарда отталкивающее впечатление, и Вашингтон отказался от своего плава использовать его.

Наполеон III не столько опасался угроз со стороны американского правительства, как растущей мощи Пруссии. Франция готовилась к схватке с этой новой своей соперницей в Европе и поэтому спешила закончить мексиканскую авантюру. Давление Вашингтона послужило лишь последним толчком к развязке. Наполеон III заверил США, что приступит к эвакуации своих войск из Мексики 1 ноября 1866 года.

Мексика явно не оправдала его надежд, она не только не стала для Франции Эльдорадо, но поглощала огромные средства, необходимые на содержание почти 40-тысячной армии, что ослабляло обороноспособность метрополии. По официальным данным, мексиканская авантюра обошлась Франции в 300 миллионов франков, по неофициальным — она стоила около миллиарда. Чувствительными была и потери в живой силе. Они превышали 6500 человек, или 20 процентов экспедиционной армии.

Не оправдал надежд Луи Бонапарта и его ставленник Максимилиан. Капризный и своенравный, он рассорился с маршалом Базэном и другими французскими чинами в Мексике,

чем весьма огорчил своего французского покровителя и укрепил его в мысли поскорей выбраться из древней империи Монтесумы.

Наполеон III убедился, что невозможно завоевать и покорять мексиканский народ. Нет, Хуарес не располагал мощной армией, угрожавшей разгромом французам; наоборот, французы почти все сражения выигрывали и захватывали один город за другим, часто не встречая серьезного сопротивления. Но как только французы отступали, население сразу же переходило на сторону Хуареса, который оставался непобедимым, несмотря на все усилия огромной армии интервентов и их наемников. Большинство населения даже не знало, где обретаются Хуарес и его правительство. Командиры партизанских отрядов адресовали ему своя рапорты так: «Гражданину президенту дону Бенито Хуаресу. Пасо-дель-Норте или где бы он ни находился». Страну облетели его слова: «Где бы я ня был, на вершине горы или на дне оврага, возможно покинутый всеми, я не выпущу из своих рук знамя Республики до самого дня триумфа!»

И люди верили: пока знамя республики находится в руках «маленького индейца», надежда на победу жива, борьба продолжается. Сила мексиканцев, таким образом, заключалась в их патриотизме, и Луи Бонапарт знал, во что обошелся его августейшему дяде патриотизм испанцев. Выход поэтому был только один: убраться из Мексики в кратчайший срок с Максимилианом, если он того пожелает, или без него, если он откажется следовать велениям рассудка.

Еще на протяжении 1865 года Наполеон III, как, впрочем, и маршал Базэн да и Максимилиан, надеялся укрепить позиции, создав из предателей и европейских наемников — в основном австрийцев и бельгийцев — преторианскую гвардию, должную заменить со временем французов. Максимилиан даже отдалил от себя Мирамона и Леонардо Маркеса, зверства которых вызывали всеобщее негодование и осуждение. Первого он отослал изучать военные науки в Пруссию, а второго — в Палестину, на поклон «святым» местам. Их отъезд не увеличил притока добровольцев в ряды предателей, которые, лишившись своих вожаков, еще пуще злобствовали, терроризируя и грабя беззащитное население. Европейские наемники следовали их примеру, но в отличие от них тяжело переносили местный климат, часто болели и выходили из строя.

Еще теплилась надежда на то, что удастся избавиться от Хуареса, используя некоторых тщеславных деятелей из его окружения, претендовавших на президентское кресло. Такие планы связывались с именем генерала Гонсалеса Ортеги, занимавшего пост вице-президента. Согласно конституции 1857

года в случае, если истекал срок полномочий президента и обстановка в стране не позволяла провести выборы, президентская должность переходила к вице-президенту, в данном случае к Гонсалесу Ортеге. Срок конституционных полномочий Хуареса истекал в конце 1865 года, и Гонсалес Ортега из Соединенных Штатов, где он отсиживался в течение последнего года, потребовал отставки Хуареса и передачи ему президентского поста. Это требование поддержали Гильермо Прието и некоторые другие либеральные деятели.

Хуарес, находившийся тогда в Пасо-дель-Норте, оказался в результате этого в весьма щекотливом положении. С одной стороны, он во всей своей деятельности строго придерживался духа и буквы конституции, обязывавшей его передать власть 1 декабря 1865 года Гонсалесу Ортеге. С другой стороны, долг патриота повелевал ему не делать этого, ибо вице-президент самовольно покинул страну и стал дезертиром. Но самое главное заключалось в том, что Гонсалес Ортега выступал сторонником компромисса с французами и Максимилианом, был жаден на деньги и, заняв пост президента, мог погубить дело возрождения нации, которому посвятил свою жизнь Хуарес. Нечистоплотность Гонсалеса Ортеги в денежных делах доходила до того, что, купив в Нью-Йорке винтовки по 5 долларов за штуку, он пытался их перепродать своему же правительству, испытывавшему огромные финансовые трудности, по 15 долларов за штуку. Можно ли было доверить такому человеку пост президента, не рискуя судьбою родины? Разумеется, нет!

И Хуарес действует со свойственной ему в таких случаях решительностью. Ссылаясь на диктаторские полномочия, полученные им на время войны от конгресса, он издает три декрета. Первый из них предписывал всем офицерам, находившимся за границей без разрешения или с разрешения правительства, срок которого истек, немедленно вернуться в страну. Вторым декретом полномочия президента и вице-президента продлевались до выборов, которые должны были состояться после окончания войны. Третий декрет объявлял Гонсалеса Ортегу дезертиром, самовольно покинувшим свои посты вице-президента и генерала армии; декрет обязывал его вернуться в Мексику и предстать перед военным трибуналом. Эти декреты получили одобрение подавляющего большинства республиканских командиров и губернаторов. Дальнейшие события оправдали действия Хуареса.

Гонсалес Ортега вернулся в Мексику, но не для того, чтобы подчиниться Хуаресу, а для того, чтобы поднять восстание против него. Он был арестован и просидел в тюрьме до 1868 года. Выйдя

на свободу, незадачливый претендент на президентский пост признал правительство Хуареса я получил пенсию. Весьма противоречивая фигура этого периода — Хесус Гонсалес Ортега умер в 1881 году.

Между отстранением Гонсалеса Ортеги от должности вице-президента и его мятежом была еще одна попытка со стороны Максимилиана перетянуть Хуареса на свою сторону, предложив ему пост председателя верховного трибунала. Хуарес даже не счел нужным ответить на это нелепое предложение императора. Тогда оккупанты выдвинули новый проект: Максимилиан отречется от трона и покинет страну, одновременно Хуарес подаст в отставку, на смену ему придет временное правительство из «нейтральных» лиц, которое путем голосования решит, быть ли Мексике республикой или оставаться монархией. И эта затея провалилась. Была сделана попытка подкупить Диаса: французы предложили ему уступить столицу, чтобы он объявил себя президентом и сместил Хуареса. Диас не пошел на предательскую сделку.

Чем больше юлил и вилял противник, выдвигая новые и новые проекты и комбинации, цель которых была получить хитростью то, чего он не смог добиться силой оружия, тем непреклоннее становился Хуарес.

Убедившись, что ему не удастся обмануть «маленького индейца», и все еще не желая расставаться с мексиканским троном, Максимилиан сбросил маску демократа, вернул из Европы Мирамона и из «святых» мест палача Маркеса, пошел на поклон к церковникам, призвал на ответственные посты махровых реакционеров и с их помощью и при поддержке маршала Базэна начал проводить политику террора, политику истребления всех противников его режима.

Для придания юридической формы этим зверствам Максимилиан опубликовал 3 октября 1865 года «Императорский декрет», так называемый «черный декрет», объявлявший правительство Хуареса вне закона, а всех тех, кто выступал против монархии, — бандитами, подлежащими после поимки немедленному расстрелу. За любую помощь патриотам, за отказ в их выдаче или в предоставлении сведений, необходимых оккупантам, виновные наказывались конфискацией имущества и длительным тюремным заключением. Маршал Базэн в специальном приказе по французской армии одобрил «черный декрет», указывая: «Репрессии становятся необходимостью я долгом… Наши солдаты обязаны уяснить себе, что с таким врагом не церемонятся. Мы ведем войну насмерть. Это беспощадная война между варварством и цивилизацией. Мы

должны или убивать, или погибнуть сами. Другого выхода у нас нет».

И до опубликования этих драконовских распоряжений французские войска и палачи-предатели на службе империи беспощадно расправлялись с захваченными патриотами. Теперь же так называемую императорскую Мексику охватила настоящая оргия убийств. Пойманных патриотов вешали и расстреливали на площадях городов и селений, в присутствии согнанного специально для этого мирного населения. Враг не щадил ни женщин, ни малолетних, ни старцев. Даже священников расстреливали, если их подозревали в симпатиях к партии Хуареса.

Французы убили многих выдающихся патриотов, в их числе генералов Артегу и Саласара, 70-летнего губернатора штата Сакатекас — Чавеса, сподвижника Гарибальди и участника обороны Пуэблы генерала Гиларди, мужественную партизанку Игнасию Риэчи. Всего было казнено оккупантами свыше 20 тысяч мексиканцев, из них 968 человек в столице. Французы разрушили и сровняли с землей города Сан-Себастьян и Ситакуаро, население которых поддерживало патриотов.

Террор сопровождался грабежом населения. Если зуавы занимались мародерством, то Максимилиан, его министры, французские генералы грабили по большому счету. Одно содержание Максимилиана, которого обслуживало 26 слуг, стоило 1,5 миллиона песо в год. 100 тысяч в год получал Альмонте, в то время как жалованье президента Хуареса равнялось 30 тысячам песо. Налоги возросли в два раза. Бюджет правительства Максимилиана превышал в три с половиной раза бюджет республики, и дефицит был равен сумме доходов, причем половину расходов составляли проценты по иностранным долгам. Максимилиан все время нуждался в деньгах, которыми его снабжали французские банкиры, беря огромные проценты. Долг империя иностранным банкирам вырос на 190 миллионов песо по сравнению с долгами Мексики до вторжения французов. Французы стремились выкачать из Мексики максимум за свои услуга. Они забирали себе все таможенные сборы, вывозили серебро и другие драгоценные металлы, присваивали поместья и недвижимую собственность в городах.

Грабеж и чудовищные расправы не только не укрепили положения захватчиков, а, наоборот, еще больше изолировали их от населения. Люди всех возрастов и профессий, спасаясь от репрессий, шли в партизанские отряды, численность которых почти удвоилась к концу 1865 года. Партизанские отряды полностью господствовали в сельских районах и держали в осаде

французские гарнизоны во многих городах. Базэн с большим трудом удерживал под своим контролем жизненно важную для него дорогу на Веракрус. Этой дорогой он пришел в Мехико, и этой же дорогой он думал покинуть негостеприимную страну, хотя его молодая жена и ее родственники всякими посулами пытались удержать маршала вместе с французскими войсками, надеясь с их помощью сохранить свои привилегии, земли и капиталы.

Базэн очень любил свою молодую донью Пепиту и был бы только рад удовлетворить ее просьбу, но тогда он ослушался бы Луи Бонапарта. А его повелитель проявлял все большую нервозность в связи с возрастающим давлением со стороны Соединенных Штатов и очевидной неспособностью Максимилиана и Базэна совладать с партизанским движением. В конце 1865 года он отдал маршалу приказ подготовиться к эвакуации французских войск из Мексики и осуществить ее в течение 18 месяцев. Максимилиана же Наполеон III предупредил, что либо тот предпримет героические меры с целью наладить свои финансы и создать собственную армию, либо ему придется отречься от престола и покинуть страну вместе с маршалом Казаном.

Максимилиан вознегодовал. Он написал дерзкое письмо Наполеону III, обвиняя его в нарушении мирамарского договора, по которому Франция обязывалась «всегда» оказывать ему помощь, и потребовал «немедленно» вывести французские войска из Мексики. «Со своей стороны, — надменно писал он Луи Бонапарту, — я постараюсь договориться с моими соотечественниками (то есть мексиканцами!) на справедливой основе, как и подобает Габсбургу…»

Некоторое время спустя пыл габсбургского отпрыска несколько поостыл и он стал умолять своего парижского покровителя не бросать его на произвол судьбы, обвиняя во всех неудачах империи маршала Базэна и других командиров французского экспедиционного корпуса.

Наполеон III, однако, с тем же упорством, с которым он ранее осуществлял свой прожект покорения Мексики, настаивал теперь на возвращении своих войск из этой страны. Его настойчивость приобрела форму паники, когда в июле 1866 года пруссаки разгромили австрийцев у Садовой. «Бисмарк, — отметил по этому поводу Хуарес, — напугал и взбудоражил других волков в Европе». Рисковать войной на два фронта, вернее на двух континентах — в Европе с пруссаками, жаждавшими «проучить» Францию, и в Америке с Хуаресом, а возможно, и с Соединенными Штатами, — было безумием даже для племянника

великого Наполеона Г. Поэтому Луи Бонапарт резко сократил сроки эвакуации, потребовав завершить ее к началу 1867 года.

Да и сам маршал Базэн был не прочь побыстрее покинуть Мексику. Он советовал Наполеону III не считаться в этом вопросе с Максимилианом, проявлявшим по отношению к французам злую волю и черную неблагодарность. «Чем дольше мы будем оставаться здесь, — писал Луи Бонапарту Базэн, — тем меньше будет стараться правительство Максимилиана укрепиться своими силами, полагаясь всецело на помощь вашего величества, ибо считает, что Франция обязана содержать Мексику».

В марте 1866 года Базен стал стягивать свои войска к линии Мехико — Орисаба — Веракрус. Французы оставили Монтеррей, Сальтильо, Тампико и другие города, которые были немедленно заняты республиканцами. По всей стране партизанские отряды объединялись в крупные военный соединения. На северо-востоке ими командовал генерал Эскобедо, в прошлом батрак, на северо-западе — генерал Висенте Рива Паласио, поэт, адвокат по профессии, в Мячоакане — генерал Регулес, испанский демократ на службе мексиканской республики, в Оахаке — энергичный Порфирио Диас, в Герреро — неутомимый Альварес. Республиканцы наседали на отступающих французов, отбивали обозы, уничтожали отставшие части. Среди интервентов росло дезертирство. В Монтеррее восстали бельгийцы. Они подняли красный флаг и под возгласы «Да здравствует республика!» перешли на сторону Хуареса. В республиканских частях было несколько подразделений, сформированных из французских дезертиров — противников Наполеона III, демократов и республиканцев.

Перелом в пользу республики не сказался на настроении Хуареса. «Невозмутимый» не терял присутствия духа, когда дела шли плохо, я не впадал в необузданный энтузиазм, когда дела шли хорошо. В марте 1866 года, накануне ухода французов из Мексики, Хуарес незадолго до своего дня рождения писал донье Маргарите в Соединенные Штаты: «Живу без перемен. Только одна серьезная болезнь мне угрожает, и нет от нее спасения: через восемь дней мне исполнится шестьдесят лет. Но не думай, что эта болезнь меня удручает или пугает. Годы проходят, а я продолжаю свой путь».

И как во всех своих письмах к жене, так я в этом он пишет не только о себе и о своих близких, но и о судьбах своей родины: «Страшные испытания выпали на нашу долю в эти последние годы, но будущее у нас светлое, и я уверен, что оно не за горами. После этой войны американские республики, я не говорю о Вашингтоне, по крайней мере Мексика, будут полностью

освобождены от тройного гнета — государственной религии, привилегированных классов и неравноправных договоров с европейскими державами. Признание этими державами императора Максимилиана порвало пакты, превращавшие нас в их вассалов».

Уход французов из Мексики открывал перед родиной Хуареса возможность встать на путь самостоятельного развития, для Максимилиана же он означал крушение всех его самолюбивых надежд. Его тщеславию был нанесен сокрушительный удар коварным, бесчестным Наполеоном III, нарушавшим взятые на себя обязательства но мирамарскому договору. С каким лицом мог вернуться восвояси этот опереточный император, обманутый Наполеоном III, побитый партизанами Хуареса, которого он десятки раз объявлял уничтоженным? Над ним хохотала бы вся Европа.

Шарлотта горячо уговаривала Максимилиана повременить с отречением. Она вызвалась поехать в Европу, переговорить с Луи Бонапартом, с императором Францем-Иосифом, с папой римским — убедить их не бросать ее дорогого венценосца на произвол судьбы. Шарлотта была уверена, что ей удастся добиться успеха. 9 июля она покинула Мехико. Максимилиан провожал ее до Орисабы, где императорская чета рассталась. «Прощай, мама Шарлотта, прощай, моя нежная любовь!» — распевали партизаны шуточный романс, сочиненный генералом Рива Паласио. Максимилиану не было суждено когда-либо увидеть вновь свою «маму» Шарлотту.

Уговаривала Максимилиана остаться в Мексике я его собственная мать. «Честь Габсбургов этого требует», — писала она своему сыну. Не выражал восторга по поводу возвращения своего братца и император Франц-Иосиф, опасавшийся его притязаний на австрийский трон. Призывал Максимилиана выполнить «свой долг» и Гутьеррес де Эстрада, сам не вернувшийся из Рима на родину. Идальго вернулся, но пробыл несколько недель и умчался в Париж, где прокучивал полученные от Максимилиана средства.

Но особенно уговаривала Максимилиана, заклинала и молила не покидать «его» народ, «его» родину, «его» горячо любимую Мексику реакционная свора во главе с предателями — Мирамоном, Маркесом и Мехией. Они обещали обогатить его, достать ему деньги — десятки, сотни миллионов песо. Пребывание Максимилиана в Мексике было их последним шансом на спасение. Они уже не рассчитывали на победу, хотя еще надеялись спасти свою жизнь и, возможно, даже свое состояние.

Каким образом? Оказывая до последнего сопротивление Хуаресу, чтобы в подходящий момент через дипломатических представителей великих держав (для этого-то им и нужен был Максимилиан) заключить мир с противником на условиях, гарантирующих им личную неприкосновенность и состояние. Правительство Максимилиана было признано Францией, Англией, Австрией, Пруссией, Испанией, Италией, Португалией и Бельгией, дипломатические представители которых находились тогда в Мехико. Империя Максимилиана была признана и Россией, хотя ее дипломатического представителя в Мексике не было. Мексиканские реакционеры рассчитывали, что эти европейские державы в последний момент спасут Максимилиана, а вместе с ним и их.

Максимилиан поддался этой игре. Его самолюбие было бы удовлетворено, если бы он покинул Мексику побежденным, но и не беглецом. Тогда он мог бы сказать: «Я все потерял, кроме чести!»

По совету своего нового советника и наперсника патера Фишера, авантюриста, ранее промышлявшего различными аферами в Калифорнии, Максимилиан созвал ассамблею нотаблей, которая отвергла его отречение. Максимилиан решил остаться. Когда он уведомил об этом маршала Базэна, тот воскликнул: «Его повесят!»

Теперь Базэна уже ничто не связывало с его бывшим протеже. Базэн форсирует эвакуацию французских войск из Мексики. 5 февраля 1867 года, в день, когда исполнялось десятилетие со дня принятия «реформистской» конституция, последние отряды французов покинули столицу. Республиканцы не препятствовали им. «Бегущему врагу — золотой мост». Республиканцы сохраняли свои силы для предстоящих сражений с императорской армией, которая насчитывала еще около 20 тысяч предателей и наемников, решивших дорого продать свою жизнь. Базэн из Орисабы, а потом из Веракруса призывал Максимилиана бросить все и вернуться в Европу. Но «император мексиканцев» оставлял без ответа послания маршала. Он был кровно обижен и оскорблен «предательством» Базэна и Луи Бонапарту.

12 марта 24 тысячи французов, 4500 австрийцев и 800 бельгийцев погрузились на транспорты в Веракрусе и взяли курс на Францию. Одним из последних покинул мексиканскую землю маршал Базэн. С ним покидала свою родину Пепита де Пенья, ожидавшая ребенка.

«Наконец-то я свободен!» — с облегчением сказал Максимилиан, узнав, что Базэн и его армия отплыли из Веракруса. Но это были только красивые слова, рассчитанные на

придворных льстецов.

ВОЗМЕЗДИЕ

В конце декабря 1866 года дон Бенито Хуарес погрузил в свою старую карету национальный архив, попрощался с жителями Пасо-дель-Норте и в сопровождении своих ближайших сотрудников пустился в обратный путь на юг.

Ему навстречу летели добрые вести: французы повсеместно отступали. Республиканские войска освободили Монтеррей, Тампико, Чиуауа. Храбрый Порфирио Диас изгнал неприятеля из родной Оахаки.

В конце декабря Хуарес прибыл в Дуранго. «Здесь, — писал он донье Маргарите, — как и всюду, меня встречают банкетами и хвалебными речами. Как ты видишь, имеется существенная разница между вице-королем, который уходит, и вице-королем, который приходит».

Что я говорить! Времена изменились. Три года тому назад Хуарес проезжал эти места, спасаясь от преследовавшего его по пятам неприятеля. Многие ему сочувствовали, но мало кто верил тогда, что этот индеец-сапотек выйдет победителем в единоборстве с Максимилианом Габсбургом, опиравшимся на многотысячную французскую армию и на солидарную поддержку европейских держав. Теперь же даже враги и те признавали, что дело, которое все эти годы представлял и отстаивал Хуарес, дело мексиканской независимости побеждает и победит. И это не могло не сказаться на приеме, который оказывало ему в пути население. Но война еще продолжалась, а на войне, как отмечал дон Бенито, случайность может изменить самые мудрые планы.

22 января 1867 года Хуарес прибыл в Сакатекас, где жители встретили его овациями. Местные же власти, ответственные за оборону города, посоветовали Хуаресу вернуться в тыл. На город наступал Мирамон с сильным отрядом французских «добровольцев». Существовала опасность, что Мирамон мог прорвать оборону города и пленить Хуареса. Именно с этой целью Мирамон и направился сюда, причем Максимилиан приказал ему судить Хуареса военным трибуналом и прислать ему, Максимилиану, смертный приговор на утверждение. Президент отказался покинуть город. «Раз я уже здесь, — сказал он, — то должен разделить опасности, угрожающие населению и защитникам города. Что скажут люди, если они увидят меня бегущим еще до начала сражения?»

Пять дней спустя Мирамон ворвался в Сакатекас. Враг появился столь неожиданно, что Хуарес впервые за всю войну был вынужден оставить свою карету с национальным архивом, сесть

на коня и в сопровождении охраны бежать из города. Карета понеслась в противоположную сторону, что спасло президента. Мирамон, зная, что Хуарес путешествует только в карете, погнался за нею. Когда этот слуга Максимилиана убедился в своей ошибке, он уже не смог догнать дона Бенито, ушедшего слишком далеко от него. Разъяренный Мирамон вернулся в Сакатекас, устроил там резню и занялся грабежом.

«Если бы мы задержались в Сакатекасе еще четверть часа, — писал Хуарес Сантасилии, — мы доставили бы Мирамону оказию расправиться с нами, но мы спаслись, ибо наш час еще не пробил».

Донья Маргарита, узнав через Сантасилию об этих событиях, просила мужа в письме не проявлять беспечности и не рисковать без нужды собой, учитывая его высокую должность президента. Хуарес ей ответил: «Получил выговор за эскападу в Сакатекасе. В жизни бывают обстоятельства, когда необходимо всем рисковать, если хочешь сохранить себя морально и физически. Так произошло и со мной 27 января».

Вскоре Хуарес вернулся в Сакатекас, откуда генерал Эскобедо выбил Мирамона и нанес ему решительное поражение в сражении при Сан-Хасинто. По приказу Эскобедо 109 пленных французских мародеров за совершенные ими убийства и грабежи были расстреляны. Сам Мирамон успел бежать в Керетаро, где Маркес, Томас Мехия, Видаурри и другие предатели на службе Максимилиана во главе 10-тысячного войска решил дать бой наступавшим с севера республиканским войскам, которыми командовал генерал Эскобедо.

А где же находился в эти предсмертные для империя дни сам Максимилиан? В столице, в Чапультепекском дворце. Там в окружении своих ближайших советников — патера Фишера, немецкого принца Феликса цу Сальм-Сальм, его жены американки, в прошлом цирковой акробатки, полковника Мигеля Лопеса, крестным сына которого являлся император, Максимилиан решал, что же ему делать дальше.

До последнего времени у него еще теплилась надежда, что Шарлотте при ее связях, обаянии и упорстве удастся переубедить Наполеона и отменить эвакуацию французских войск. Но и эта надежда вскоре развеялась как дым.

В Париже Шарлотта чуть ли не силой пробилась к Наполеону III. «Сдерживая себя, — сообщала она мужу, — я сказала императору: «Сир, я явилась, чтобы спасти наше общее дело». В течение двух часов я говорила ему с большим убеждением. Раз он даже прослезился. Он очень болен; впечатление такое, что он чувствует себя конченым человеком и уже не знает, ни что

делать, ни как себя вести». Шарлотта заклинала своего недавнего покровителя оставить французские войска в Мексике; ведь Наполеон III дал свое императорское слово, что не покинет ее мужа Максимилиана. Его честь, честь Франции требуют, чтобы он сдержал данное слово. Наполеон III сочувствовал, пускал слезу, успокаивал, утешал свою собеседницу, но отменить свое решение отказался.

Шарлотта не сдавалась. Она пошла к министру финансов. Потребовала от него денег. Максимилиан получил несколько займов во Франции на общую сумму в 516 миллионов франков, однако чистыми ему досталось только 126500 тысяч. Куда делись остальные? Остальные положили себе в карман банкиры, Луи Бонапарт, посредники.

«Мы все по горло в болоте!» — крикнула министру Шарлотта и, стукнув дверью, удалилась.

Она еще раз посетила Наполеона III. Просила, умоляла, рыдала. «Если вы нас не поддержите, мы отречемся!» — угрожающе сказала она императору. Тот ответил: «Отрекайтесь!» Шарлотта упала в обморок.

Наполеон III позвал императрицу Евгению и попросил привести Шарлотту в чувство. Шарлотта писала об этой встрече Максимилиану: «Наполеон и Евгения — обманщики. Они разыграли передо мною комедию!»

Возмущенная до предела, на грани нервного расстройства, Шарлотта из Парижа поехала в Мирамар, где ее настигли вести из Мексики о неминуемой эвакуации французских войск и письмо Максимилиана, в котором он просил обратиться к папе римскому, чтобы тот оказал соответствующее давление на Наполеона III.

Шарлотта помчалась в Рим, бросилась в ноги Пию IX, обещала, что Максимилиан удовлетворит все требования церкви, подпишет любой конкордат, сделает все, что пожелает «святой отец». Взамен просила только одного: потребовать от Наполеона III, чтобы он не покидал на произвол судьбы Максимилиана.

Пий IX осенил Шарлотту крестным знамением, благословил ее, призвал уповать на милосердие божие, но выполнить ее просьбу категорически отказался. Он сам зависел от зуавов Наполеона III, хозяйничавших в Риме. Просить или тем более требовать чего-либо от Луи Бонапарта папа римский не хотел да и не мог.

Три дня спустя Шарлотта вновь явилась в Ватикан. Рыдая, она стала молить «святого отца» спасти ее от козней Наполеона, который якобы послал наемных убийц, чтобы отравить ее. Папа римский попытался успокоить свою посетительницу, но это только еще более возбудило ее. Попытка выпроводить ее из

папских покоев ни к чему не привела. Шарлотта впала в истерику. Срочно вызвали врача, который констатировал: супруга императора Максимилиана сошла с ума. Пришлось больную оставить в папских покоях на ночь. Шарлотта таким образом вошла в историю еще и потому, что она оказалась первой я пока единственной женщиной, ночевавшей в личных покоях «святого отца». Так по крайней мере утверждают официальные историки католической церкви. Наутро ее отправили в лечебницу. Скоро приехал ее брат, который отвез больную в Бельгию. Умерла она только в 1927 году, прожив в состоянии полного умопомрачения все эти годы. Физически она, пожалуй, пережила всех участников драмы, разыгравшейся в Мексике в 60-х годах XIX столетия, духовно же она умерла еще тогда, в покоях папы римского…

Известие о печальной участи Шарлотты пришло к Максимилиану в момент, когда Мирамон и другие предатели лихорадочно укреплялись в Керетаро, надеясь у стен этого города преградить путь на столицу наступавшим с севера и северо-запада республиканским войскам. Теперь у Максимилиана не оставалось другого выхода, как возглавить свое войско и попытаться выиграть предстоящее сражение, что, как заверяли его стратеги, заставило бы Хуареса заключить с ним почетный мир.

В начале февраля 1867 года Максимилиан в сопровождении своих любимцев принца Сальм-Сальм и полковника Лопеса прибыл в Керетаро, где предатели и церковники встретили его торжественными молебнами и пышными парадами.

Маркес предложил Максимилиану дождаться республиканцев у Керетаро и там в одном сражении разгромить их. Мирамон же советовал другое: не позволить противнику сосредоточиться у Керетаро, а разбить его по частям на подступах к городу. Максимилиан поддержал план Маркеса, командующим же назначил Мирамона.

6 марта республиканские войска подошли к Керетаро и приступили к осаде города. Маркес уговорил Максимилиана отпустить его и Видаурри в столицу, откуда он обещал вернуться с подмогой и ударить на республиканцев с тыла. Максимилиан отпустил их, поручив попутно прихватить из Мехико патера Фишера, несколько французских романов и ящиков бургундского вина. Одновременно Маркес был назначен на время пребывания в столице «наместником империи» с неограниченными полномочиями.

Маркес с Видаурри во главе кавалерийской части в 1200 человек прорвали весьма неплотную осаду Керетаро и явились в столицу, где им удалось, собрав все остатки монархических сил, сколотить армию в 4 тысячи солдат. Но вместо того чтобы

вернуться в Керетаро, Маркес направился к Пуэбле, опасаясь, что ее освободит Порфирио Диас и тем самым отрежет дорогу на Веракрус. Порфирио Диас к Пуэбле подошел раньше. На этот раз ему понадобилось всего два дня, чтобы вернуть город Сарагосы республике. Маркес, преследуемый по пятам Диасом, бежал в столицу. Здесь он решил выждать; результатов сражения у Керетаро, надеясь в худшем случае через дипломатических представителей великих держав сдать столицу Хуаресу, выторговав для себя и своих единомышленников если не амнистию, то по крайней мере право на экспатриацию. Вскоре войска Порфирио Диаса подошли к столице и осадили ее.

Таким образом, к началу мая 1867 года остатки монархической армии были загнаны в Мехико и Керетаро и окружены в этих городах превосходящими их республиканскими силами.

После того как Диас осадил Маркеса в столице, генерал Эскобедо приступил к штурму Керетаро. 15 мая республиканцам удалось прорвать оборону города и благодаря предательству полковника Лопеса ворваться в укрепление, где находился Максимилиан, Мирамон, Томас Мехия и другие персонажи империи, в их числе генерал Мендес, ответственный за гибель Артеаги и Саласара. Мендеса на месте расстреляли, остальных взяли под стражу. В тот же день сопротивление осажденных прекратилось и над Керетаро взвился флаг мексиканской республики.

Оказавшись в плену, Максимилиан заявил Эскобедо, что готов отречься от престола и дать обязательство никогда в будущем не вмешиваться во внутренние дела Мексики, если ему разрешат вернуться в Европу вместо с иностранными наемниками. В ответ последовало распоряжение президента Хуареса предать государственных преступников — австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, генералов Мирамона и Томаса Мехию военному трибуналу в соответствии с законом от 25 января 1862 года, по которому полагалась смертная казнь иностранным интервентам и сотрудничающим с ним мексиканцам. Получив об этом уведомление, Максимилиан попросил встречи с Хуаресом для личного объяснения. Ему было заявлено, что он сможет объяснять все что пожелает трибуналу. Тогда он заявил, что отказывается выступать на суде, хотя и нанял трех самых знаменитых адвокатов Мексики, которым поручил защищать себя и своих бывших подопечных — Мирамона в Мехию.

Суд открылся 13 июня в местном театре Керетаро, он продолжался три дня. Прокурор обвинил Максимилиана в том,

что он является «узурпатором, врагом независимости и безопасности нации, нарушителем общественного порядка, насильником народных прав и индивидуальных гарантии». Бывшему императору ставилось в вину и то, что его террористический декрет от 3 октября 1865 года привел к гибели тысячи мексиканских патриотов. Максимилиан, заявил прокурор, преступно затянул воину, оставшись в стране после эвакуации французских войск. Мирамон и Мехия неуклюже пытались оправдать свои предательские действия тем, что служили интересам церкви и партии порядка. Адвокаты стремились доказать некомпетентность трибунала судить обвиняемых.

Трибунал единогласно признал всех подсудимых виновными в преступных действиях против мексиканской нации, в предательстве ее интересов и постановил четырьмя голосами против трех приговорить их к смертной казни через расстрел. Три члена трибунала голосовали за высылку Максимилиана из страны.

Решение трибунала подлежало исполнению в течение 24 часов.

Максимилиан воспринял приговор спокойно. Он был уверен, что великие державы не допустят его казни. Кроме того, он надеялся, что его друзьям, оставшимся на свободе, на худой конец удастся организовать ему побег, подкупив охрану. Все эти расчеты имели под собой основание.

Узнав о решении трибунала, дипломатические представители европейских держав в Мехико во главе с прусским посланником бароном Магнусом обратились к Хуаресу с просьбой помиловать Максимилиана и выслать его из страны. Хуарес ответил отказом. Тогда Магнус и его коллеги попросили отсрочить приведение приговора на три дня, надеясь в это время организовать побег Максимилиана. Магнус прибыл в Керетаро и посетил Максимилиана, содержавшегося под стражей в бывшем монастыре капуцинов. Максимилиан выразил уверенность, что Хуарес не посмеет привести приговор в исполнение из опасения гневной реакции королевских домов Европы.

— Я уеду на моей яхте в Кадис, — фантазировал Максимилиан. — Проведу там лето, а зимой вернусь в Америку, в Бразилию, куда меня приглашал император дон Педро.

Магнус не разделял его оптимизма. Он снабдил принцессу Сальм-Сальм деньгами, поручив ей любой ценой добиться освобождения Максимилиана. Принцесса посулила начальнику охраны полковнику Паласио сто тысяч песо за свободу его узника; когда же ее предложение было отвергнуто, она предложила в качестве дополнительной платы саму себя, но и в этом потерпела

неудачу. Это ее не обескуражило. Она помчалась в Сан-Луис-Потоси, где встретилась с Хуаресом, бросилась ему в ноги и, рыдая, умоляла пощадить Максимилиана.

Хуарес ей ответил:

— Сударыня! Мне больно видеть вас на коленях, во даже если бы все короли и королевы находились бы во вашем месте, я не смог бы, к сожалению, помиловать эрцгерцога Максимилиана. Сударыня, он был осужден не мной, а народом и законами республики. Если бы я не выполнил волю народа и требований закона, я не выполнил бы своего долга. Народ все равно лишил бы жизни Максимилиана, а потом, справедливо возмущенный, потребовал бы и моей головы.

Явилась к Хуаресу и жена Мирамона с двумя детьми. И она молила пощадить ее мужа. Хуарес ответил ей столь же твердым отказом, как и принцессе Сальм-Сальм.

Одновременно из-за границы посыпались просьбы от влиятельных персонажей даровать жизнь Максимилиану. Об этом просили Хуареса государственный секретарь США Сьюард, император Франц-Иосиф, обещавший вернуть Максимилиану право на престолонаследие, короли Англии, Бельгии и других стран.

Вся эта возня, цель которой была снасти Максимилиана от заслуженного возмездия, вызвала огромное возмущение в народе и в армии. Порфирио Диас прямо заявил президенту, что в случае помилования Максимилиана его войска восстанут против правительства. Такие же настроения преобладали и в армии, освободившей Керетаро. Бойцы требовали примерного наказания предателей и иностранных наемников, и в первую очередь Максимилиана.

Эти чувства разделял сам Хуарес. Он писал Сантасилии: «Казнь Максимилиана и предателей послужит назидательным примером всем врагам нашей независимости. Это гуманный акт, который поможет сберечь кровь наших граждан. Мы боролись за независимость Мексики, и необходимо, чтобы это стало действительностью!»

Томас Мехия был малограмотным индейцем, фанатично преданным церкви. Под влиянием ионов он стал служить Максимилиану. Однажды генерал Эскобедо попал в плен, и Мехия помог ему бежать. Теперь Эскобедо хотел ему вернуть свой долг я предложил освободить его. Мехия отказался.

— Я служил Максимилиану и должен разделять его участь, — сказал он Эскобедо.

— Но ведь ты индеец, монархисты тебя презирали.

— Именно потому я не могу один спастись, чтобы не сказали,

что индеец — предатель. Может быть, я сражался за неправое дело, но теперь уже поздно раскаиваться. Я должен заплатить за содеянное.

19 июня 1867 года на поле близ Керетаро, именуемом Холмом колоколов (Серро де лас Кампанас), в 7 часов утра в присутствии республиканского гарнизона и населения города эрцгерцог Максимилиан Габсбург, присвоивший себе титул императора Мексики, и генералы Мигель Мирамон и Томас Мехия, предавшие родину и служившие иностранным интервентам, были расстреляны за свои преступления против Мексики.

Народ воспринял этот суровый акт возмездия с удовлетворением. «Прощай, мама Шарлотта, прощай, моя нежная любовь!» — пели в этот день солдаты, индейцы; горожане, веселясь на улицах и площадях Керетаро.

Некоторое время спустя в город приехал Хуарес. Сопровождаемый министром Себастьяном Лердо де Техадой, он посетил помещение, где тело Максимилиана подвергалось но просьбе императора Франца-Иосифа бальзамированию перед отправкой в Австрию. Посмотрев на Максимилиана, Хуарес сказал:

— Да, красавец мужчина, высокого роста, с пышной бородой. Вот мы с тобой, дон Себастьян, и познакомились с императором Мексики!

Позднее Хуарес так объяснял свое отношение к последнему акту драмы в Керетаро: «Приведение приговора в исполнение в Керетаро было продиктовано требованиями справедливости, необходимостью обеспечить в будущем мир и прекращение внутренних потрясений и бедствий, вызванных войной в нашем обществе. Применение закона во всей его строгости к главным виновникам наших несчастий позволило проявить милосердие к остальным».

Народ встречал его как своего вождя. Гравюра А. Бельтрана.

Луи Бонапарту сообщили о конце, постигшем Максимилиана 30 июля, когда он вместе с императрицей Евгенией, турецким султаном и принцем Уэльским участвовал в одной из церемоний Международной выставки в Париже. Прочитав поданную ему депешу, Наполеон III как ни в чем не бывало продолжал расточать улыбки окружавшим его царедворцам и именитым гостям. Ему ничего не оставалось другого сделать, как скорчить довольную мину при плохой игре. Ведь за расстрел Максимилиана непосредственную ответственность нес именно он, Наполеон III, творец и создатель мексиканской империи. На следующий день официальная французская печать запестрела злобными выпадами против Хуареса — «жестокого, кровожадного индейца», казнившего «благородного, романтичного, доверчивого Максимилиана»…

Те, кто видел в Наполеоне III узурпатора и врага народа, восприняли события в Керетаро иначе. Рабочие-республиканцы Франции направили Хуаресу приветственную телеграмму, выражавшую ему поддержку и солидарность.

Поздравил Хуареса великий французский поэт Виктор Гюго: «Мексику спасли принцип и человек. Этот принцип — республика, этот человек — Вы. Впрочем, такова участь всех посягательств монархистов. Они кончаются провалом. Всякая узурпация начинается Пуэблой и завершается Керетаро».

Прислал свое послание Хуаресу и Гарибальди: «Привет тебе, Хуарес! Борец за свободу мира и человеческое достоинство, привет тебе… Итальянский народ приветствует тебя в благодарность за то, что ты поверг в прах братьев его угнетателя».

Колумбийский и доминиканский конгрессы присвоили Хуаресу почётный титул «Бенемерито де лас Америкас» — «Достойного признания Америки». Во многих странах в честь президента Мексики были выбиты памятные медали. В Аргентине его имя было присвоено городу. Это было только началом всенародного признания исторических заслуг «маленького индейца», под руководством которого мексиканский народ в упорной и жестокой борьбе с иностранными захватчиками отстоял свою независимость.

Пройдут года, десятилетия, и во всех столицах Латинской Америки будут в его честь воздвигнуты величественные памятники, его именем будут названы площади и улицы, а в самой Мексике он станет в один ряд с отцами нации — Идальго и Морелосом. Живого Хуареса посмертная слава меньше всего интересовала. Для него казнь Максимилиана и вожаков реакции была всего лишь эпизодом в борьбе мексиканского народа за свою свободу и независимость.

21 июня войска Порфирио Диаса освободили столицу. Диасу удалось схватить Видаурри, который за свои преступления был присужден к расстрелу. Однако Леонардо Маркесу, самому жестокому из всех предателей на службе Максимилиана и французских интервентов, удалось бежать. Переодетый погонщиком мулов он пробрался в Веракрус, а оттуда в Гавану, где под крылышком испанцев промышлял ростовщичеством до самой своей смерти.

3 июля Хуарес возвратился в Мехико. Он и его министры ехали в двух каретах, тех самых, в которых президент в 1862 году покинул столицу, увозя с собой знаменитый национальный архив. Потом Хуарес писал, что возвращение в Мехико затянулось, так как по дороге непрерывно ломалась то одна, то другая, то обе кареты вместе, и нужно было чинить их, прежде чем продолжать путь. Теперь эти исторические кареты хранятся в музее.

Жители столицы восторженно приветствовали Хуареса. На площади перед президентским дворцом был устроен военный парад, которым командовали два самых прославленных мексиканских генерала — Диас и Эскобедо.

Хуарес поднялся на балкон президентского дворца, вынул из бокового кармана своего старенького, потертого, видавшего виды черного сюртука сверток, развернул его. Народ увидел: в руках президента национальный флаг Мексики, тот самый, который он четыре года тому назад забрал с собой, уезжая на север.

Президент республики вернулся в столицу, над президентским дворцом вновь реет национальный флаг, национальный архив снова обрел свое законное место в зале

рядом с президентским кабинетом.

Последний оплот реакции Веракрус освобожден. Замолкли орудия. Прекратилась стрельба.

Теперь предстояло поднять нацию из руин, вдохнуть в нее новую жизнь, новые надежды, начать восстанавливать разрушенное, строить новое…

ВИВА ХУАРЕС!

С чего же начать, чтобы побыстрей залечить раны, нанесенные стране гражданскими войнами и иностранными интервентами? Как наладить мирную жизнь, дать толчок торговле и промышленности, приобщить Мексику к достижениям науки и техники, покрыть ее сетью дорог, школ и высших учебных заведений, поднять жизненный уровень крестьян, ремесленников, индейцев? Как удовлетворить амбиции республиканских генералов, жаждавших в награду за победу над интервентами власти и богатства? Как обезвредить реакционеров, затаившихся в ожидании удобного случая вновь вернуть себе старые позиции?

Вопросы, десятки вопросов, точного, ясного ответа на которые у Хуареса не было, как, впрочем, их не было тогда ни у кого другого в Мексике. Патриоты либерального направления были сильны своей отрицательной программой, они знали, против кого им следует бороться — против реакционных церковников, интервентов, всякого рода предателей, служивших иностранным интересам. Да, они сражались против всех этих врагов мексиканского народа, в защиту его свободы и независимости. Но им было не ясно, что же делать на следующий день после победы, как, какими средствами превратить экономически отсталую, обнищавшую после военной разрухи Мексику, в значительной степени населенную даже не говорящими по-испански индейскими народностями, в процветающую и культурную страну.

К чему стремился Хуарес? Об этом он сказал в одном из своих выступлений в конгрессе: «Мы должны так организовать нашу жизнь, чтобы удовлетворить все потребности крестьянина, производящего основные богатства страны. Наш долг позаботиться, чтобы трудящийся имел просторный дом, школу для своих детей и был застрахован на случай болезни и безработицы. Мне скажут, что это социализм. Что ж, это слово меня не пугает. Социализм — естественное стремление улучшить условия и свободное развитие физических и моральных качеств человека. Каждому по его способностям, по его делам, по его знаниям. Тогда исчезнут привилегированные классы и несправедливые преимущества».

Хуарес, несомненно, читал Прудона, с которым его познакомил покойный Мельчор Окампо. В библиотеке дона Бенито имелся экземпляр французского издания «Коммунистического манифеста». Враги Хуареса называли его социалистом, коммунистом, якобинцем, робеспьерианцем, что не

могло не толкнуть его на изучение этих доктрин. Они вызывали у него симпатию, но воспринимал он их как реформатор, стремившийся осчастливить народ путем верхушечных, «законных», конституционных преобразований.

Такие преобразования можно было осуществить при наличии сильного правительства я хотя бы относительного спокойствия в стране. Но, даже изгнав французов и избавившись от Максимилиана, Мексика не обрела покоя.

Вскоре после возвращения Хуареса в столицу состоялись выборы президента я конгресса. Одновременно правительство провело референдум по поводу некоторых поправок к конституции, целью которых было укрепить исполнительную власть, сделать ее менее зависимой от своеволия конгресса.

Президентом почти единогласно был переизбран Хуарес. Это был подлинный вотум доверия страны «маленькому индейцу», ставшему за годы войны как бы живым олицетворением идеала национальной независимости. На пост вице-президента был избран один из ближайших единомышленников Хуареса, Себастьян Лердо де Техада, брат покойного Мигеля. Некоторое количество голосов получил и Порфирио Диас, тоже выставивший свою кандидатуру на первый пост в республике. Что же касается изменений в конституции, то они были отвергнуты населением. Народ опасался слишком большого укрепления исполнительной власти. Б результате правительство Хуареса вновь оказалось в плену у конгресса.

Страна медленно залечивала свои раны, медленно оживала торговля, восстанавливалось разрушенное сельское хозяйство. Правительство нуждалось в доходах, чтобы расширять строительство школ, дорог, больниц. Но увеличение налогов, и так высоких, тормозило бы развитие экономики. Откуда же было взять средства? Их можно было получить за счет резкого сокращения численности армии, поедавшей почти 80 процентов государственного бюджета. Армия состояла к концу войны из 60 тысяч солдат и офицеров, причем генералы вновь исчислялись сотнями.

По предложению Хуареса армия была сокращена до 18 тысяч. Участники войны против французской интервенции получили земельные наделы из поместий, конфискованных у предателей. Офицерам дали пенсии, награды. Они с трудом привыкали к гражданской жизни, к мирной обстановке. Многие из них считали себя обойденными, обманутыми. Они жаждали всяких синекур, командных постов, власти. Они скандалили, протестовали, обвиняли правительство во всех смертных грехах.

Больше всех был недоволен и обижен генерал Порфирио

Диас. Все эти годы он храбро сражался против французских захватчиков, верой и правдой служил правительству Хуареса. Он утверждал, что внес самый крупный вклад в победу и достойной для себя наградой считал только президентское кресло. Хуарес, однако, твердо решил сломать традицию, согласно которой побеждавший неприятеля генерал в качестве премии получал президентский пост. Его излюбленным изречением было: «Принципы — все, личные амбиции людей — ничто!» Но не таков был Порфирио Диас. Его интересовали не принципы, а власть, которую после окончания войны он стремился заполучить любыми средствами. Хуарес не без оснований опасался, что Диас, дорвавшись до власти, станет вторым Санта-Анной — превратится в орудие реакционных снл, сведет на нет все завоевания эпохи реформ. Чтобы преградить путь к власти честолюбивому генералу, дон Бенито решил в 1871 году, когда истек срок его президентских полномочий, вновь выставить на выборах свою кандидатуру в президенты. Он, конечно, мог оказать поддержку любому своему единомышленнику, например, тому же Себастьяну Лердо де Техаду, который тоже выставил свою кандидатуру, по Диасу было бы куда легче справиться с ним, чем с самим Хуаресом.

К моменту выборов 1871 года Диас стал лидером всех недовольных правительством. В числе его сторонников были бывшие участники войны, уволенные из армии; самолюбивые генералы, жаждавшие богатства, почестей и постов; реакционеры всех мастей и оттенков, ненавидевшие Хуареса и предпочитавшие видеть в президентском кресле любого другого, только не его; многочисленные личные друзья и бывшие соратники Диаса по оружию, наконец, доктринеры-либералы, обвинявшие главу государства в отсутствии энергии и считавшие, что слишком длительное пребывание на президентском посту превращает его в полновластного диктатора.

На выборах 1871 года никто из трех кандидатов в президенты не получил абсолютного большинства голосов, хотя голосовавших за Хуареса было больше, чем за Лердо де Техаду л Диаса. Согласно конституции конгресс избрал президентом Хуареса, а Лердо де Техаду — вице-президентом. Диас не признал решения конгресса и поднял против правительства восстание. К нему присоединились губернаторы некоторых штатов и несколько провинциальных гарнизонов. Оахаку захватил его брат полковник Феликс Диас. В столице мятежники овладели арсеналом. Верные правительству войска подавили мятеж. Феликс Диас был убит, а Порфирио бежал в горы, где нашел убежище у индейских племен…

Хотя положение продолжало оставаться напряженным, Хуарес, как всегда, проявлял свойственную ему выдержку, так восхищавшую его поклонников и возмущавшую его противников. Он продолжал верить в прогресс своей родины, в ее будущее. Однако силы его уже были надломлены. Весной 1870 года у него произошел инсульт. *2* января следующего года его постигло огромное горе — умерла донья Маргарита. Она с детьми вернулась из Соединенных Штатов в Мехико вскоре после освобождения столицы. Семья Хуареса обосновалась в скромном домике неподалеку от президентского дворца, том самом домике, который был куплен еще в начале тройственной интервенции. Дон Бенито окружил свою супругу трогательным вниманием. Но выпавшие на ее долю тяжелые испытания, смерть пятерых из двенадцати детей сказались на ее здоровье. Она скончалась в 44-летнем возрасте.

Хуарес был потрясен смертью своей верной подруги, с которой он прожил двадцать семь лет. Во время похорон он потерял сознание. Донье Маргарите были устроены гражданские похороны — без участия церковников. В траурной процессии участвовало почти все население столицы.

Овдовев, Хуарес еще с большой энергией принялся за государственные дела. Теперь улыбка исчезла с его лица, его черные как уголь глаза еще строже смотрели на посетителя, он стал еще более скуп на слова, чем прежде.

И все же, несмотря на все превратности судьбы, на личные горести и невзгоды, на ожесточенную борьбу с его бывшими соратниками, на долю Хуареса в эти послевоенные годы выпало я немало счастливых моментов. Он стал свидетелем позорного краха тех, кто пытался поработить его родину я против кого он и его народ боролись с таким героизмом я решительностью.

В 1868 году генерал Прим свергнул в Испании прогнивший режим Изабеллы II, правительство которой столько раз покушалось на независимость Мексики. Хуарес принял предложение Прима восстановить дипломатические отношения, подчеркнув при этом, что он никогда не отождествлял испанский народ с его реакционными правящими кругами. В том же 1868 году произошло восстание на Кубе, кубинский народ начал войну за независимость. Близился час освобождения последней испанской колонии на Американском континенте.

Но больше всего обрадовало Хуареса позорное поражение Наполеона III в войне с Пруссией. 1 сентября 1870 года Наполеон III вместе со стотысячной армией сдался пруссакам в Седане, и некоторое время спустя в Меце без боя вместе с армией, насчитывавшей 173 тысячи человек, им же сдался маршал Базэн,

осужденный потом за предательство на пожизненную каторгу. Вторая наполеоновская империя рухнула, точно карточный домик. Французская печать отмечала, что ее падение было следствием Ватерлоо, понесенного Наполеоном III в Мексике. Английские газеты писали, что «Мексика стала Москвой второй империи».

На обломках империи Наполеона III возникла республика. О ее характере Хуарес знал мало, но он сразу встал на ее защиту против «волка Бисмарка», как он называл прусского канцлера. Общественность Мексики направила французским республиканцам послание, призывая их продолжать борьбу с пруссаками и обещая послать им на помощь Мексиканский легион, в который сразу же вступило 600 добровольцев.

Хуарес отослал послание консулу Монтлюку в Париж, сопроводив его пространным письмом, написанным с редкой для его автора страстностью. В нем было сказано: «Это послание, которое я одним из первых подписал, свидетельствует не только о нашей солидарности с несчастным французским народом, которому стольким обязано священное дело свободы, но и о том, что мы никогда но смешивали его с подлым правительством Бонапарта. Поражение этого бандита, в течение пятя лет сеявшего смерть и разорение в нашей прекрасной стране, было встречено мной с невообразимой радостью. Его трагикомическое падение доставило мне, как мексиканцу и как республиканцу, наслаждение, в то же время у меня вызвало глубокую печаль продолжение войны прусским королем и вызванные ею ужасы. И все же, если отвести взгляд от сцен истребления и разрушения и обратиться от страданий сегодняшнего дня к будущему, то можно сказать, что ужасный катаклизм, угрожающий Франции катастрофой, является в действительности предвестником ее возрождения. Ибо пет сомнения, что Франция возродится к свободной политической жизни, без которой нация при всем значении литературы, науки и искусства является всего лишь человеческим стадом под стражей армии и церкви, этих извечных опор деспотизма, которые мои друзья и я пытались разрушить в Мексике».

Далее Хуарес высказывает твердое убеждение, что французский народ, освободившийся от позорного наполеоновского режима, может и должен победить пруссаков, если он развернет против них всенародную партизанскую войну. Нужно действовать против врага небольшими мобильными отрядами, советовал Хуарес, нападать на его тылы, перерезывать его линии связи, не давать ему покоя ни днем ни ночью, уничтожать его склады, амуницию, боеприпасы, измотать его до

такой степени, чтобы он, пленник своих завоеваний, капитулировал или эвакуировал свои войска. «К этому сводится вся история освобождения Мексики, это то, что мы делали в 1862–1867 годах, — писал дон Бенито. — И если презренный Базэн, достойный слуга своего не менее презренного императора, пожелает с пользой провести свой тюремный досуг, который он заслужил своим одиозным предательством, то он сможет со знанием, дела просветить своих соотечественников относительно непобедимости партизанского движения, борющегося за независимость своей родины».

Необходимо продолжать борьбу против пруссаков, убеждал французских демократов Хуарес, даже в том случае, если падет Париж и прусский король переберется в Тюильри. Максимилиан четыре года владел мексиканской столицей, но это не спасло его от расплаты в Керетаро. Эти годы мексиканские патриоты колесили по стране; были среди них и такие, которые не выдерживали трудностей борьбы, перебегали к врагу. Но ни он, Хуарес, ии его единомышленники не поддались унынию, они продолжали сражаться, пока не добились победы.

«Я надеюсь, что то же произойдет и во Франции, — заканчивал свое письмо дон Бенито. — Ее дело после падения Бонапарта стало делом всех свободных народов. Эта истина так понятна мексиканским демократам, что шестьсот ветеранов войны за независимость, которые сражались в течение пяти лет с войсками Базэна, считают своим долгом направиться во Францию. Вооруженные и экипированные на свои собственные средства, они надеются присоединиться к добровольческой армии Гарибальди, который спешит к вам на помощь. И я гордо заявляю вам: Мексиканский легион достоин бороться и умереть вместе с французской армией, сражающейся сейчас за святое дело мировой республики».

Мексиканскому легиону не было суждено сразиться за свободу Франции. Когда легионеры сосредоточились в Веракрусе, правительство Тьера подписало перемирие с Бисмарком и занялось разгромом Коммуны. И все же из Европы продолжали поступать отрадные известия. Парижские коммунары расстреляли банкира Шеккера, долг которому послужил Наполеону III предлогом для вторжения в Мексику.

А помните другого участника мексиканской авантюры самодовольного маршала Форея, завоевателя Пуэблы и Мехико? У него помутился рассудок, и он закончил свои дни в сумасшедшем доме. А де Салиньи? Бежал из Франции после падения империи, опасаясь, что ему придется отвечать перед народом за вовлечение страны в мексиканскую войну. Предатель

Альмонте, который в годы интервенции состоял послом Максимилиана в Париже, умер скоропостижно, узнав о пленении Наполеона III в Седане.

Некто во время Парижской коммуны изъял ящик тонких вин из подвалов Тюильрийского дворца и послал в дар Хуаресу с запиской: «Вполне естественно, чтобы Вы, имевший честь первым нанести заслуженный удар торговому дому «Бонапарт и компания», воспользовались некоторым ее имуществом теперь, когда эта компания ликвидируется с молотка. Дон Бенито Хуарес, пьющий мадеру Наполеона III, — разве придумаешь лучший финал для постыдной интервенции, которая, по словам ее вдохновителя, должна была стать «самой яркой страницей» его царствования».

В 1869 году Мексику посетил Сьюард, бывший государственный секретарь президента Линкольна и Джонсона. На приеме в Пуэбле Сьюард отдал дань уважения героическим защитникам этого города и заявил, что считает Хуареса самым выдающимся государственным деятелем, с которым ему, Сьюарду, пришлось когда-либо встречаться. Желая успокоить общественность, не исключавшую новых покушений со стороны Соединенных Штатов на суверенитет Мексики, Сьюард сказал, что теперь американцы больше пользы видят в долларах, в накапливании капиталов, в торговле, чем в территориальной экспансии. К лучшему это или к худшему, мексиканцы тогда еще не могли разобраться. Но они уже знали, что свою независимость никогда и никому не уступят. И этой простой истине их научил «маленький индеец» дон Бенито Хуарес. Это ему принадлежит мудрое изречение: уважение чужих прав означает мир.

Прошло 53 года, как безвестный мальчик сапотек покинул горное селение Сан-Пабло-Гелатао и поселился в городе Оахаке. С тех пор он беззаветно служил интересам своей родины. Но сердце его уже давно работало с перебоями, хотя дон Бенито никогда на свое здоровье не жаловался.

В четверг, 18 июля 1872 года, в президентский дворец к дедушке Бенито пришли его приемные дети — сироты, родители которых погибли во время французской интервенции. Они содержались в приюте, на деньги, которые Хуарес выделял для этой цели из своего скромного жалованья. Когда Хуарес прощался с маленькими друзьями, он вдруг почувствовал удушье. Придя в себя, президент продолжал прием посетителей, подписывал государственные бумаги.

Вечером, уже дома, Хуарес вновь почувствовал себя плохо. Вызвали врача Игнасио Альварадо, который установил, что у больного острый приступ грудной жабы. Альварадо, чтобы

оживить сердце, облил грудь больного кипятком. Хуарес стоически перенес пытку. Почувствовав некоторое облегчение, он спросил врача.

— Скажите мне откровенно — моя болезнь смертельна?

— Она не настолько смертельна, чтобы вы не смогли ее перебороть, — дипломатично ответил Альварадо.

В этот момент к Хуаресу пришел министр иностранных дел Лафрагуа. Хуарес поднялся с постели, сел в кресло, накрылся пледом и в течение получаса беседовал с министром, который удалился, пожелав президенту скорого выздоровления. Хуарес проявил такую выдержку во время беседы, что министру даже в голову не пришло, что президент смертельно болен.

Час спустя с Хуаресом произошел новый приступ. Альварадо вновь применил горячие компрессы, на этот раз безрезультатно. К 11 часам ночи Хуарес впал в забытье. Через полчаса врач констатировал смерть.

О кончине Хуареса немедленно оповестили Себастьяна Лердо де Техаду, председателя верховного суда, который согласно конституции становился теперь президентом республики.

Смерть Хуареса покрыла трауром всю страну. Не только его друзья и политические сторонники, но и старые и новые враги, в их числе Порфирио Диас, с редким единодушием отдавали должное патриотизму «маленького индейца», его стойкости, проявленной в тяжелые годы борьбы с французскими интервентами и предателями. «Эль сосиалиста» — газета рабочих, выходившая в Мехико, писала в те дни:

«Умер Бенито Хуарес, великий вождь нашей второй войны за независимость, неподкупный президент, просвещенный и добродетельный патриций, память которого будут чтить грядущие поколения…

Когда мы, сыны народа, добывающие себе хлеб насущный своим физическим трудом, узнали в пятницу утром трагическую новость о смерти дона Бенито Хуареса, из наших рук выпали инструменты труда и глубокая скорбь овладела нашими сердцами».

23 июля состоялись похороны Хуареса. В них приняло участие все население столицы. Газеты отмечали, что во главе траурной процессии шли школьники и 800 рабочих, представлявшие все виды профессий, известных в Мексике.

Рабочая, народная Мексика отдавала последний долг «маленькому индейцу».

* * *

Почтя столетие отделяет нас от того дня, когда прервалась жизнь Бенито Хуареса. Мексика претерпела после его смерти еще много потрясений, много тяжелых испытаний. В 1876 году власть захватил Порфирио Диас. Около тридцати лет железной рукой он правил страной в интересах помещиков, капиталистов и иностранных магнатов. В 1910 году новая революция покончила с его тираническим режимом. Поднялись на борьбу против помещиков многомиллионные массы крестьян. Новые народные вожди вышли на историческую сцену — Эмилиано Сапата, Панчо Вилья. Землю Мексики вновь осквернила пята иностранных интервентов, на этот раз американских империалистов. Но мексиканский народ, продолжая славные традиции Идальго, Морелоса и Хуареса, сумел и на этот раз отстоять независимость своей родины и добиться новых успехов в борьбе за свое социальное освобождение.

Память о Хуаресе жива в Мексике и сегодня. Его образ запечатлен в школьных учебниках и исторических трактатах, величественных памятниках, названиях городов, муниципалитетов, площадей и улиц, в монументальных фресках великих мексиканских живописцев Хосе Клементе Ороско, Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса…

«Маленький индеец» продолжает жить в сердцах простых людей. И на знаменах тех, кто стоит на страже независимости, сегодня, как и вчера, начертаны грозные для внутренних и внешних врагов Мексики слова:

Вива Хуарес!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕНИТО ХУАРЕСА

1806 — 21 марта родился Бенито Хуарес в селении Сан-Пабло-Гелатао, провинция Оахака, вице-королевство Новая Испания (Мексика).

1810 — Начало войны за независимость Мексики.

1818 — Хуарес поселяется в городе Оахака.

1821 — Провозглашение независимости Мексики.

1826 — Хуарес поступает в Институт наук и искусств в Оахаке.

1831 — Заканчивает Институт наук и искусств, избирается муниципальным советником в Оахаке.

1832 — Избирается депутатом провинциального конгресса Оахаки.

1836 — Получает диплом адвоката.

1841 — Назначается мировым судьей в Оахаке.

1843 — Вступает в брак с Маргаритой Маса.

1844 — Секретарь провинциального правительства в Оахаке.

1845 — Аннексия Техаса Соединенными Штатами.

1846–1848 — Захватническая война США против Мексики.

1846 — Хуарес, исполняющий обязанности председателя Верховного суда Оахаки, депутат Национального конгресса.

1847 — Исполняющий обязанности губернатора штата Оахака.

1848–1852 — Губернатор штата Оахана.

1853–1855 — Живет в изгнании в Новом Орлеане, США.

1854 — Начало буржуазной революции в Мексике.

1855 — Министр юстиции, просвещения и церковных дел в правительстве президента Хуана Альвареса; автор закона Хуареса, упразднившего привилегии церкви и армии.

1856 — Губернатор штата Оахака.

1857, 5 февраля — Принятие конгрессом демократической конституции Мексики; Хуарес — вице-президент республики и председатель верховного суда республики; министр внутренних дел в правительстве Комонфорта.

1858 — После реакционного переворота и отставки президента Комонфорта Хуарес согласно конституции становится президентом республики. Начало трехлетней гражданской войны за реформы.

1859 — Правительство Хуареса, пребывая в Веракрусе, издает важнейшие законы реформы — об отделении церкви от

государства, конфискации церковной собственности и другие.

1860–1861 — Окончание гражданской войны. Возвращение правительства Хуареса в Мехико. Хуарес избирается на новый четырехлетний срок президентом республики. Мексика временно прекращает платежи по иностранным займам. Создание трехсторонней антимексиканской коалиции. Вторжение англо-франко-испанских войск в Мексику. 1862–1867 — Война мексиканского народа против французской интервенции.

1862 — Эвакуация англо-испанских войск из Мексики; расширение французской интервенции.

5 мая — Поражение французских войск у Пуэблы.

1863, 31 мая — Правительство Хуареса покидает Мехико. Оккупация столицы французскими войсками. Развитие всенародной войны против интервентов.

1864 — Провозглашение эрцгерцога Максимилиана императором Мексики, его приезд и страну.

1869 — Поражение французских интервентов, их эвакуация из Мексики; взятие республиканскими войсками города Керетаро, пленение Максимилиана и его расстрел. Победа республиканской армии над силами внутренней реакции и иностранными, наемниками. Возвращение правительства Хуареса в столицу. Президентские выборы. Избрание Хуареса президентом на новым срок.

1871, 2 января — Смерть доньи Маргариты, супруги Хуареса. Избрание Хуареса президентом республики в третий раз. Антиправительственное восстание генерала Порфирио Диаса.

1872, 18 шюля — Смерть в Мехико Бенито Хуареса.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К., Интервенция в Мексике; Парламентские дебаты по поводу ответного адреса; Мексиканская неразбериха; Недопущение дебатов о Мексике и союз с Францией (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, 2-е изд., т. 15).

Чернышевский Н. Г., Январь 1862 (Полн. собр. соч., т. VIII. М., изд-во «Художественная литература», 1950).

Альперович М. С., Война за независимость Мексики 1810–1824. М., изд-во «Наука», 1964.

Беленький А. Б., Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861–1867). М., Изд. АН СССР, 1959.

Очерки новой и новейшей истории Мексики, 1810–1945. Под ред. М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова. М., Изд-во соцэконом. литературы, 1960.

Паркс Т., История Мексики. М. Изд-во иностранной литературы, 1949.

Потокова Н. В., Агрессия США против Мексики (1846–1848). М., Изд-во соц. эконом. литературы, 1962.

Хиль М., Наши добрые друзья. М. Изд-во иностранной литературы, 1959.

Juarez Benito, Documentos, discursos y correspondencia, v. 1—12. Mexico, 1964–1968.

Juarez Benito, Apuntes para mis hijos. Datos autobiográficos del Benemérito de las Americas, tornados de su archivo privado. Mexico, 1955.

Maximiliano, El libro secreto de Maximiliano. Mexico, 1963.

Foix P., Juärez. Mexico, 1957.

Roeder R., Juarez y su Mexico, v. I–II. Mexico, 1958.

Sierra J., Juârez, su obra y su tiempo. Mexico, 1965.

Smart Ch. A., Viva Juarez. London, 1964.

Иллюстрации

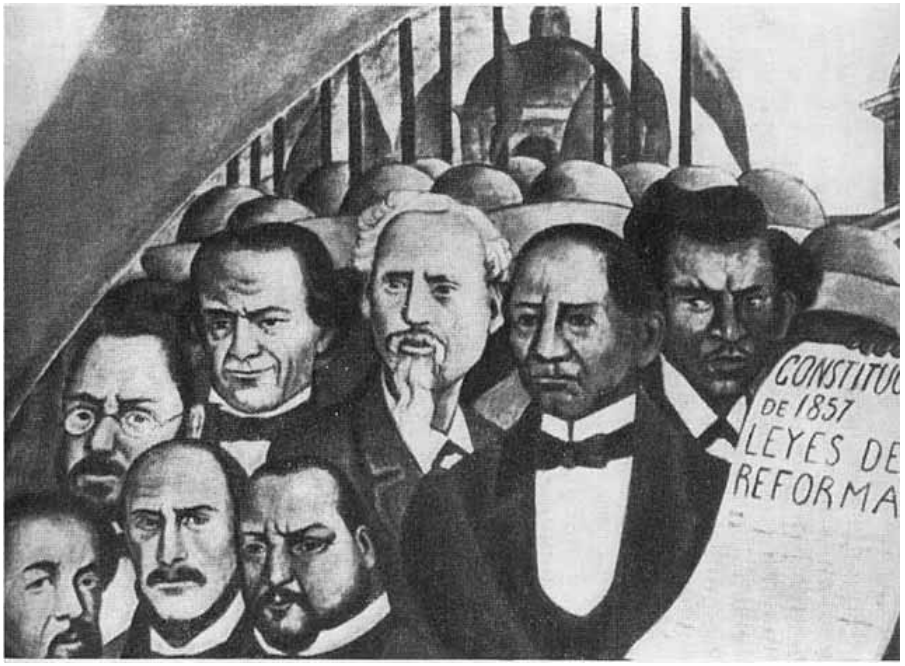
Донья Маргарита и дон Бенито.

Педро Сантасилия с супругой Мануэлой Хуарес.

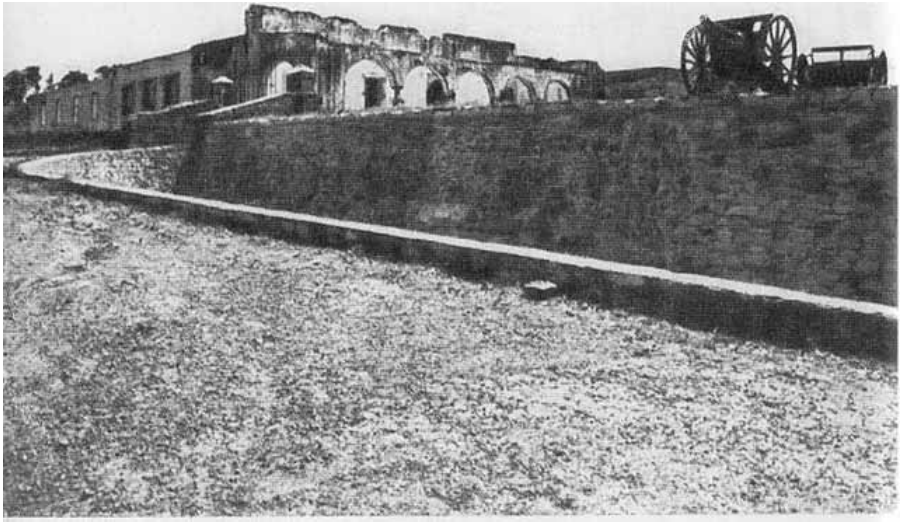
Донья Маргарита с дочерьми.

Донья Маргарита.

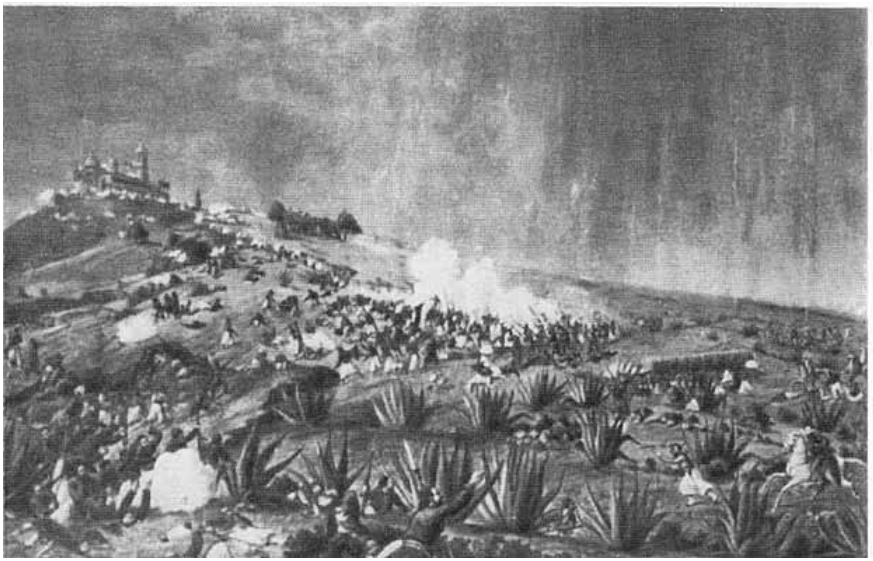
Президентский дворец в Мехико Гравюра середины XIX века.



Конституция 1857 года. Фрагмент фрески Диего Риверы.



Форт Гуадалупе, Пуэбла. Современное состояние.



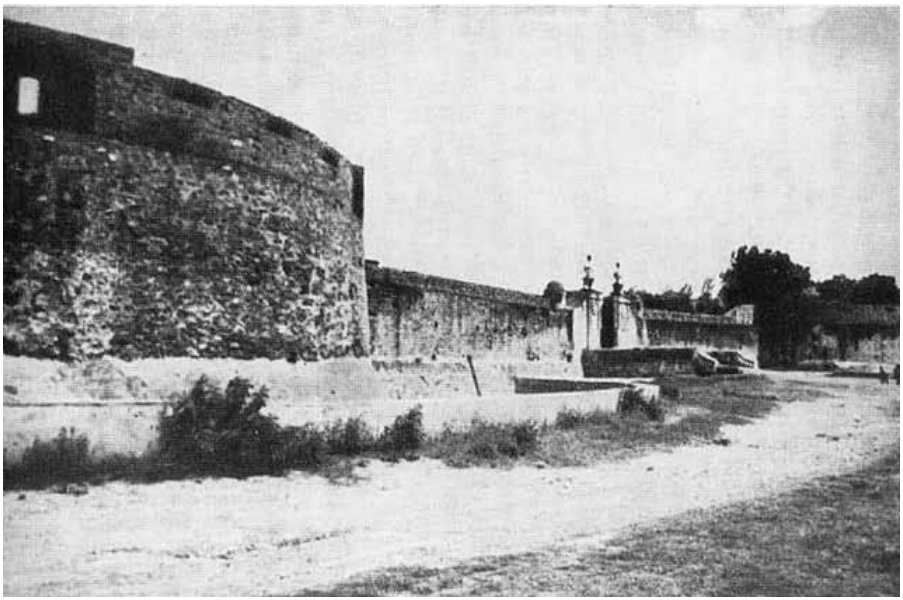
Сражение у Пуэблы 5 мая 1862 года.

Генерал Игнасио Сарагоса.

Памятник генералу И. Сарагосе в Пуэбле.

Генерал Порфирио Диас.

Генерал И. Сарагоса после победы у Пуэблы 5 мая 1862 года.



Форт Лорето, Пуэбла. Современное состояние.

Генерал Игнасио Комонфорт.

Генерал Хесус Гонсалес Ортега.

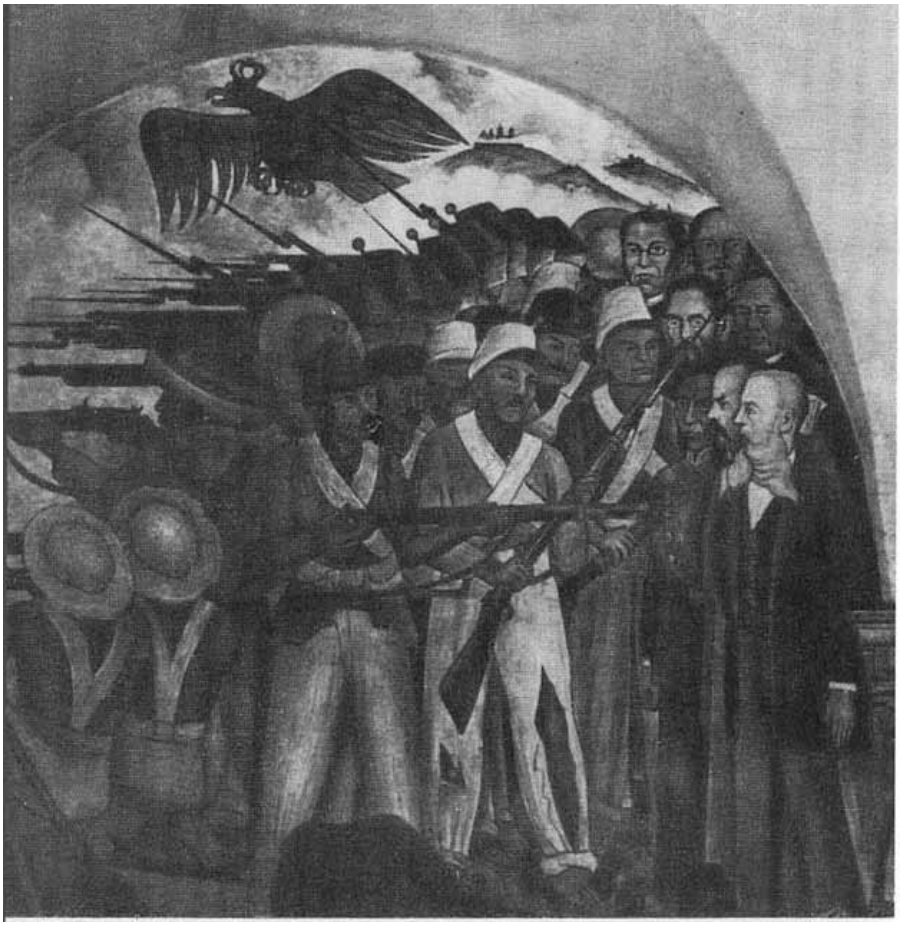
Схватка партизан с французским отрядом.

Генерал Хуан Прим.

Императрица Шарлотта.

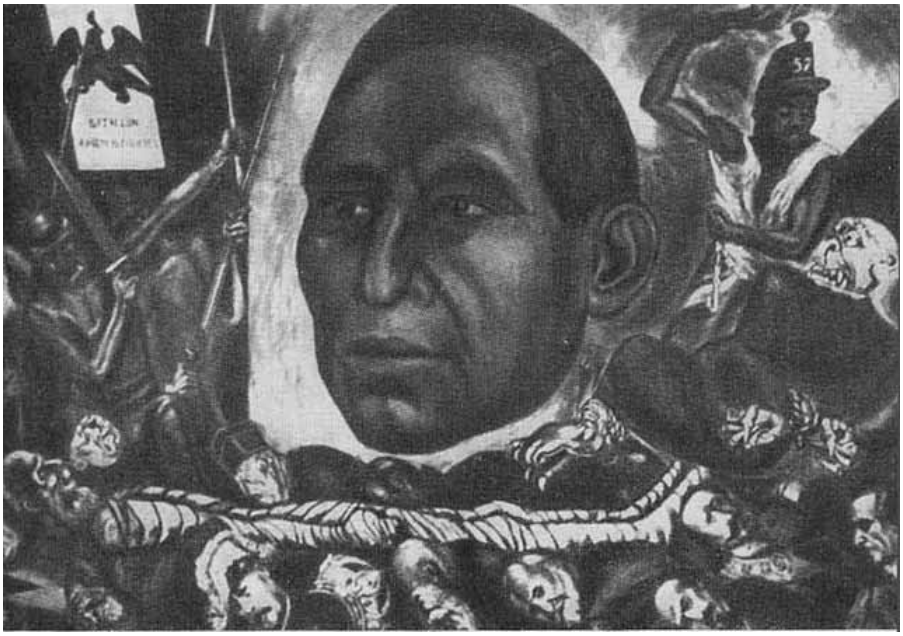
Император Максимилиан.

Въезд Максимилиана и Шарлотты в Мехико. Современная гравюра.



Расстрел Максимилиана. Фреска Диего Риверы.

Кареты Хуареса.



Хуарес. Фреска Х. К. Ороско.

Посмертная маска Хуареса.

notes

Примечания

1

Гачупин — презрительная кличка испанцев в Мексике.

2

Псевдоним патриота Феликса Фернандеса, принятый им в период войны с испанцами с целью привлечения на сторону патриотов индейского населения. *Гуадалупе* — имя популярной в Мексике святой, покровительницы индейцев. *Виктория* — победа.

З

Великая северная река.

4

Синоним Соединенных Штатов Америки.

5

Вара — мера длины, равна 83,5 сантиметра.

6

В 1859–1860 годах Испания вела колониальную войну в Марокко, и в 1861 году она захватила Доминиканскую республику, которую удерживала в течение четырех лет.

7

Герой анонимной испанской повести «Ласарильо с Тормеса и его беды и несчастья», появившейся в середине XVI века, образ ловкого плута.

8

Итальянские территории Ницца и Савойя были присоединены к Франции в 1860 году в результате плебисцита, организованного Наполеоном III с целью замаскировать их аннексию.